

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
КОСТРОМСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Горланова Ирина Борисовна

ТОПОНИМИЯ ГОРОДА КОСТРОМЫ

Монография

**Кострома
Издательство КГТУ
2010**

ББК

Рецензенты:

Н.С. Ганцовская, доктор филологических наук, профессор Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова;

М.А. Фокина, доктор филологических наук, профессор Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова

Г Горланова И.Б.

Топонимия города Костромы: монография / И.Б. Горланова. Изд-во Костромского гос. технолог. ун-та, 2010. – 105 с.

Данная работа дает представление о том, как создан тот или иной топоним, какова его связь с другими названиями и явлениями, общими для русских географических имен. В то же время она покажет своеобразие и неповторимую привлекательность волжских костромских топонимов.

Книга адресована широкому кругу читателей, интересующихся историей города и происхождением городских названий.

УДК

© Горланова И.Б., 2010

© Костромской государственной технологической университет, 2010

Содержание

Введение.....	4
Глава 1. Некоторые вопросы теории, связанные с темой исследования.....	7
1.1. Специфика городских названий как имен собственных.....	7
1.2. Онимическое пространство современного города как система.....	8
1.3. Членение городских топонимов. Вопросы терминологии.....	9
Глава 2. Особенности системной организации топонимического пространства города Костромы.....	13
2.1. Общая характеристика топонимического пространства современного города Костромы.....	13
2.2. Реки как главный фактор членения онимического пространства Костромы.....	16
Глава 3. Семантика и функционирование топонимов г. Костромы первого синхронного среза (XII -XVII веков).....	21
3.1. Внутригородская иерархия топонимов г. Костромы по признаку протяженности и занимаемой площади.....	21
3.2. Планарные топоназвания в структуре онимического пространства города на первом срезе.....	24
3.3. Линейные топоназвания как структурообразующие элементы топосистемы средневекового города.....	45
3.4. Точечные топонимы в структуре онимического пространства города на первом синхронном срезе.....	53
Глава 4 Внутригородская структура топонимов в период регулярной планировки города XVIII-XIX веков (второго синхронного среза).....	61
4.1. Планарные топоназвания в структуре онимического пространства города Костромы XVIII-XIX веков.....	62
4.2. Линейные топоназвания как структурообразующие элементы топосистемы города Костромы в период XVIII-XIX веков.....	68
4.3. Точечные топонимы второго синхронного среза.....	80
4.4. Городские названия Костромы как система на современном этапе ее развития.....	85
Заключение.....	88
Список сокращений.....	90
Источники.....	91
Словари.....	92
Список литературы.....	93
Приложения	
1. Карта «Костромские топонимы на древнем синхронном срезе».....	102

2.Карта «Онимическое пространство города Костромы».....	103
3.Карта «Динамика распространения топонимического пространства».....	104
4.Карта «Онимическое пространство первого среза (центр – периферия)».....	105

Введение

За последние десятилетия в российской топонимике появился ряд работ, изучающих речевой облик города, сформировалось представление о языке города как целостной системе, исторически сложившейся и функционально закреплённой. Географические названия как лексические знаки занимают в этой системе особое место.

В настоящее время существуют работы, рассказывающие об истории названий городских объектов: Г. П. Смолицкая «Топонимия Москвы», К. С. Горбачевич «Улицы Санкт-Петербурга», И. С. Самойлович «Топонимия Калуги», С. А. Попов «Топонимия Воронежской области» и др., которые дают возможность современному читателю через язык городских названий приблизиться к пониманию истории города.

Изучение топонимов Костромы – это путь к сохранению историко-культурного наследия города, потому что городские названия являются тем источником информации, который сохраняется дольше других. Могут быть разрушены памятники, снесены здания, а народная память продолжает хранить их названия. Топонимия помогает раскрыть историю города через язык названий городских объектов.

«Язык города» обладает мифологической культурной памятью. Из предшествующего культурного опыта вдруг оживают в новых названиях главные мифологемы города Костромы. Первая из них связана с образом Волги: ул. Волжская, Набережная и др. Вторая – историко-культурная мифологема – связана с представлением о городе как текстильном центре. Комплекс топонимов, объединённый данной темой, окрасил топонимику Костромы определённым образом. Третья мифологема возникла в связи с важным историческим событием: Кострома в XVI веке стала колыбелью династии Романовых. В книге описана группа названий улиц по именам лиц царской фамилии: Екатеринославская, Павловская и т.д.

Актуальность работы обусловлена необходимостью зафиксировать и сохранить не только современные официальные и неофициально-бытовые названия всех объектов города: улиц, площадей, переулков, скверов, аллей, садов, бульваров, парков, рек, прудов и т.д., но и также официальные и народно-бытовые названия внутригородских объектов: хозяйственно-экономических, башен кремля, торговых построек, храмов и т.д.

В книге представлены городские названия с древнейших времен до наших дней. Описание топонимов Костромы поможет сформировать полное представление об исторических традициях и духовной культуре костромичей.

В книге представлено 1153 топонима, разработаны 4 карты топонимов на разных исторических срезах.

Комплексное изучение топонимического пространства города, включающее географические и исторические аспекты, особенности функционирования топонимов, позволяет выявить как общие черты, свойственные топонимам в целом, так и специфику языкового кода города. Комплексное исследование топонимии города Костромы предполагает

обращение к краеведческому материалу и описание топонимов как в синхронном аспекте, так и всестороннее изучение всей совокупности топонимов в диахронном плане, установление связей между ними, выявление наиболее продуктивных моделей, а также анализ закономерностей функционирования их в речи жителей города.

Город Кострома имеет свою систему названий, с одной стороны, обусловленную географическим пространством, с другой стороны, местными особенностями языка, сложившимися под влиянием определенных исторических условий.

Топонимия города Костромы исследуется в аспекте проблем русской ономастики в синхронно-диахронном плане. Комплексное изучение ономиического пространства Костромы предполагает привлечение к исследованию широкого круга исторических источников XVII–XX вв. Общим проблемам языка города и изучению отдельных топонимических систем посвящены труды Р.А. Агеевой, Е.Л. Березович, И.А. Воробьевой, М.В. Голомидовой, М.В. Горбаневского, К.С. Горбачевича, В.В. Жирмунского, В.А. Жучкевич, Л.А. Климовой, А.К. Матвеева, А.М. Мезенко, Э.В. Мурзаева, В.П. Нерознака, В.А. Никонова, Н.В. Подольской, Е.М. Поспелова, Г.П. Смолицкой, А.В. Суперанской, Н.С. Студенова, Л.Л.Трубе, Ю.В.Чайкиной и др. Вопросам исследования истории и этимологии отдельных городских названий Костромы посвящены работы краеведов: С.И. Алексеева, И.В. Баженова, В.Н. Бочкова, С.Г. Виноградовой, Н.С. Ганцовской, А. А. Григорова, Н.А. Зонтикова, О.Н. Кивокурцевой, Е.А. Кудряшова, В.К. Лукомского, Б.Н. Негорюхина, П.Ф. Островского, Л.И. Сизинцевой и др. Изменение систем урбанонимов русского провинциального города XVII – XX вв. исследовал Р.В. Разумов на примере систем городов Костромы, Рыбинска и Ярославля.

Несмотря на наличие работ по частным вопросам урбанонимики, в целом неразработанной остается проблема системной организации всего ономиического пространства города, в том числе и города Костромы. Требуют изучения вопросы этимологии и истории отдельных городских названий и их комплексов, семантического и структурного своеобразия типичных локальных топонимов, их типологии в общерусском масштабе.

Названия города Костромы представляют целостную систему в структурно-семантическом и функциональном плане, возникшую в результате длительного исторического развития и сохранившую свои основные черты до наших дней.

Предмет исследования обусловлен историко-культурной и лингвистической ситуацией в России. Являясь частью территории центральной России, ономиическое пространство города Костромы характеризуется типичными для этой зоны признаками. В то же время наличие в городе славянских названий объектов, расположенных на бывших мерянских землях, влияние севернорусских диалектов на словарь географических имен, местоположение и географические особенности города обеспечивают своеобразие топонимической системы города.

Впервые в монографическом плане исследуется топонимия Костромы как объект лингвистического изучения. Анализируются городские топонимы Костромы с момента ее возникновения до сегодняшнего дня, сохранившиеся в исторических источниках, официальных документах и живой речи горожан. Вводится в научный оборот новый топонимический материал. В данном исследовании предлагается комплексный многоаспектный анализ топонимов в историческом плане на разных синхронных срезах во всей полноте семантических связей.

В работе использовались современные источники: полевые материалы, физико-географические и политико-административные карты, карты архитектурных строений, схема расположения памятников архитектуры и культуры и зон их охраны, карты г. Костромы, Ярославля, Москвы, современные справочники и статистические отчеты.

Для исследования привлекались картографические материалы: план «Град Кострома до пожара 1773 года», реконструированный С. С. Смирновым, план «Стены и башни Костромского кремля по описанию 1679 г.», путеводитель «Торгово-промышленная адресная и справочная книга с планами 1914 года» под ред. П. Е. Навоева, карта города Костромы 1977 года под ред. Т. И. Шкидина. Привлекались археологические и архивно-исторические документы XII - XIX веков.

Исследование топонимов первого и второго периодов в основном проводилось на базе сведений Писцовой книги Костромы 1628 года; Дозорной книги Костромы 1664 года; Постатейной росписи Костромского Кремля 1678 года в публикации Н. А. Зонтикова; Материалов для географии и статистики Костромской губернии, составленных офицером генерального штаба Яном Крживоблоцким в 1861 году; Географических сведений о Костромской губернии 1876 года; Краткого путеводителя по г. Костроме и Костромской губернии, составленного П. А. Алмазовым в 1909; Памятной книжки Костромской губернии на 1862 год, составленной губернским статистическим комитетом; Книги генерального межевания России 1775 года; справочника «Улицы Костромы», составленного В.Н. Бочковым в 1989 году; использовались материалы археологических исследований территории г. Костромы, обобщенные в монографии С.И. Алексева; частично задействованы сведения из материалов Статистического описания соборов и церквей Костромской епархии за 1863 год, Костромской ученой архивной комиссии, а также опубликованные и неопубликованные письма, воспоминания костромичей (А.Л. Колгушкина, Д.Ф. Белорукова), материалы личного фонда Е.В. Кудряшова и т. д.

Глава 1. Некоторые вопросы теории, связанные с темой исследования

1.1. Специфика городских названий как имен собственных

Основное назначение топонимов – это фиксация географических объектов на поверхности земли, поэтому они должны, называя, различать, при этом одно название должно противопоставляться другому, и каждое – всем [Суперанская 1985: 157–158]. Имена собственные обладают дифференцирующей функцией, в то время как нарицательные – классифицирующей. По функциональному значению собственные имена разъединяют однородные объекты, а нарицательные – объединяют их. Так как имя собственное не связано с понятием, ряд исследователей говорит об отсутствии у собственных имен лексического значения (Ахманова 1957; Галкина-Федорук 1956; Уфимцева 1968; Реформатский 1964; Толстой 1964, 1968, 1969; Арутюнова 1977 и др.). Другая группа исследователей не отрицает наличие у собственных имен лексического значения, а лишь говорит об особом характере семантики собственных имен по сравнению с именем нарицательным (Буслаев 1959; Щерба 1958; Потебня 1958; Никонов 1966, 1974, 1988; Воробьева 1967, 1976, 1977; Суперанская 1971; 1973; Карпенко 1962, 1970; Щетинин 1968 и др.). Такие исследователи, как Н.И. Толстой 1968, О.Н. Трубачев 1996, В.Н. Топоров, рассматривая аспекты этнокультурной интерпретации первичной мотивации слова, в том числе и топонима, считают, что применительно к имени собственному следует говорить не о семантике, а об информации, заложенной в имени.

Анализируя топонимию города Костромы, мы вслед за В.А. Никоновым (1965), М.Н. Морозовой (1969, 1970), Г.П. Смолицкой (1982) исходим из следующих представлений о свойствах топонимов вообще и городских в частности. Апеллятивная и топонимическая лексика имеет различия, проявляющиеся в семантических моделях, принципах номинации, словообразовательных моделях, особенностях адаптации, своеобразии ядерных и периферийных зон распространения топонимии, структурно-семантических особенностях, способах соединения компонентов. Апеллятивы обладают внутренней формой слова и имеют значение. Имея значение, апеллятивы способны к обобщению. Топоним как имя собственное, выполняя свою назывную и адресную функцию, должен идентифицировать тот или другой объект и тем самым отличать этот объект от других подобных, выполнять роль индивидуализации, свидетельствуя о том, что именуемый объект мыслится не как представитель класса, а как единственный в своей данности.

Топонимы как собственные имена вторичны, имеют специфическую семантику, особое словообразование и словоизменение. Эти отличия позволяют считать, что собственные имена представляют особую систему, отличную от системы апеллятивной лексики. Топонимы выполняют функцию индивидуализации, идентификации именуемых объектов среди других объектов.

1.2. Онимическое пространство современного города как система

Городское онимическое пространство представляет собой сложную систему, включающую подсистемы антропонимов, топонимов, эргонимов и др.. Система эта отличается динамичностью, открытостью и гибкостью. Ее подсистемы в процессе развития активно взаимодействуют и пополняются за счет взаимопроникновения элементов этих подсистем, а также за счет апеллятивной лексики, которая онимизируется.

Процесс заселения и освоения новых территорий неизбежно сопровождается процессом ономастической номинации, т. е. порождением имен собственных и созданием онимического пространства. Под онимическим пространством российские исследователи обычно понимают комплекс собственных имен всех классов, употребляемых в языке данного народа в данный период [Суперанская 1973: 147], [Горбаневский 1996: 15]. Изучаемое нами топонимическое пространство города, являясь подсистемой всего онимического пространства, имеет свои характерные черты. Топонимическая лексика обладает общей семой – пространственно-временной ориентации. Эта сема является дифференциальным признаком при членении лексики на нарицательную и собственную. В собственной же лексике эта сема остается интегративной. Для топонимов основной является пространственная функция, а временная – дополняющей.

Системно организованное топонимическое пространство города – это органичное саморазвивающееся целое, которое в процессе своего индивидуального развития проходит последовательные этапы усложнения и дифференциации. Топонимическое пространство как система выполняет функцию классификации его объектов.

Уже в конце 60 годов была провозглашена идея системного описания топонимов, предполагающая всестороннее изучение всей совокупности топонимии какой-либо исторически сложившейся территории, установление связей между топонимическими названиями, выявление наиболее продуктивных моделей и особенностей функционирования названий в реальной топонимии. Идея системности нашла свое воплощение в работах ученых

В. В. Виноградова (1975, 1977), Ф. П. Филина (1982), Н. И. Толстого (1969), Д. Н. Шмелева (1964, 1973, 1977), Ю. Н. Караулова (1976), Л. М. Васильева (1981), И. А. Стернина (1984, 1985), А. А. Уфимцевой (1968), А. М. Кузнецова (1986), С.В. Кезиной (2004), С.Ю.Семеновой (2004), Е.В.Пономаренко (2004) и др. На базе этих исследований особенности топонимической системы разрабатывали Э.М. Мурзаев (1982, 1974, 1993), Н.В. Подольская, А.В. Суперанская.

Важным, на наш взгляд, было введение А. А. Белецким (1972) , Л.В. Горожанкиной (1979) понятия «динамической системы», которая предполагает сохранение устойчивого каркаса при изменчивом наборе лексических элементов [Белецкий 1972: 193]. Системное описание ономастикона города предполагает выявление приемов, мотивов и способов номинации, используемых при именовании объектов на данной территории,

выделение основных структурно-грамматических моделей образования топонимов.

Е. Л. Березович вводит понятие «локальной топонимической системы» – единицу описания системности, т. е. идеального конструкта, наиболее адекватного объекту описания. Единство локальной топонимической системы обеспечивается определенными системными параметрами: экстралингвистическая заданность границ (определенная исторически сложившаяся территориальная и хозяйственная общность); дифференциация системы; однозначность каждого названия; конкретность, т.е. у каждого значимого объекта есть название; иерархичность строения, проявляющаяся в наличии ядра и периферии; заданность позиции номинатора; тенденция к связи наименований между собой [Березович 1997: 70]. В ходе исследования мы опираемся на данные способы описания топонимии.

Разделяя также мнение Л.А. Климковой, считаем, что исходя из требований системного подхода, при исследовании топонимической системы города следует последовательно изучить внутреннюю структуру ономастикона города, отдельные ее элементы и связи между ними, характер взаимодействия, составить ее «интеграционные характеристики», изучить внешние связи с языковой системой всего региона, проследить динамику развития системы [Климкова 1988: 25].

Итак, для решения задач, связанных с определением своеобразия топонимической системы города, необходимо обратиться к поиску системности, которая может просматриваться на уровне компонентного анализа понятийного содержания топонимов, закономерности исторического развития топонимической системы, с учетом как семантической, так и функциональной их специфики. А так как топоним как имя собственное в языке не обозначает понятия, то возникает необходимость анализа семантики апеллятивных основ топонима. Это обусловлено тем, что славянская топонимия относительно молодая, она прозрачна и в ней легко найти мотивацию, свойственную исходному нарицательному имени.

1.3. Членение городских топонимов. Вопросы терминологии

При анализе топонимов, их классификации исследователи исходят прежде всего из того, что производящая основа топонима (как апеллятивная, так и онимическая) и есть то главное «содержание» географического названия, которое обладает основным информационным потенциалом и нуждается в описании, исследовании, классификации (в данном случае – семантической, содержательной). В подавляющем большинстве классификаций рассматриваются как топонимы, основой которых послужили апеллятивы, так и образованные от других имен собственных. Рассмотрим некоторые классификационные схемы, на которые мы опираемся в нашей работе при анализе топонимии города Костромы.

Традиционно известная, применяемая В. А. Никоновым, М. В. Горбаневским и др. классификация топонимов последовательно изложена в

работе Т. В. Чернышевой. Оба автора выделяют три группы объективных мотивировочных признаков, формирующих русскую лексику: 1) признаки, присущие самому объекту (форма, способ образования, размеры, особенности почвы, наличие-отсутствие растительности, воды, цвет); 2) признаки, проявляющиеся по отношению к другим объектам; 3) признаки, проявляющиеся по отношению к человеку [Чернышева 1988: 3-8].

Представляет также интерес исследование А.И. Яценко «Лингвистический анализ микротопонимов определенного региона». Автор, детально анализируя принципы лексико-семантической классификации топонимов А.М. Селищева (1968), В. Ташицкого, предлагает следующую классификацию микротопонимов: 1) названия, отражающие особенности (признаки) самого объекта (иначе качественные); 2) названия, указывающие на положение одного объекта по отношению к другому (или локативные); 3) названия, выражающие принадлежность (принадлежностные или посессивные)[Яценко 1977: 59].

При характеристике названий рек, протекающих по территории Костромы, мы опираемся на исследование В.А. Жучкевич. Автор делит гидронимы на группы в соответствии с наличием определенных гидронимических аффиксов, а также по смысловому значению: названия, соотносимые с названиями животных; соотносимые с названиями растений; указывающие на цвет и качество воды; характеризующие особенности течения; названия, данные по береговым объектам [Жучкевич 1968: 33].

Определенным шагом на пути к детальному изучению языковой картины мира стала классификация топонимов Г. М. Керта и В. А. Лебедева, которые использовали понятийную систему ЭВМ Р. Халлига и В. фон Вартбурга. В ее основе лежит принцип определения зависимости семантики от экстралингвистических факторов: окружающая среда (ландшафт с его животным и растительным миром); хозяйственная деятельность человека; космогонические представления; эстетические ценности (Г. Керт, В. Вдовицын, А. Веретин: 1993,1998). Авторы разделяют топонимы Карелии на две группы: названия, отражающие физико-географические особенности объекта, непосредственно связанные с практической деятельностью человека. Система понятий состоит из трех основных разделов: 1) вселенная, 2) человек, 3) человек и вселенная. Эта классификация применима к анализу городских топонимов.

Вопросам классификации городских топонимов посвящена работа А.В. Суперанской «Наименования и переименования в городах», где отражена специфика городской топонимии. Автором выделяются группы названий: 1) наименования в честь отдельных лиц, 2) наименования по группам лиц, 3) наименования по названиям населенных пунктов, 4) наименования по искусственно созданным микротопонимическим объектам, 5) наименования по объектам природной микротопонимии, 6) наименования по физико-географическим объектам, 7) церковные наименования, 8) наименования по местоположению, 9) наименования по внешнему виду или впечатлению, 10) наименования по назначению или основному

использованию, 11) наименования, повторяющие названия соседних улиц, 12) символические наименования [Суперанская 1966]. В другой работе тот же автор выделяет топонимы–метки, топонимы–описания, топонимы–регистраторы и топонимы–пожелания [Суперанская 1985: 35-42]. Данные термины мы используем при характеристике топонимов Костромы.

Сравнительный анализ, выявляющий сходства топонимов русских городов центра России, дает Н.В. Подольская в работе «Урбанонимия центральных областей РСФСР» (1974). Составленная автором картина показала сходство тенденций в номинации объектов в различных русских городах в одни и те же исторические периоды: 1) названия улиц и площадей по церквям и монастырям, 2) название мест поселений, 3) по ремеслу или занятию, которое процветало, 4) название объектов по связи их с торговлей, 5) по связи с именем города или села, к которому можно проехать по данной улице. Анализ топонимов Костромы развивает и дополняет конкретными примерами предложенную автором концепцию.

Базовым при определении ономастических терминов для нас является «Словарь русской ономастической терминологии», разработанный Н. В. Подольской в рамках работы над общеславянским ономастическим словарем. Автор предлагает следующие термины для членения городских топонимов: *урбаноним* – имя городского объекта; *гидроним* – имя водного объекта; *гелоним* – имя болота; *эргоним* – имя делового объединения людей; *дримоним* – имя лесного участка; *дромоним* – имя дороги; *экклизионим* – имя места совершения обряда; *лимноним* – имя пруда; *агороним* – имя площади; *ойконим* – имя любого поселения; *ороним* – имя элемента рельефа; *комоним* – имя сельского поселения; *хороним* – имя территории; *годоним* – имя улицы, линейного объекта в городе и др.

Соединение синхронного лексико–семантического анализа с хронологическим и историческим аспектами наблюдаем в статье В. Н. Перлина о топонимах города Смоленска. Автор говорит о древних топонимах, возникших ранее XVII века (как сохранившихся до настоящего времени, так и скрытых), о топонимах, возникших в XVII – XIX вв. (преимущественно названия улиц по названиям церквей или главных дорог), а также о названиях, появившихся в советское время. Данная периодизация совпадает с разделением топонимического материала на три периода в нашей работе.

Концепцию существа и содержания географических названий выстраивает М. В. Горбаневский в своей работе «Русская городская топонимия» (1996). Автор выделяет три пути образования имени собственного: онимизация апеллятива; трансонимизация имени собственного; смешанный путь. Первая модель образования топонимов, онимизации апеллятива, может принимать две конкретные формы: метафорическая онимизация апеллятива, метонимическая онимизация апеллятива, имеет место и ложная онимизация апеллятива. Вторая модель образования топонимов, трансонимизация имен собственных, может принимать также две формы: метафорическая трансонимизация и

метонимическая трансонимизация. М.В. Горбаневский выдвигает гипотезу о топониме как о свернутом многоплановом тексте, утверждая, что топонимы не приобретают в тексте понятийную соотнесенность, а реализуют себя как некую информационную субстанцию, подвергшуюся до этого компрессии, свертыванию. В этом случае топоним выступает как целостная единица обозначения, являющаяся лингвистическим, историко-культурным и семиотическим феноменом [Горбаневский 1996: 171]. При определении принципов и способов образования топонимов Костромы мы также в определенной мере опираемся на указанную классификацию.

Новое звучание топонимика получила в связи с развитием когнитивной лингвистики, нацеленной на изучение внутренней структуры динамики говорящего – слушающего, которую она рассматривает как систему переработки компонентов (модулей), соотносящую языковую информацию на разных уровнях. Обращаясь к вопросам этнолингвистического исследования топонимов Екатеринбурга, Е.Л. Березович в работах: «Семантические микросистемы в русской топонимии» (1992) и «Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте» (1999) разрабатывает прагматическую концепцию географического пространства в русской топонимии, которая близка к логико-семантическому направлению. Топонимическая система рассматривается с позиций антропоцентризма как основного принципа методологических исследований с опорой на когнитивную науку. Репрезентация мира, его концептуализация и категоризация зависят от субъективных факторов: уровня компетентности и точки зрения на предмет. Согласно этой концепции предлагается классификация топонимов, в основу которой положена народная система ориентации в пространстве. Автор предлагает разработанную детальную параметризацию географического пространства. Используются следующие пространственные параметры: локализация объекта, охват местности, протяженность, обжитость пространства (оппозиция жилой – пустой). С помощью топонимических маркеров осуществляется локализация объекта на основе следующих базовых параметров: ближний – дальний, правый – левый, передний – задний, свой – чужой, верх – низ, стороны света, начало – конец [Березович 1997, 2000, 2004]. В целом работа Е.Л. Березович представляет собой новую концепцию этнолингвистического подхода к топонимическому материалу. Вышеописанные классификационные системы в той или иной степени могут быть использованы при многоаспектном анализе топонимии города Костромы для выявления всей полноты связей и доказательства системной организации онимического пространства города.

Глава 2. Особенности системной организации топонимического пространства города Костромы

2.1. Общая характеристика топонимического пространства современного города Костромы

Топонимическое пространство города Костромы имеет системное строение. Топосистема города Костромы сложилась в процессе исторического развития края, имеет черты, характерные для городов центральной части России, возникших в XI - XII веках, таких как Москва, Владимир, Ярославль, но в то же время обладает достаточным количеством индивидуальных черт, формирующих ее как своеобразную сложную топосистему, состоящую из разнородных элементов. Данная система ограничена определенной территорией, имеет специфический инвентарь языковых средств, для нее характерна лексическая и формантная общность элементов.

Целесообразно выделить ряд факторов экстралингвистического характера, повлиявших на формирование топосистемы города. К ним относятся: характер рельефа города (наличие гор и низин, соотношение рек и суши); особенности исторического развития края; градостроительная структура и архитектурно-планировочные элементы; интенсивность развития промышленности и экономики; соотношения центра города и современных районов. Характерным для Костромы считаем постоянство ее ядра (центра города) и постепенное смещение периферической зоны, представленной тремя полукольцами¹. Для определения своеобразия лексики и особенностей организации топонимического пространства Костромы кратко представим экстралингвистическую характеристику города.

В настоящее время Кострома – это средний по величине и численности населения город центральной России, расположенный на двух берегах реки Волги. На территории 100 кв. км проживает около 300 тысяч жителей. Как уже указывалось, город является административным центром одной из крупнейших областей России – Костромской области. Город имеет общую историю развития и несомненное сходство с другими среднерусскими городами. Однако выгодное расположение города вдоль Волги, простота и уравновешенность архитектурного облика, ландшафт придают своеобразие Костроме и выделяют ее среди других городов России. В 1971 году Кострома вошла в состав туристического маршрута «Золотое кольцо», включающего в себя группу древних городов, занимающих особое место в истории русской земли.

Основная часть Костромы расположена на левом берегу реки Волги, где сохранились остатки крепостного вала старого кремля. Это место было очагом города, от него были проложены первые улицы по направлению к соседним городам: Москве, Кинешме, Галичу, Плесу. С древних времен город развивался вдоль Волги, и в настоящее время улицы в нем

---

¹ См. Карту 3. Топонимическое пространство Костромы на трех срезах.

расположены террасами вдоль Волги: *Лесная, Кооперации, Дзержинского*, на верхней террасе главная улица города – *Советская*. Центр города составлен двумя ансамблями: торговым и административным, которые являются памятниками архитектуры позднего провинциального классицизма конца XVIII – начала XIX вв. До нашего времени в первом квартале сохранился радиально-полукольцевой характер застройки: улицы расходятся лучами от полукруглой, подковообразной площади, где разместились здания уникальной пожарной каланчи и гауптвахты. Доминантами старой части города остаются храмы XVII века: церковь Воскресения на Девре, Богоявленско-Анастасийн монастырь. Сохранились и типичные деревянные купеческие особняки с резными наличниками. Примыкает к центру, отрезанная от него рекой Костромой Ипатьевская слобода составленная известным заповедным комплексом Ипатьевского монастыря и несколькими улицами. В центральной части города улицы в направлении от площади постепенно удлинялись, захватывая территории бывших посадов и слобод: *Кузнецкой, Полянкой, Девря* и т.д., составлявших первое и второе полукольцо вокруг центра. Территория города стала расти, и в 1960 годы за счет присоединения окрестных деревень: *Глазково, Высоково, Новой, Байдарки*, а в 1870 годы появились два поселка: *Первомайский* на берегу реки Костромы и *Октябрьский* за железнодорожным вокзалом. Они стали третьим полукольцом вокруг города. Сейчас основным направлением развития города в пространстве является строительство микрорайонов, составивших третий пояс вокруг центра Костромы: *Якиманихи, Юбилейного, Давыдовского*. В отличие от слобод и поселков микрорайоны не имеют уличной планировки. Сохраняется тенденция роста города вдоль Волги вниз по ее течению. На месте бывшей *Татарской слободы*, отделяемой от города *Черной речкой*, появился *Чернореченский микрорайон*. Ниже по течению Волги раскинулись три микрорайона: *Давыдовский 1, 2, 3*, за ними застраивается посёлок *Васильевское*.

Правобережная часть города, некогда состоявшая из деревень *Малышково, Пантусово, Селище, Городище*, стала развиваться как промышленная зона благодаря строительству автопешеходного моста в 1970 году. Сохраняя старую структуру (деревни и села примыкали друг к другу, постепенно прорастая улицами), правобережье, ограниченное с одной стороны Волгой, развивается в глубь территории за счет строительства микрорайонов *Паново, Малышково*. Изменяют свой облик и сливаются с городом деревни и поселки *Козелино, Зарубино*. Как административная единица *Заволжский район* – самая перспективная зона для развития города, здесь будут расти микрорайоны нового типа «City – XXI век» на месте *Михалевского бульвара, Агашкиной горы*.

Топонимическое пространство города Костромы представлено более чем полуторатысячами названий. В процессе своего индивидуального развития топонимическая система города прошла последовательные этапы усложнения и дифференциации. Как система топонимическое поле города выполняет функцию классификации его элементов (различных топонимических единиц,

разнообразных по форме и размерам объектов), включающее узуальные и окказиональные названия, нейтрально и экспрессивно окрашенные, официальные и народно-бытовые, естественно возникшие и искусственно присвоенные. Корпус топонимов города Костромы разнообразен, в основе имен лежат различные классы топонимов. Наиболее важной в плане структурной организации города и наиболее многочисленной является группа гидронимов – линейных объектов города (анализируется 469 названий). Среди них 17 гидронимов – названий улиц по названию дороги. Чаще всего в таком случае улица называлась по крупному городу, к которому ведет дорога: улица *Московская, Ярославская*. Единичность употребления в названиях экклезионима (улица *Богоявленская*) объясняется переименованием улиц после революционных событий 1917 года. В прошлом лесистая, пересеченная речками территория города является экстралингвистической причиной частого использования в названиях улиц гидронимов: *Волжская, Ключевская, Ребровская* (всего 11 названий), дромонимов: улица *Лесная*, улица *Боровая* (всего 7). Единично встречается этноним *Татарская* слобода. Для современного города с развивающейся экономической жизнью наиболее частотным является употребление эргонимов в названиях улиц: *Металлистов, Ткачей, Машиностроителей* (всего 74). При характеристике современных топонимов города мы будем иметь в виду названия трёх административных районов: *Дмитровский, Ленинский, Свердловский*; пяти микрорайонов: *Паново, Черноречье, Юбилейный*; 314 названий улиц; четырех проспектов: *Мира, Рабочий, Речной, Текстильщиков*; 63 проездов, например, *Вокзальный, Высотный, Дачный, Давыдовский*; 79 переулков, например, *Газетный, Ветренный, Кривой*; двух шоссе: *Кинешемское, Васильевское*; пяти агоронимов – названий площадей: *Сусанинская, Конституции* и др.; пяти поселков, входящих в черту города: *Васильевское, Гари, Новый, РТС, Северный*. Свидетельством роста города является судьба бывших ойконимов (имена деревень, сел) – всего их 17. Немногочисленна группа лимнонимов (названий прудов и озер): *На Шагова, Комсомольский* - всего четыре. Это связано с тем, что выполнявшие в XIX веке противопожарную роль пруды в начале XX века были засыпаны. В онимическом пространстве города нами выявлено около 140 микротопонимов народно-бытового характера, собрано из документальных источников и живой речи горожан более 300 топонимов исторического характера. Некоторые из них бытуют в разговорной речи как неофициальные, или вторые названия, и продолжают выполнять адресную функцию, другие не функционируют на данном этапе, перешли в пассивный запас, но продолжают интересовать нас как «свернутый текст», несущий важную историческую информацию о городе, языке местных жителей и процессах, происходящих в языке на протяжении времени. Некоторые утраченные топонимы вновь возникают в названиях новых топообъектов *Пантусовский гастроном, Зворыкинский магазин* и др. Подробный анализ топонимов разных исторических периодов, проводимый в работе, необходим для выявления основных принципов именования топообъектов, а также для

определения индивидуальных особенностей сложившейся на данный момент топонимической системы.

Деление названий по административной типовой принадлежности также дает нам основания для лингвистического анализа. Нами установлено, например, что названия этих типов часто имеют некую общую тенденцию. Проезды либо указывают на тот объект, к которому мы попадаем, например, *Железнодорожный, Красинский (завод им. Красина), Ключёвский (река Ключёвка), Вокзальный*, либо ориентирует в сторону более значимого топонима, например, на ближайшую улицу: *Кинешемский, Давыдовский, Селищенский*. Характерно, что 12 из 63 названий проездов имеют цифровые значения от 2 до 8. Например, *8^я Окружной, 3^я Селищенский*. Переулки часто напоминают о форме: *Прямой, Кривой*; о размерах: *Малый, Короткий*; или отражают характеристику объекта: *Нескучный, Солнечный, Тихий*. Названия микрорайонов возникают из ойконимов (имени деревни или урочища, на месте которого появились): *Давыдовский, Якиманиха*. Шоссе – это всегда дромоним (название, связанное с направлением, дорогой в город или другой населенный пункт): *Кинешемское, Васильевское*; названия сохранившихся прудов связаны с названиями усадеб: *Опалиховский, Малышковский*.

Итак, богатый топонимический материал позволяет сделать предположение о сложившейся топонимической системе города, анализ которой поможет выявить закономерности ее развития, индивидуальные особенности организации и функционирования.

2.2. Реки как главный фактор членения онимического пространства Костромы

Особую роль в организации онимического пространства города Костромы играют водные объекты. Гидронимическая система Костромы представлена 13 реками и речками. Композиционной осью, организующей онимическое пространство города, является река *Волга*, великая русская река, общая длина которой составляет 3690 километров. Протяженность города по берегу Волги почти 12 километров, средняя глубина Волги 10 метров, местами доходит до 20, средняя ширина в черте города около 900 метров [Королев 1971: 11-12], [Агеева 1985].

Волга становится основным дифференцирующим элементом при делении всей территории города. Она рассекает город на две неравные по размерам и неравнозначные части: большую – *Левобережье* (или *Город*) и *Правобережье* (или *Заволжье*). Таким образом, эти две части выступают в бинарной оппозиции по отношению друг к другу по признаку правый – левый. *Заволжье* возникло путем слияния *Спасо-Никольской слободы*, села *Городища*, а затем и села *Селища*. По этой части города протекает река *Ключёвка*, ограничивая территорию в верхней части *Волги* и создавая оппозицию: город – не город.

Левобережная часть Костромы изобилует мелкими речками и притоками. Волга в данном случае становится интегральным элементом по отношению к онимическому пространству левобережья, в которое входят в

том числе и гидронимы: речки *Запрудня, Кострома, Баклановка, Белилка, Черная речка, Солонка, Песчанка, Ребровка, Игуменка*.

Наиболее крупной рекой левобережья является река *Кострома*, которая протекает по значительной территории Костромской области, а в черте города делит левобережье на две части: городскую и *Заречье*. Отсекая зареченскую территорию, гидроним *Кострома* становится дифференцирующим элементом по отношению к этим двум частям, одновременно интегрируя все элементы онимического пространства каждой зоны. По *Заречью* протекает река *Игуменка*, ограничивающая начало левобережной части города. В основной городской части река *Кострома* интегрирует группу названий, в том числе и гидронимы: *Солонка, Баклановка, Белилка, Запрудня, Ребровка*, а также названия рек, расположенных на территории города ниже по течению реки Волги и впадающих в нее – это *Черная речка, Песчанка/Нажеровка* [Бочков 1989: 54].

Очагом древнего города было место слияния трех рек *Костромы, Волги, Сулы*. Здесь по правому берегу реки *Сулы* в конце XI начале XII веков возник первый кремль Детинец. С юго-запада он был защищен крутым склоном берега *Волги*, а на участке её пологого склона был сооружен ров шириной до 18 метров и глубиной до 4 метров. Ров шел перпендикулярно руслу реки *Сулы* и соединялся с ним. Северо-восточная граница проходила вдоль Мшанской улицы (нынешней Островской) и была также отмечена рвом. Остатки этого рва в виде оврага, смыкающегося с руслом *Сулы*, можно видеть еще на генплане Костромы 1780-х годов. Древнейшие городские кварталы располагались по правому берегу реки *Сулы*, т. е. в сторону реки *Костромы*, к старейшим монастырям – Анастасьевскому, Спасо-Запрудненскому, Ипатьевскому. Местность же по левому берегу Сулы долго стояла поросшая лесом и называлась Дебрей. После вырубki лесов река *Сула* обмелела. Через овраг был переброшен деревянный мост, его сломали только в 1823 году, когда *Сульский овраг* был засыпан, а вся улица (первая в Костроме) вымощена булыжником. Улица застраивалась также по правому берегу реки *Сулы* и именовалась Сульской. В начале XIX века реку забрали в деревянную трубу и убрали под землю [ПАКО 1997: 98-101]. Истоки реки *Сулы* отнесены примерно к Долматовскому пруду, она пересекает центр города и выходит к Волге в районе улицы Пятницкой. Основное ее русло засыпано сегодня грунтами. В ландшафте она обозначается ниже проспекта Текстильщиков и заканчивается в береговой полосе Волги пляжем [Бессонова 2002].

Позднее город стал разрастаться по берегам рек *Волги и Костромы* от реки *Запрудни* до *Черной речки*, которые ограничивали его от *Всполья, Выгона и Посадского леса*. ‘Вспольем называли край, окраину, начало поля, выгон, место вокруг околицы’ [Даль 1955: 269]. ‘Выгон – это пастбище, сборное место для стада, откуда его гонят на дальнейшее пастбище по прогону’ [Даль 1955: 285]. В данном случае термины выступают в роли топонимов, так как имеют единичный характер. *Посадским лесом* называли участок леса за

Дебринским посадом. С одной стороны город окружали река *Кострома* с притоком *Солонкой*, рекой *Запрудней*, в которую впадают *Ребровка*, *Белилка*, с другой – *Баклановка*, *Песчанка*, *Субботка*, впадающая в *Волгу*. Река *Кострома* одноименна названию города. Полагаем, что имя городу дано по названию реки. «Имя реки закреплялось не только в документах, но и в названиях прибрежных поселений, урочищ. Чем шире оно закреплялось, тем древнее было название. Река в этом случае получала имя от названия местности в целом, а затем и поселению давалось то же имя» [Жучкевич 1968: 13]. Река Кострома является левым притоком Волги. Она полноводна, питается стоками с Галичско-Чухломской возвышенности, делая большие петли, течет по заболоченной, местами залесенной Костромской низменности. Глубина реки Костромы в низовьях 7 метров, выше по стоку изобилует перекатами, мелями и быстринами [Королев 1871: 24-26].

Изучению названий гидронимов посвящены работы Агеевой Р.А (1979, 1985, 1989), Жучкевич В.А (1968). На территории Костромы реки имеют славянские и неславянские названия. К топонимам неславянского происхождения относится гидроним *Сула* [ПК 1628: 110]. Предположительно, родственное с норвежским *soyla – топь, saula (швед.) – грязь*. Реки с такими названиями встречаются в бассейне Днепра, Немана, Мезени, Волги, в Полтавской, Курской, Сумской областях [Фасмер 1987: 60].

Названия рек славянского происхождения в этимологическом аспекте часто затемнены, но семантика апеллятивов вполне ясна. Например, часто реке дается название, указывающее на качество или цвет воды, характеризующее особенности течения или береговые объекты [Жучкевич 1968: 23-33]. Таковы в Костроме названия речек *Солонка*, *Запрудня/Запруденка/Прудня*, *Песчанка*, *Ключёвка*. *Песчанка* – название речки с песчаным дном. Параллельно существующее имя этой речки *Нажеровка*, этимологически затемнённое, упоминается в Писцовой книге 1628 года [ПК 1628: 31]. Топонимы с данной основой встречаются. Село Нажеровка расположено на низменной территории в нескольких километрах от озера Неро Ростовского района, которое весной разливается до самой деревни. На западе Ивановской области есть село Нажерово. По его заболоченным полям протекает речка. А. Альквист вслед за А.К. Матвеевым данные топонимы относит к названиям субстратного происхождения, они имеют озерный суффикс *-er (o)*, который наряду с *-or (o)* встречается в лимнонимах [Альквист 2000: 15–16]. Гидроним *Ключёвка* указывает на наличие в реке бьющих из-под земли ключей, родников. Вода в реке чистая, ключевая. Однако возможно и другое объяснение происхождения названия, так как есть сведения, указывающие на то, что по данной территории в древние времена протекала речка с названием *Кричёвка* [ПК 1628: 729 об.]. Гидроним *Солонка* связан с апеллятивом ‘солонка’. Вода солонит на вкус [Даль 1955: 268]. Речка *Запрудня* играет значительную роль в пространственном оформлении города, она отсекает небольшую зону, также являясь дифференцирующим элементом, разделяя город и слободы. Основание в середине XIX века на левом берегу реки *Запрудни* текстильных

фабрик явилось причиной застройки данной части Костромы [ПАКО 1997: 8]. Известны глаголы ‘запруживать, запружать, запрудить речку, перегородить насыпью поперек’ [Даль 1955: 23]. Не совсем ясно происхождение названия речки *Баклановки/Боклановки* [ПК1628: 735]. Возможно, оно связано с апеллятивом ‘баклан, что означает чурка, большая голова’ [Даль 1955: 40]. Мотивирован гидроним *Ребровка* [ПК 1628: 719]. Эта небольшая речка, впадающая в *Запрудню*, протекает по краю, кроме города. Вероятно, русло реки шло по краю ребра, по характерной для города холмистой поверхности с впадинами и оврагами. ‘Ребро – край, кромка, ость, гребень’ [Даль 1955: 86]. Данный гидроним образован способом метонимизации апеллятива. Неясным остается мотивировка названия речки *Субботки*, известной с XVII века. Возможно, происхождение топонима связано с неканоническим именем Суббота [Веселовский 1974: 15]. Гидроним *Игуменка* [ПК1628: 679 об.] связан со словом ‘игумен – настоятель монастыря’. Речка протекает по окраине Слободы (в прошлом Богоявленской и Ипатьевской слобод), где расположен мужской Ипатьевский монастырь, известный с XV века. В районе Архиерейского сада Ипатьевского монастыря она впадает в реку Кострому. Игуменка оформляет вместе с рекой *Костромой* онимическое пространство зоны *Заречья* (за Костромкой). В костромской топонимике встречается гидроним – *Черная речка*.

По мнению В.А. Никонова, наиболее продуктивным для обозначения мелких речек не только в южных говорах России, но и в северных является формант *-ка* [Никонов 1965: 76]. Данный формант имеет деминутивное значение, которое сохраняется и в топонимах. Большинство названий речек на территории Костромы образовано при помощи этого суффикса: *Белилка, Субботка, Игуменка*. И даже название реки Костромы в пределах города в речи горожан бытует как *Костромка*. Это участок, где река измельчала, поэтому ее размеры, особенно по сравнению с Волгой, дают возможность произносить имя реки в уменьшительной форме.

В костромской топонимии мы часто встречаемся с переходом гидронимов путем метонимизации в названия улиц, переулков или целых микрорайонов. Имя реки *Солонки* дало название с словообразовательной деривацией улице *Солонице*; название реки *Ребровки* стало основанием для названия улицы *Ребровской*. Гидроним *Волга* положен в основу гидронимов: улицы *Волжская, 2-я Волжская*. Имя реки *Ключевки* стало основой ансамбля названий: улица *Ключевская*, переулок *Ключевский*. Гидроним *Черная речка* редко функционирует в речи горожан, так как сама речка почти высохла, но из данного словосочетания образовано сложное слово, которое стало названием микрорайона *Черноречье*.

Для костромской топонимии характерна онимизация апеллятивов *река, вода*. При проведении этимологического анализа группы урбанонимов, имеющих в своей основе слово река, выясняется, что все названия имеют разное происхождение, так как напоминают о разных речках. *Первый – Седьмой Речные* проезды имеют отношение к реке *Солонке*, так как одной

стороной выходят на эту речку. *Речной* проспект пролегает вдоль берега реки Костромы. Два тавтологичных названия улица *Речная* имеют разные исторические основания. Одна из них проходит неподалеку от реки Запрудни, другая *Речная* улица проложена вдоль крутого спуска к речке Черной, в XVII веке это место именовалось *Река* [Бочков 1989: 64]. Ансамбль названий: улица *Водяная и 1 – 9 Водяные* переулки, напоминает о весенних разливах реки Запрудни.

Таким образом, четко прослеживается организующая роль названий рек и речек в онимическом пространстве города. Они делят город на определенные зоны. Зоны эти различны по размерам, местонахождению, историческому значению и топонимической насыщенности. Но название каждой реки несет на себе функцию дифференцирующего элемента, ставя в бинарную оппозицию разделяемые зоны, и в то же время организуя вокруг себя онимическое пространство каждой зоны.

Рассмотренный топонимический материал позволяет сделать вывод о сложившейся топосистеме города, анализ которой выявляет закономерности ее развития, индивидуальные особенности организации и функционирования. Топосистема города Костромы характеризуется относительно четкой системной организацией, способной выполнять номинативно-дифференцирующую функцию. В территориальной топонимической системе проявляется взаимная связь названий, вступающих в иерархические парадигматические и синтагматические отношения.

Физико-географические особенности территории города как экстралингвистические факторы оказывают влияние на развитие топонимической системы города, формирование ее своеобразия.

Топонимия города сложилась в процессе исторического развития края, имеет черты, характерные для городов центральной части России, возникших в XI – XII веках, таких, как Москва, Владимир, Ярославль, но в то же время обладает достаточным количеством индивидуальных черт, формирующих ее как своеобразную сложную топосистему, состоящую из разнородных элементов. Данная система ограничена определенной территорией, имеет специфический инвентарь языковых средств, для нее характерна лексическая и формантная общность.

Существует ряд факторов экстралингвистического характера, повлиявших на формирование топосистемы города. К ним относятся: характер рельефа города (наличие гор и низин, соотношение рек и суши), особенности исторического развития края, градостроительная структура и архитектурно-планировочные элементы, интенсивность развития промышленности и экономики, соотношения центра города и современных районов. Характерным для топонимии Костромы считаем постоянство ее ядра (центра города) и постепенное смещение периферической зоны, представленной тремя полукольцами.

Четко прослеживается организующая роль названий 13 рек и речек в онимическом пространстве города. Они делят город на определенные зоны. Зоны эти различны по размерам, местонахождению, историческому

значению и топонимической насыщенности. Название каждой реки несет на себе функцию дифференцирующего элемента, ставя в бинарную оппозицию разделяемые зоны, и в то же время организуя вокруг себя онимическое пространство каждой зоны.

Глава 3. Семантика и функционирование топонимов г. Костромы первого синхронного среза (XII -XVII веков)

3.1. Внутригородская иерархия топонимов г. Костромы по признаку протяженности и занимаемой площади

Топоназвания города Костромы рассматриваются нами в синхронно-диахронном аспектах. Целесообразно для детального анализа топонимов представить топоназвания на синхронных срезах трёх периодов в связи с особенностями исторического развития города: названия первого периода до XVIII века, топонимы второго периода XVIII – XIX веков, топонимы третьего периода от начала XX века до настоящего времени. Следует отметить, что в первую группу вошли названия от момента возникновения города в 1152 году, дошедшие до нас в источниках XVII века, до XVIII века. Вторая группа выделена в связи с экстралингвистическими причинами: утверждением плана и началом регулярной каменной застройки города, повлекшей изменение топоназваний Костромы в период с конца XVIII до начала XX веков. Третья группа топонимов сформировалась в связи с актами искусственной номинации после 1917 года, ростом города в период индустриализации и присоединением к черте города сёл, деревень, поселков. Данные экстралингвистические факторы повлекли за собой изменения в лексике и семантических предпочтениях. Эта группа охватывает период с 1917 года до наших дней. В данной работе мы рассматриваем топонимы первых двух групп.

Взаимосвязь пространственно-временных отношений в топонимии удобно обозначить понятием х р о н о т о п. Термин этот употреблялся в математическом естествознании, он был введен и обоснован на почве теории относительности А. Эйнштейна. Хронотоп как формально-содержательная категория рассматривался И. Кантом, считавшим пространство и время необходимыми формами всякого познания, начиная от элементарных восприятий и представлений. М. М. Бахтин говорит о том, что существует взаимосвязь временных и пространственных отношений, пространство интенсифицируется, втягивается в движение времени [Бахтин 1975: 235]. В формировании топонимического образа города пространственно-временные взаимоотношения играют первостепенную роль. Практически каждый топоним в определенной степени хронотоп. Е. Л. Березович, М. Э. Рут [Рут 1992] считают, что у топонима есть автор, исполнитель и слушатель. Автор

локализует название в пространстве [Березович 2000: 88]. Ознакомление и воспроизведение протекает во времени. Автор и слушатель находятся в разных временах, иногда разделены веками, но все равно находятся в едином реальном пространстве – онимическом. Топоним отражает действительность. Тот, кто воспроизводит топоним, воссоздает эту действительность. Происходят два события: событие названия и событие воспроизведения, оба они направлены к топониму. Хронотоп является организующим центром, становится неким сгустком, концентрацией примет времени – времени человеческой жизни, исторического времени на определенных участках пространства [Бахтин 1975: 236-240].

В процессе когнитивной деятельности человека формировались концептуальные представления о формообразующих элементах города, соответственно шел процесс наименования этих объектов, складывалась определенная база, состоящая из отдельных концептов, составляющих когнитивную базу носителей языка [Тарасова 2004: 42]. Концептуальные представления, переходя из века в век, формируют специфическое структурно-смысловое пространство города. В топонимике существуют концепты: *переулок, улица, гора, река, речка, болото* и т.д. В документах раннего периода, относящихся к середине XVII века, используются географические термины общеславянского характера: *река, лог, гора, лес*. В своем исследовании, опираясь на прагматическую концепцию географического пространства, разработанную Е.Л. Березович (1997), мы понимаем концепт как когнитивную модель, которая передает знания об определенной денотативной понятийной области.

Можно предположить, что одним из первых в костромской топонимии возникает концепт поселения как некой условной единицы территории, заселенной людьми, название которой, вероятно, давалось извне. Эту же мысль приводит Н.В. Лабунец при характеристике топонимии Тюмени: «Совокупность представлений о новой ландшафтной реальности складывалась постепенно. Элементарным концептом, участвующим в организации пространственных представлений, становилось «место» как элемент жизненного пространства, как точка отсчета, откуда познается мир. «Место» характеризуется через соотнесение с рядом других величин общего свойства, которые выражаются в языке обыденным и привычным – с помощью географических терминов [Лабунец 2005: 92-94]. Постепенно внутри территории происходило членение ее другими названиями на более мелкие части: *часть города, центр, окраина*. Внутри этих территорий или «мест» возникали названия планарных объектов: это были ландшафтные наименования (имена *озер, болот, полян*) и имена рукотворных объектов (*площадей, полей и др.*). Часто планарные объекты имели точечные доминанты: *двор, башня, храм* – это наиболее значимые объекты–ориентиры. Так появляются точечные названия, задающие определенную структуру онимической территории. Точка отсчета именованной помещалась в данном случае внутри территории.

Вероятно, одновременно с номинацией объектов внутри территории шел процесс именованья объектов города Костромы за пределами поселения: *посад, слобода*. В этом случае точка отсчета помещалась внутри территории. Так возникает оппозиция свой – чужой². Чужой – это поселение за стенами кремля, за рекой, возле которой находился город. Торговые связи, появление дорог – это толчок к возникновению названий линейных объектов-дромонимов. Хотя первые линейные названия, на наш взгляд, – это *реки*. Процесс освоения человеком прибрежной территории, представления о длине реки рождает разные названия: *река, речка, ручей*. Линейные объекты начинают появляться в городе при упорядоченной застройке – это первые улицы вдоль реки либо путь от башни или главной площади к окраине. Линейные объекты, в свою очередь, членятся точечными названиями для уточнения места, для более правильной ориентировки. Так, на наш взгляд, постепенно формируются концепты точечных, планарных и линейных объектов, возникает устойчивое представление о структурообразующих элементах города. Нам представляется возможным с этих позиций в исторической ретроспективе рассматривать формирование онимического пространства города как динамической системы. Топообъекты этой системы разнообразны по форме, размерам, функциональному назначению. Вследствие этого, пользуясь терминологией Г.А. Кривокубовой³, мы можем выстроить иерархию внутригородских объектов: точечные, линейные, планарные (от англ. *planar*- плоский), что является основанием выделения в составе урболексики точечных, планарных и линейных топонимов [Кривокубова 1993: 12].

Структурообразующими элементами городской топонимической системы являются линейные топонимы. К ним относятся названия улиц, шоссе, проездов, переулков, бульваров, рек, проспектов. Планарные топонимы часто выполняют роль организующего центра. Это названия крупных значимых частей города, слобод, станов, посадов, площадей, скверов, озер, прудов, поселков, микрорайонов, районов. Точечные топонимы обычно являются доминантами в структуре городских объектов. Они несут на себе нагрузку дополнительного адресного уточнения. Эту группу составляют микротопонимы: дома, места, остановки. Внутри данных групп мы выделяем подгруппы по различным семантическим признакам, пространственным связям и другим характеристикам.

Таким образом, весь корпус топонимов города Костромы представлен в диахронии на синхронных срезах, анализируется в динамике, на каждом срезе выделяются группы линейных, планарных и точечных названий. Каждая группа членится на подгруппы по семантическим признакам, внутри

---

² Используются основные параметры локализации объекта в пространстве, предложенные Е.Л. Березович в работе «Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте». – Екатеринбург, 2000.

³ Кривокубова выделяет линейные, точечные и планарные (англ. *planar*- плоский) названия при анализе топонимии города Омска.

которых выявляются пространственно-временные взаимоотношения топонимов, проводится структурный и этимологический анализ отдельных топонимов.

К первому периоду мы относим все известные нам топонимы от момента возникновения города до XVIII века. К данному периоду относится 23 % всех топонимов города Костромы из числа зафиксированных нами на разных синхронных срезах. По рукописным источникам главным образом XVII века, историческим документам XVII-XIX веков, которые подкреплены опубликованными и неопубликованными воспоминаниями костромичей, на данном срезе нами выявлены топонимы раннего периода жизни города – топонимы субстратного и несубстратного происхождения. К наиболее древним субстратным названиям мы можем отнести названия рек: *Волга, Сула, Кострома, Нажеровка*. Этимология их затемнена. На территории города Костромы в древности проживало смешанное славяно-мерянское население. Мерянское население постепенно утратило свой язык, культуру, традиции, так что большинство сохранившихся древних неречных топонимов славянского происхождения [Ткаченко 1985: 5]. Славянские топонимы относительно молоды, созданы на базе апеллятивов или онимов, что довольно отчетливо просматривается. Они имеют достаточно прозрачную этимологию.

Исследуя по историческим памятникам проблему пространственной организации топонимов города, мы установили, что очаг освоения топопространства совпадает с местом возникновения первого поселения славян, называемого историками *Детинец*. В краеведческой литературе и современной речи горожан название сохранилось как *Первый кремль* [Памятная книжка 1862: 260]. В «Книге генерального межевания 1775 года он назван «городъ кремль». Данный хороним имеет характер планарного объекта. С точки зрения пространственных отношений позиция номинатора в данном случае закреплялась внутри кремля, где появляются точечные названия. Среди них название соборной церкви *Федора Стратилата*, которое дошло до наших дней [Постатейная роспись Костромского кремля 2002: 34]. Известно, что при пожаре XV века сгорело 30 церквей и множество дворов с частоколами, которые имели названия точечного характера [Баженов 1914: 1-15]. Номинатор, исходя из своей позиции внутри кремля, присваивает церкви Спаса, построенной около реки Запрудни, имя *Церковь Спаса на Запрудне* [Островский 1864: 97], это точечный топоним XIII века, дошедший в первоначальном варианте до наших дней. В силу экстралингвистической причины (пожар 1413 года) центр освоения пространства смещается вниз по течению реки Волги, где появляется вновь отстроенный город. Так возникает название планарного объекта – *Второй Кремль*. Физическое отсутствие первого кремля не помешало возникновению в речи бинарной оппозиции: *Первый кремль – Второй кремль*, но отношений свой – чужой здесь не возникло, так как все население переселилось на территорию Второго кремля и номинативные акты стали направляться внутрь территории, появились точечные, а затем и линейные

топонимы. Речь идет о топонимах, возникших с момента основания города до утверждения регулярного плана застройки Костромы. Некоторые топонимы функционируют в речи и в настоящее время в качестве официальных, другие сохранились в памяти горожан и представляют собой народно-бытовые названия, большая группа топонимов ушла в пассивный запас.

Весь корпус топонимов первого среза удобно разделить на три типа названий: линейные названия, планарные названия и точечные названия. Пласт топонимов, собранных нами на данном срезе, составляют 270 топонимов, среди них 62 планарных, 102 линейных, 106 точечных.

3.2. Планарные топонимы в структуре онимического пространства города на первом срезе

Под планарными городскими объектами мы понимаем объекты, представляющие собой часть ограниченного плоского пространства. Учитывая неоднородность и разнообразие планарных объектов, выделим простые планарные объекты, представленные плоскостью, имеющей однородный характер, обладающей ориентационными параметрами. К ним относятся: площади и площадки, плацы, озера, пруды, поляны, горы, овраги и т.д. А также выделим планарные объекты, значительные по размерам, отличающиеся сложной внутренней структурой, имеющие очаг и периферию. К таким объектам относятся: административные части города, слободы, посады, станы, села, поселки, деревни, вошедшие в состав города. В отличие от линейных (улиц, переулков), планарные объекты не характеризуются каким-либо поступательным движением, их композиционное развертывание носит радиальный характер и мыслится как развивающееся из одного очага. Очаг с течением времени может затухать и из центра двигаться на маргинальную территорию. В данном же пространстве на смену ему может приходиться другой центр, и, таким образом, центр и периферия могут вибрировать и смещаться один относительно другого [Никонов 1974]. Возможно возникновение и нескольких центров на некогда единой площади. В таком случае мы будем их рассматривать как разные планарные территории, имеющие свой центр и периферию. Некогда генетически единое пространство впоследствии может распасться, но может и упрочить свое положение. Отметим, что планарные топонимы города Костромы первого исторического периода достаточно разнообразны. Они представлены агоронимами (названиями городских площадей, рынков), хоронимами (собственными именами городской территории), ойконимами (собственными именами поселений), которые делятся на астионимы (поселения городского типа) и комонимы (поселения сельского типа) ⁴ [Подольская 1978: 93,160]⁵.

Анализируя корпус топонимов данных групп, мы можем согласиться с высказыванием, приводимым В.П. Нерознаком при исследовании названий

---

⁴ Здесь и далее речь идет о сельских поселениях, включенных в черту города на данный период.

⁵ Здесь и далее пользуемся терминологией Н.В.Подольской.

древнерусских городов. Для данного периода характерно то, что значительную долю ойконимов, урбанонимов в целом составляют названия, образованные от географических терминов в качестве первичных топографических названий. Вслед за ними по продуктивности идут топонимы, сложившиеся на базе антропонимов [Нерознак 1983: 12].

Рассмотрим более детально семантические группы топонимов на первом, выделенном нами историческом срезе XVII века, включающем и все ранние топонимы, возникшие до указанного времени.

- Названия значимых частей города.

Примером топонимов этой группы будет приведенная нами выше бинарная оппозиция *Первый кремль – Второй кремль*. По Далю ‘кремль, детинец, крепость внутри города – это стена с бойницами, воротами, башнями, ограждающая важную часть города’ [Даль 1955: 189]. Г.П. Смолицкая связывает название ‘кремль’ с родственным словом ‘кромка – край, рубеж, граница’, известным в этом значении во многих диалектах русского языка, в славянских языках – в значении ‘отделяющая, отграничивающая что-либо от чего-либо’, общеславянское – *kremjъ, древнерусское – ‘внутренняя городская крепость, кремль’ [Смолицкая 1996: 132]. *Первый кремль* – славянское поселение, костромская крепость-детинец, возникшая в середине XII века, существовавшая до сокрушительного пожара 1413 года. По мнению археологов, кремль представлял собой фортификационное сооружение на коренной террасе левого берега реки Волги на мысу, образованном впадением в нее реки Костромы и Сулы, территория его была около одного гектара [Алексеев 1997: 208]. Второй кремль – костромская крепость XV века, расположенная на естественных террасах высокого крутого левого берега реки Волги, ограниченная рекой Сулой. Она была построена в 1416 году князем Василием Дмитриевичем, площадь ее составляла шесть гектаров [ПСРЛ.Т.VIII, 1859: 88]. «Всего же в Костромском кремле находилось дворов 19, которые были расположены на 3 улицах» [Баженов 1906: 110]. Несмотря на то, что до наших дней оба кремля не сохранились, топонимы *Первый кремль и Второй кремль*⁶ функционируют в настоящее время в речи горожан для обозначения тех мест, где раньше был детинец и кремль XV века. Данная словесная оппозиция имеет по одному дифференцирующему темпоральному компоненту (Первый – Второй) и одному идентифицирующему. Это часто встречающаяся форма различения онимов в древней Руси. Вторым компонентом представлен апеллятивом кремль.

Исчезновение в результате экстралингвистических причин производящего топонима *Первый кремль*, в силу утраты самого объекта, приводит к распаду данной парадигмы и возникновению в XVII веке новой в связи с развитием Костромы как достаточно крупного торгово-ремесленного центра, которому становится тесно в рамках кремля. В 1619 году к северо-западной стене кремля пристраиваются дополнительные укрепления,

---

⁶ См. приложение: Карта 1. Костромские топонимы на древнем синхронном срезе.

окружившие торговый центр города и получившие название **Новый город**, его территория составляла девять гектаров [Баженов 1905: 9]. Застройка Нового города шла по краю коренной и первой террасе левого берега Волги, а также по магистральным улицам на Галич, Кинешму, Ярославль, Москву, что впоследствии определило возникновение одноименных улиц. Новый город простирался от кремля с северной стороны до Крестовоздвиженского монастыря. Всего к XVII веку обозначилось 80 улиц и 40 переулков [Алексеев 1997: 210]. Возникает новая бинарная оппозиция противопоставления топонимов по темпоральному признаку по типу старое – новое: **Старый город – Новый город** [Памятная книжка 1862: 262], где противопоставлены первые части сложного топонима. Вторая часть топонима представлена общим компонентом город. По Далю, город – это крепость, укрепление, укрепленное поселение или оборонительная стена. Топоним **Старый город** именуется объект, прежде называемый **Второй кремль**. Два топонима находятся в парадигматических отношениях и относятся к формально-семантическому типу оппозиции. Существует народно-бытовой вариант названия старого города **Старая осыпь**, где в качестве второго компонента выступает апеллятив осыпь. Даль поясняет, что «осыпь, окоп, земляное укрепление делалось под рубленные деревянные стены вокруг города» [Даль 1955: 624]. Писцовая книга 1628 года начинается заглавием «Город Кострома по **старой осыпи** на реке на Волге на Луговой стороне» [ПК 1628: до 3]. В настоящее время в связи с отсутствием данных объектов, утратой в сознании жителей города их значения, два топонима слились в один усеченный вариант **Город**, который функционирует для обозначения центральной исторической части города, ограниченной первым кварталом улиц, являющейся административным и торговым центром Костромы: *Я сегодня был в Городе; За покупками пойду в Город*. Нами проводился опрос жителей Костромы. Из 100 человек опрошенных 98 респондентов ответили, что *Город* – это название центра Костромы. На вопрос: «Как называется та часть города, где вы живете?» – были ответы: «Я живу в Заволжье; я живу в Заречье, мы зарецкие (за рекой Костромой); слышала, что раньше место, где я живу, называлось Посад; я живу в Ребровке; я живу в Слободе, мы слободские (Ипатьевская слобода)». Данный опрос показывает, что разделение названий города на центральные и периферические зоны, сложившееся в XV веке, сохранилось до настоящего времени. Название **Кремль** было утрачено, но стало вновь появляться в речи горожан с конца 1990-х годов после установки памятного камня на месте **Первого кремля**. Это пример явления, когда из пассивного запаса топонимов топоним переходит вновь в активный.

Рассмотрим подробнее историческое деление города на части к середине XVII века. Строительство нового кремля дало импульс к развитию города в юго-восточном направлении. Первый костромской краевед, автор неопубликованных рукописных трудов Н.С. Сумароков в последней четверти XVIII века писал, что к середине XVII века Кострома состояла из пяти частей

[Севастьянова 1995: 105-102]. Он приводит названия и поясняет их значение. **Кремль** – главная укрепленная часть города, **Китай** – торговая часть, **Посад и Слободы** – части, заселенные ремесленниками, **Троицкой Ипацкой монастырь и Запрудненской** монастырь – христианские центры [Рук. XVIII века: 11 об.]. Подобного рода деление характерно для Москвы и других русских городов. Топонимы **Кремль, Китай** мы находим в московской топонимии. Г.П. Смолицкая, рассматривая этимологию московского топонима Кремль, приводит гипотезы А.М. Кубарева, И.Е. Забелина, М.Н. Тихомирова и выдвигает свою, наиболее убедительную на наш взгляд версию по поводу этимологии слова *кремль*. Это слово вошло в обиход тогда, когда необходимо было отделить город от разрастающегося посада, установить между ними границу. В этом значении кремль – это то, что находится за кромкой, чертой, границей. Слова кромка, кромина широко известны в русском языке. Автор обращает внимание на то, что Кремль окончательно стал называться Кремлем в XVI веке, после возведения Китай-города и Белого города. В этих условиях он стал внутренней крепостью при наличии двух других. В подтверждение автор приводит название внутренней крепости Кром во Пскове [Смолицкая 1996: 134]. Наш пример также подтверждает гипотезу Г.П. Смолицкой.

Кремль является центром конкретизации пространства, его объединяющим стержнем. Это то, что есть во многих городах. Существует оппозиция Кремль – не кремль, т.е. Китай (торговый посад, вынесенный за стены укрепления). В самом выделении данных зон города, на наш взгляд, прослеживается организация «иерархии концентрических кругов» (термин предложен М.Э. Рут [Рут 1992: 52]). Онимическое деление построено в данном случае как сеть позиций противопоставлений по отношению к замкнутому пространству. Топоним **Кремль** представлен в качестве «свой мир», «дом». В свою очередь, он населен категориями «человек», «семья», «двор и дом». Данная тополема называет определенное известное место. Признаками данного концепта являются ограждение и изоляция. Внутри указанного пространства впоследствии появляются топонимы, связанные с приватной жизнью человека. В оппозиции свой – чужой к данному топониму находится название **Китай**. Торговая жизнь человека связана с чужим миром. У чужого мира свои законы, своя последовательность, своя логика. Противопоставляется свое, обычное, нормальное, родное, знакомое. Чужое – это диковинки и раритеты чужого мира. И как следствие – использование имени чужой страны Китай. Обычно на Руси Китаем называлось место древнего торга. В московской топонимике известен топоним Китай-город (торговый посад, окруженный оборонительной стеной в 1535-1538 годах). Название Китай упоминается в Воскресенской летописи под 1534 годом. [ПСРЛ: 292]. По мнению Г.П. Смолицкой, слово *китай* заимствовано из тюркских языков [Смолицкая 1996: 146]. Интересно, что в Писцовой книге города Костромы 1628 года встречаются фамилии Китаев Беяна, Китаев Любим, Китаев Степан, вероятно, выходцы из Китай-города [ПК 1628: 3 38,143 об., 403]. Архаизм Китай в настоящее время не функционирует, в

памяти жителей не сохранен и обнаружен нами только в письменных источниках.

Два культовых топообъекта отнесем также к планарным в связи с тем, что они занимают значительную площадь и имеют в своей структуре центр, периферию и точечные компоненты. Экклезионим *Спасский* монастырь *на Запрудне* возникает в середине XIII века в связи с возведением в месте впадения реки Запрудни в Кострому Спасской церкви, обозначившей место обретения князем Василием Чудотворного образа Федоровской Божьей Матери. Храм именован и освящен в честь Христа Спасителя [Виноградова 1998: 41]. Топоним имеет сложную структуру, где основной компонент *Спасский*, назван так по имени освященного престола. Адресный (локативный) компонент *на Запрудне* образован путем трансонимизации гидронима Запрудня, имени реки, на которой стоит монастырь. В источниках встречаются варианты названия реки *Запрудница*, *Прудница* [Островский 1864: 105]. *Ипатьевская* слободка/*Ипатьевский* монастырь/*Троицкой Ипацкой монастырь* [Рукопись нач. XIX в.: л.11 об.]. В 1330 году на правом берегу реки Костромы возникает Троицкий собор с приделом Святому Ипатию, который положил начало Ипатьевскому монастырю. Академик С.Б. Веселовский полагал, что монастырь возник в конце XIII века [Веселовский 1969]. Вокруг монастыря постепенно выросла слобода, получившая также проприальное имя. Топоним мотивирован антропонимом Ипатий – именем святого. Татарский мурза Чет в 1330 году, по преданию, после явления ему Пресвятой Богородицы крестился в православную веру и воздвиг обитель во имя Священномученика Ипатия [Брюсова 1982: 20]. На протяжении ряда веков Ипатьевскому монастырю покровительствовал род бояр Годуновых, почитавших Чета своим предком. В стенах Ипатьевского монастыря похоронено несколько десятков представителей этого рода, включая отца, деда, прадеда царя Бориса Федоровича Годунова. Номинации на территории монастыря зависели от экстралингвистических причин: строительства новых точечных объектов. До середины XVI века все строения Ипатьевского монастыря были деревянными. В 1559 году был построен каменный храм, называемый *Троицкий собор с приделом апостола Филиппа и Священномученика Ипатия*, а около 1564 года – каменный шатровый храм по имени *Рождества Богородицы с приделом святого Иоанна Златоуста*. В 1566-1590 годах вокруг Ипатьевского монастыря выстроили каменные стены с пятью башнями. Стены Ипатьевского монастыря следуют за естественным рельефом на восток к реке Костроме и на юг к речке Игуменке. В 1585-1590 годах Дмитрий и Борис Годуновы заменили деревянную ограду каменной стеной протяженностью более пятисот метров и высотой более шести метров, о чем повествует надпись, высеченная на плите в северной стене Троицкого собора [Рогов 2003: 33]. В данном примере сталкиваемся с явлением переноса названия точечного объекта на название слободы, т.е. происходит процесс трансонимизации экклезионима в топоним. Известно параллельное название этой части города – *Заречье*. В структуре названий города возникает оппозиция город – не город. Не город – это Заречье, т. е. за

рекой Костромой. При этом позиция номинатора находится в центре Костромы. Обнаруживается противопоставление, где названия связаны общим признаком положения относительно некоторого предмета на горизонтальной оси, но различаются противоположностью этого положения (спереди – сзади). Топонимы, обозначающие культовые объекты христианской жизни: *Ипатьевский* монастырь и *Запрудненский* монастырь – находятся также в отношениях оппозиции к названиям гражданского характера в онимическом пространстве города, противопоставление проводится по типу обыденный, житейский – мифологический, символический: *Кремль, Китай – Ипатьевская* слобода, *Запрудненский* монастырь.

- Названия частей территории Костромы, разделенных рекой Волгой.

Древний город, разделенный на части реками, как уже указывалось, имел и внутреннее онимическое членение. Правобережная пологая часть территории костромского края называлась *Луговая* часть [Козловский 1840: 190]. Это название является деривационной моделью апеллятива луг. В настоящее время это территория Заволжского района. В оппозиции к этому названию стоит топоним *Нагорная* (левобережная) часть Костромы. Это главная часть города, гористая, с естественными террасами в три яруса [Козловский 1840: 189]. Топоним *Нагорная* образован путем деривации апеллятива гора и представляет собой субстантивированное прилагательное с приставкой на-. М.Э. Рут при анализе топонимов Екатеринбурга справедливо подметила, что такого рода топонимы свидетельствуют о земледельческом типе образной номинации, которая характеризуется приоритетом конкретных образов – моделей [Рут 1992: 128]. Противопоставление маркирует дистанционное отношение в рамках пространственной вертикали высоко–низко. Члены оппозиции связаны общим признаком положения относительно некоего предмета на вертикальной оси, но различаются противоположностью этого положения (выше – ниже). В этом случае позиция номинатора вынесена вовне и, вероятно, она является позицией плывущего по реке. Именно эта позиция дает возможность ясно увидеть пологий левый и гористый правый берег. Одновременно прослеживается и противопоставление по ориентирам правый – левый. Существует эквивалент топонима *Нагорная* часть – *Правобережье*, правый берег Волги и эквивалент топонима *Луговая* часть – *Левобережье*, левый берег Волги. Данные названия образованы путем сложения основ. Примеры из речи: *Где живешь? На правой (левой) стороне или За Волгой* говорят о том, что позиция номинатора находится в центре города, и для него характерна правильная ориентировка правого и левого берегов относительно течения реки вниз.

- Названия частей левобережья города.

Кроме вышеназванного членения левобережья на пять частей, в документах начала XVIII века встречаются указания на то, что Нагорная часть города делится на *Дебринскую* и *Сулянскую* части. «*Ручей Сула делит город на две части*» [Козловский 1840: 134]. Название *Дебринская* часть

является оттопонимическим образованием от названия Посад Дебря. Топоним *Сулянская* часть возник от гидронима река *Сула/Сульский проток/ручей Сула*. В трансонимизации имен собственных участвуют дримоним Дебря и гидроним Сула. Топонимы представлены субстантивированными прилагательными с топоформантами - *инск* -, -*янск* -. *Сулянская часть* в основном составляет территорию бывшего кремля, а *Дебринская часть* была заселена посадскими людьми. Из исторических документов мы видим наличие отчужденных отношений между жителями этих частей: «*Были кулачные бои между дебрянами и сулянами на Молочной горе*» [Козловский 1840: 189]. Приведенная цитата дает основание усматривать в данных топонимах оппозицию свой – чужой. Сульский район иногда называли *За рекой*. Локативный топоним выражен суц. в творит. падеже с предлогом за. В данном случае точка отсчета вынесена вовне, так как существует привязка к гидрообъектам. Анализ письменных источников не выявил широкого функционирования топонимов *Сулянская и Дебринская* части, однако даже достаточно редкое использование данных топонимов важно для нас, так как свидетельствует о топонимическом разнообразии и вариативности древних костромских топонимов. Очевидно, что данное деление послужило основой для последующего деления города на две крупные административные части.

- Названия частей Заволжья по административному делению XVI-XVII веков.

Известный костромской краевед А.А. Григоров, к сожалению, не приводя источников, указывает, что по административному делению XVI-XVII веков вся территория луговой заволжской части относилась к двум станам: *Дмитровцову* и *Иванжуцкому стану*. *Дмитровцов стан* был расположен по левой стороне нынешней улицы Московской. *Иванжуцков стан* занимал оставшуюся часть Заволжья, включая деревни *Селище* и *Козелино* [Григоров 1993: 325]. Этимология названий не выявлена. Представлены топонимы двусоставными названиями, первая, дифференцирующая часть которых именная, а вторая обозначена термином *стан*. По Далю ‘стан – место временного пребывания и все устройство на месте с повозками, скотом, шатрами и иными угодьями, место стоянки’ [Даль 1955: 312]. Из исторических источников известно, что в Заволжье были места стоянок финно-угорского племени меря. Сохранилось древнее городище, являющееся памятником позднего железного века [Алексеев 1993, 1997: 117].

- Названия посадов вокруг города.

В структуре средневековой Костромы, по схематическому плану застройки XVII века, существовало деление на центр (Кремль, затем Город) и периферию – торгово-ремесленные посады и слободы, составлявшие ближайшую округу. С течением времени нередко изменяется семантическая структура городского пространства. Возникает смещение центра города,

бывшего (очага), намечается актуализация новых центров, и тогда значение бывшего очага нейтрализуется. Однако в Костроме долгое время очаг выполнял роль центра, и новые городские образования, слободы, посады ориентировались именно на старый центр – очаг. Важной городской периферийной структурой старой Костромы являлись посады. Существование посадов с глубокой древности фиксируют Писцовая книга 1628 года и Дозорная книга 1664 года. Посады примыкали к городу с юга, юго-запада и юго-востока. Словари определяют *посад* как `поселение, предместье` [Срезневский 1989: 1228], торгово-ремесленную часть русских городов, расположенную вне крепости [СРЯ XI-XVII:149], `порядок изб, ряд домов, оседлое поселение вне города либо крепости, предместье` [Даль 1955: 328].

В Костроме посады, в отличие от слобод, примыкали к городу, являясь первым кольцом вокруг городской черты. Их население, хотя и считалось негородским, однако большей частью жило интересами города. В дальнейшем по историческим документам отмечается взаимопроникновение городских и посадских топонимов. При сравнении «Постатейной росписи костромского кремля 1678 года»⁷ и плана «Град Кострома до пожара 1773 года»⁸ обнаруживаем, что на базе названий башен кремля возникли названия посадских улиц: **Богословская**, **Вознесенская**, **Ильинская**, площадь **Воскресенская** и т. д., а вновь построенные храмы на этих улицах получили названия, совпадающие с названием улицы и башни. Это характерный пример сохранения названий. Постепенно при расширении территории города посады входили в городскую черту. Улицы, идущие из города по посадской территории, как правило, естественно продолжали старые названия. Хронологическая обусловленность топонимных моделей, привязка названий посадов к местности позволяют реконструировать историческую топографию.

Древнейший городской **Посад** развивался с XIII века вдоль реки Волги к юго-востоку от первого кремля, к северо-западу от него вдоль реки Костромы и на север по галичской дороге, свидетельствуя о том, что городу становилось тесно в рамках кремля [Алексеев 1997: 206]. Вероятно, в это время апеллятив *посад* онимизировался и стал выполнять роль индивидуализирующего имени – топонима. Предположительно, в XV веке появилась необходимость топонимического уточнения прежнего названия, так как посад вырос, окружил город с трех сторон, данное название перестало выполнять адресную функцию. Практически посад разделился на части, каждая из которых получила название. В XV веке в связи со строительством на новом месте Второго кремля часть городского посада, расположенного под кремлем около Волги, получила название **Нижний**

---

⁷ Н.А.Зонтиков опубликовал копию сгоревшей в 1982 году рукописи (Гако, ф.,588,оп.2.,д.135), которую сделал А.А.Григоров.

⁸ План реконструирован по письменным топографическим источникам С.С.Смирновым. Опубликовано в Краеведческом альманахе Костромского общественного фонда культуры. Костромская зеля. Вып.5. – Кострома, 2002.

посад. Данный топоним мы находим в документах XVII века: *На Нижнем посаде к Волге стоит церковь Николы Чюдотворца* [ПК 1628: 105]. Постепенно этот посад протянулся до Черной речки вниз по Волге и вверх до Ипатьевского монастыря, имел 26 улиц и 30 переулков. **Нижним** он назывался потому, что являлся таковым по отношению к кремлю, который был расположен на втором ярусе естественной террасы. В названиях территорий просматривается противопоставление оппозиционных вертикалей верх – низ, когда позиция номинатора находится в центре города. Мы сталкиваемся с принципом выделения территории относительно человека, который ее видит вокруг себя. Относительно очага номинации, находившегося в кремле, **Нижний** посад занимал маргинальное положение.

Судя по карте «Град Кострома до пожара 1773 года», кроме **Нижнего посада**, к XVIII веку вокруг кремля существовало еще четыре посада. К **Нижнему** посаду примыкал **Вознесенский** посад⁹. Сведений о нем очень мало. Название посада появилось путем трансонимизации имени храма Вознесения Христова. Каменное строение посадской церкви XVII века, стоящее на месте деревянного, сохранилось до настоящего времени в Мельничном переулке, который до 1917 года носил имя Вознесенского переулка. **Вознесенский** посад занимал территорию от стен кремля вниз по течению Волги до посада **Дебря**. Сопоставив сведения двух источников, мы предположили, что посад оформился только к XVIII веку. На карте 1773 года указано название **Вознесенский** посад, а вот при обращении к Писцовой книге 1628 года мы обнаружили, что Вознесенский храм в XV веке назывался более пространно **Вознесения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа в посаде на Дебре** [ПК 1628: 573 об], т. е. **Вознесенский посад** самостоятельно не существовал, его территория входила в состав посада **Дебря**.

Самый протяженный посад **Дебря** был отграничен от Волги улицей Бережной, с противоположной стороны – Осташевой поляной, протянулся от Вознесенского посада до Черной речки. Один из самых древних топонимов Костромы **Дебря /Дебрь** сохранил свое название до нашего времени. По Далю, 'дебря (дебрь)' – стар. логовина, ложбина, долина, раздол, овраг, буерак. Лесистая, густо заросшая долина, чернолесье по раздолу [Даль 1955: 424]. Архангельский областной словарь подает данную лексему в значении «заросли» [АОС 1999: 359]. Ранее мы приводили предположение, что Черная речка могла называться так по цвету воды, так как была мелкой и грязной, либо из-за того, что протекала по черному бору. В МАС 'черный лес, чернолесье' – это лиственный лес [СРЯ 1987: 668]. Можно предположить и то, что речка получила название **Черная**, так как протекала по черной земле, за церковью Воскресенья шла черная земля. «Черная земля» – это территория, заселенная податными, с которых собирали черную подушную дань. «А по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа России указу велено было тем посадским людем с церковные земли идти на

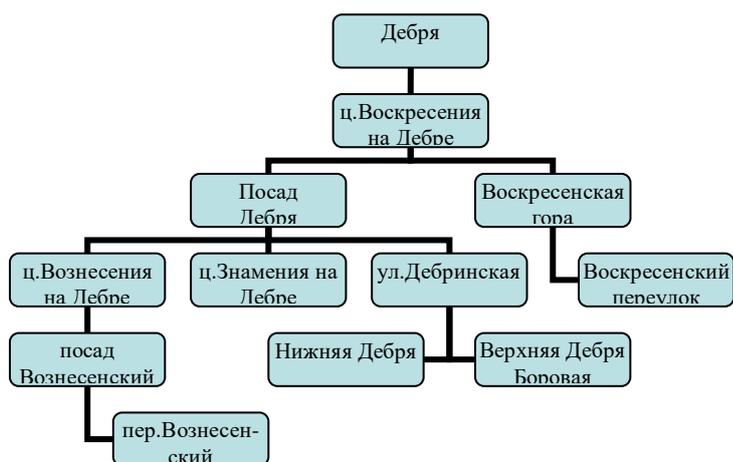
---

⁹ См. Карта 4. Онимическое пространство первого среза (центр-периферия).

черную землю... а попу Ондрею и дьякону Логину велено с черной земли дворы свои снести и идти на церковную землю» [ПК 1628: 182]. «Черные люди» в Русском государстве XII-XVII веков – это сельское население (черносошные крестьяне) и население посадов, платившее государственные налоги [СРЯ 1987: 794].

По преданию, костромской князь Василий Ярославович ездил на охоту сквозь непроходимую дебря. Видимо, по его повелению там, в XIII веке был заложен деревянный храм. Церковь получила название **Воскресения на Дебре**. Церковь деревянная, верх шатровой, Воскресение Христово [ГАКО Р. -513.Оп.1.Д.6 В XVIII]. Выросший здесь посад также сохранил название *Дебря* [ПК1628: 145 об]. Каменный храм был построен в 1645 году на средства «торгового гостя» Кирилла Исакова [Кильдышев 1996: 6]. Он жил «в Манихине переулке идучи к Черной речке» напротив церкви [ПК 1628: 52]. Торговавший с Англией купец согласно легенде в одной из партий закупленной им краски получил бочку с золотом, и именно ее он употребил на богоугодное дело, выстроив храм Воскресения [Каткова 2001: 11]. Проложенные по Генеральному плану 1779 года улицы, идущие по естественным террасам вдоль Волги, получили названия: улица **Дебринская**, **Нижняя Дебря**, **Верхне-Дебринская**, или **Боровая Дебря**. Точечные топонимы, обозначающие храмы на этих улицах, также имели в своем названии компонент **Дебря**: «Знамения» Божией Матери на **Нижней Дебре**, Вознесения на **Дебре**.

Важно, что в настоящее время улице Кооперации, в прошлом Дебринской, возвращено название, но в несколько измененном виде: улица Нижняя Дебря. В данном случае мы имеем дело с ансамблем названий, словообразовательным гнездом, организующим центром (вершиной гнезда) которого является компонент **Дебря**. Ансамбль представлен сложной многоступенчатой, разветвленной системой названий.

На рис. 3.2.1 представлен ансамбль топонимов как сложная многоступенчатая и разветвленная система названий. В точечном топониме церковь **Воскресения Христова на Дебре** локативный компонент **На Дебре** несет нагрузку уточнения, так как существовала церковь **Воскресения на площадке**. Интересно проследить процесс становления наименований

подобного типа. Одно из первых славянских названий дримоним *Дебря* является основанием для появления в экклезиониме церковь *Воскресения* адресной приставки *на Дебре*. Ойконим *Дебря* создается в связи с формированием посада вокруг церкви. Новые названия церквей образованы оттопонимическим способом на базе имени посада: «*Знамения*» *Божией Матери на Нижней Дебре, Вознесения на Дебре*. Годонимы *Дебрь улица Большая* [ПК 1628: 145 об.], улица *Дебринская, Нижняя Дебря, Верхне-Дебринская, или Боровая Дебря* (XVIII век) сохраняют древнее название и образуют ансамбль названий с вершинным в гнезде топонимом *Дебря*. Новым ответвлением в этом ансамбле становятся названия, образованные на базе экклезионима *Воскресенская* церковь. Так появляется ороним *Воскресенская* гора, название крутого спуска около храма, которое позднее оформляется как годоним *Воскресенский* переулок.

Выше Нового города между реками Сулой и Костромой находился посад *Богоявленского* монастыря. *На Костроме ж на посаде монастырь Богоявленской* [ПК 1628: 614]. Данный топоним существует с XV века, времени основания монастыря старцем Никитой. В настоящее время улица, на которой расположен монастырь, переименована в Богоявленскую.

В некоторых источниках упоминается название посада *Пучеж*, расположенного по Кузнецкому переулку. Этимология названия не установлена, вероятно, относится к названиям субстратного происхождения. Известен также посад Пучеж Юрьевецкого уезда Костромской губернии на правом берегу реки Волги в 64 км от Юрьевца. Юрьевчане принимали участие в битвах с паном Лисовским вместе с костромичами. Жители посада, которые нанимались в бурлаки и лоцманы, возможно, частично осели в Костроме и дали название посаду [ПККГ 1862: 316]. Можно предположить также, что топоним *Пучеж* того же славянского происхождения, что и Радонеж, Сахареж.

Со временем посады в Костроме примыкают к городу и становятся его частью, в то время как в других местах они развиваются в отдельные города, например, Павлов-посад, Сергиев посад. Костромские посады могли бы развиваться, но ряд исторических причин не позволил им разрастаться и превратиться в самостоятельные города.

- Названия слобод.

Слобода является вторым кольцом вокруг кремля, иногда граничит с территорией посадов¹⁰. Первые слободы в Костроме, как и в Москве, [Снегирев 1953] возникают в середине XIII века, когда она становится столичным городом удельного княжества, и князь Василий Ярославович укрепляет и заселяет окраины из пришлого населения. Торговые связи, появление дорог – это толчок к возникновению новых территорий и новых названий. Слободы, возникающие за пределами города, – это поселения, которые являются результатом торгово-экономических связей и отношений

---

¹⁰ См. Карта 2. Онимическое пространство первого среза (центр – периферия).

города, а также его этнического разнообразия. К ним относятся ремесленные, монастырские слободы и слободы других этносов или этнических групп.

Названия этих слобод обычно возникают из сочетаний нарицательных существительных с именами прилагательными. Лексической базой формирования двусоставных названий служит само слово *слобода*, обозначающее географическую и хозяйственно-экономическую реалию. В Словаре В.И. Даля 'слобода, слободный, слободить, свободный, свободить'. Слобода – старое село свободных людей' [Даль 1955.Т.4: 221]. Срезневский отмечает два значения слова *слобода*: 'поселок', 'совокупность нескольких поселков' [Срезневский 1989: 414]. Жители слобод в русском государстве XI–XVII веков освобождались от налогов и повинностей, ложившихся на тяглое население. Представление разного рода льгот привлекало население, занимающееся различными ремеслами, селиться вне города–крепости [Энциклопедия русской истории 2000: 508]. Вторая часть составного названия в лексико–семантическом аспекте представлена тремя типами. Наиболее продуктивный из этих типов обнаруживает связь названий объекта с деятельностью человека. Среди них многочисленную группу составляют названия слобод по ремеслу, названию ремесленников или предметов ремесла.

Кирпишная/Кирпичная слобода появилась по грамоте царя Великого князя Михаила Федоровича 12 января 1624 года. В Писцовой книге 1628 года сказано, что «...на Костроме по конец посада слободка кирпична, под кою белая земля». Название слободы мотивировано словом кирпич, так как ее населяли каменщики, славившиеся по всей Руси своим мастерством: их вызывали для строительства кремлевских соборов в Москве. К XVII веку в слободе было 5 дворов и жило 26 кирпичников [ПК 1628: 268]. В Словаре В.И. Даля 'кирпичникъ – кирпичный мастер, работникъ или торговецъ' [Даль 1955: 110]. После учреждения Костромского наместничества каменщики были обращены в костромской цех. На месте слободы в 1781 году появилась Кирпичная улица.

Кузнецкая слобода/В Кузнецах. Костромские кузнецы имели дворы близ церквей Безсеребряников Козьмы и Демиана и Святого Николая, которые именовались **В Кузнецах**. Это второе эллиптированное название **Кузнецкой** слободы. По Первой нарезной переписи мастеровые-кузнецы обозначены отдельно от посадских, их было «около 160 человек, некоторые были при артиллерии в работах» [Памятная книжка 1862: 270]. В настоящее время о былых ойконимах **Кузнецкая** слобода и **В Кузнецах** напоминает только сохранившееся название короткой улицы между улицами Советской и Никитской – Кузнецкая.

Пищальная слобода. Она существовала около посада, принадлежавшего Богоявленскому монастырю, по грамоте царя Михаила Федоровича 1621 года и «селились здесь пищальники, которые братья были в случае войны на службу, а в мирное время имели жительство в этой слободе» [Памятная книжка 1862: 266]. В состав парадигмы, образуемой ядерным членом – ойконимом **Пищальная слобода**, в XVIII веке вошёл

годоним-гипоним **Пищальный переулоч**. Пищальник, по Далю, ‘стрелок, воин, вооруженный пищалью. Пищаль – огневое орудие, некогда пушка, ружье, ручная пищаль, ручница ‘ [Даль 1955: 114]. В эту же парадигму входит и близкое по семантике название **Стрелецкая** слобода. «*На Костроме ж на посаде по государеве и Великого князя Михаила Федоровича всея Руси грамоте за приписью дьяка Ивана Трофимова 136 году даны ис порожних из белых мест под слободы в дву местех костромским стрельцом пятьдесят человеком*» [ПК 1628: 700 об. 701].

Название **Рыбная** слобода имеет прозрачную мотивировку. Жители слободы занимались ловлей и продажей рыбы. На берегу Волги, по данным Писцовой книги, был «содок» для ловли рыбы и ледник для хранения: «*На Костроме на посаде ловят про Государя-царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси в реке красную рыбу осетр и стерляди и белую рыбицу, а живут на белой земле*» [ПК 1628: 268]. Номинативная часть составного названия – это адъективное прилагательное с суффиксом, представленным морфом -н, обозначающее признак, относящийся к предмету, названному мотивирующим словом: рыбная.

Слободка **Костромской ям** имела ещё один вариант названия – **Ямская** слобода. «*Слободка ямская называлась слободка Костромской ямь, состоявший под ведомством Московской ямской канцелярии. Возили почту до Ярославской границы и по Нижегородскому тракту до Кинешмы*» [ПК 1628: 194]. Название образовано путем топонимизации апеллятива ям. «*Ямь – селенье, коего крестьяне отправляют на месте почтовую гоньбу и где для этого станция, стан. Ямщик – крестьянин на яму, для почтовой гоньбы на своих лошадях, за что освобождался от подушного. Ямской – относящийся до ямщиков и ямины*» [Даль 1955: 678]. Относительно малопродуктивным мотивом в костромской урбанонимии является признак принадлежности к этнической группе. Однако такие наименования достаточно древни. Таков топоним **Татарская** слобода. Слобода раскинулась в районе Черной речки при впадении её в Волгу. Краевед XIX века Александр Козловский, доказывал, что слободу заселяли выходцы из Романово-Борисоглебска (ныне это город Тутаев в Ярославской области), принадлежавшие к роду мурзы Магометовых, Бильгильдеевых, Булатовых и других, и считал датой переселения татар в Кострому 1761 год. Позднее с ним также соглашается Л.Скворцов. П. Островский, В.Н. Бочков считают, что массовое переселение татар на ярославскую землю в г. Романово-Борисоглебск относится к 1563 году, во время царствования Ивана Грозного. Татары участвовали в походах с государевыми войсками на Казань и за это получили земли с крестьянскими дворами и особые жалованные грамоты с красными печатями. Переселенных ногайских татар было около 1500 человек. В XVIII веке они начали принуждаться со стороны властей принять православие. Упорные в своей вере мусульмане были лишены своих имений и переведены по Указу 1767 года в костромские земли. Принадлежали они роду мурзы Бухатова [Островский 1964: 182]. В XIX веке часть слободы стала называться **Река**, которая в 1920 году была преобразована в улицу, получившую имя **Речная**.

Другая часть слободы в XVIII веке преобразована в улицу *Низовую*, название которой указывает на особенности рельефа, так как улица проходит по нижней террасе вдоль Волги от Черной речки до *Татарского кладбища*, название которого в форме точечного топонима активно используется и в настоящее время. Данная улица в 1932 году получила название Нариманова. В XVIII веке в слободе было 86 домов и проживало 525 душ обоюбого пола. Респондент Айша Сиушева, 110 лет, в 2005 году вспоминает: «*В слободе были названия: Татарское кладбище, Татарская роща, Мечеть, дом Маметьева, (построен в 1860 году), грузовой пароход «Прибой», принадлежавший Алею Елгевину»*. София Курбатовна Сиушева, 106 лет, в 2004 году вспоминала: «*В слободе было развито рыболовство, а Ишмет Маметьев имел 50 голов лошадей и занимался извозом»*. До наших дней сохранились в слободе коренные татарские фамилии Бельгильдеевых, Женодаровых, Сиушевых, их дома являются точечными топообъектами: *Дом Сиушевой, Дом Бельгильдеевых*. В пассивном запасе сохранилось название *Татарская мечеть*, построенная в 1780 году на берегу реки Идель (так жители татарской слободы называли Волгу), разрушенная в 1930 году.

Русинова/Русина слобода [ПК 1628: 577]. Первая часть (адъектив) образована в процессе метонимической онимизации от исходного апеллятива русь, собирательного существительного, обозначающего народность галицко-волыньских русинов. Впоследствии ойконим путем трансонимизации порождает годоним Русина улица (дореволюционное название центральной Советской улицы). Вся группа собирательных этнонимов формировалась в древнерусском языке на базе самоназваний или слов той народности, которую они обозначали. Может быть, корень слова русь был заимствован из финно-угорских языков. Финны одним и тем же именем обозначают и местность, и народность, населяющую местность (финск. Ruotsi). Восточные славяне при колонизации финно-угорских земель могли перенять название русь, ставшее впоследствии древнерусским этнонимом и хоронимом Русь [Ковалев 1982: 56-57]. По мнению костромского историка В.Н. Бочкова, слобода была основана выходцами из Галицко-Волынской Руси русинами, осевшими здесь в начале XIV века и составившими костромской гарнизон [Бочков 1989: 70].

Немецкая слобода. Во время Ливонской войны 1558 года Иван Грозный перевел в Кострому множество семей ливонцев, которые и стали населением этой слободы [Никитин 2005: 278]. По некоторым источникам, эта слобода имеет параллельное название *Гашеева* слобода [Бочков 1989: 46]. Топоним имеет два варианта в произношении *Гошовская* слобода [ПК 1628: 607] и эллиптированный вариант *Гашеевка* [ПК 1628: 608а]. В варианте названия появляется деминутивный суффикс -к. Этимология названия не выяснена, но известно, что жители слободы занимались гашением извести, однако возможно, что это образование от антропонима, так как фамилия Гашеев встречается в Писцовой книге 1628 года. В XIX веке на месте упраздненной слободы возник Гашеев переулоч (сейчас район улицы Маяковского).

Из источников XIX века известен топоним **Козья** слобода, малораспространенное для слобод зоофорное имя. Территория, где располагалась слобода, первоначально была местом выпаса скота за пределами основной части города. Вероятно, от названия этого пастбища для коз путем переноса по смежности и произошло название слободы. В 1920 году появился топоним **Козий** переулочек, располагавшийся на территории бывшей слободы, а в 1925 году в связи с перепланировкой появляется улица **Красная** слобода. Вновь возникший компонент старого названия доказывает стремление топонимии к сохранению лексической базы.

Часто в составе названий слобод представлены антропонимы и отантропонимические определения. Посессиный топоним **Полянская** слобода происхождением обязан костромскому пушкарю Григорию Полянскому, который в 1579 году приложил в дар Троице-Сергиеву монастырю землю, находившуюся под слободой. В эту слободу были поселены непашенные бобыли (крестьяне, не владеющие землей по бедности) из разных сел и вотчин, принадлежавших Сергиевой лавре. Упразднена слобода по учреждении наместничества. Топоним **Полянская слобода**, образованный путем трансонимизации антропонима Полянский, до настоящего времени дошел как трансформ в названии улица Полянская.

Особенно продуктивным в Костроме можно считать тип названия слобод, образованных от экклезионимов. Как уже отмечалось, оппозиционные отношения данной группы названий к предыдущим строятся по принципу противопоставления обыденный, житейский – мифологический, символический. Обыденными можно считать названия, связанные с хозяйственно-экономической деятельностью (названия ремесленных слобод). Продуктивность названий слобод, образованных от экклезионимов, объясняется экстралингвистическими факторами: храм являлся точечной доминантой слободы, вследствие чего становился денотатом ее имени, а точка отсчета при номинации в данном случае вынесена вовне [Березович 2000: 15].

Агиотопоним **Андреевская** слобода образован от имени церкви Андрея Критского. «*Богоявленского монастыря слободка Андреевская на реке на Костроме, на Ипацкой стороне, а живут в ней монастырские служебники и всякие нищие люди*» [ПК 1628: 671]. Пример метонимической трансонимизации – перехода в городской топоним – название близлежащей церкви, которая, в свою очередь, получила имя от агионима – канонического имени Андрей. В настоящее время это одна улица – Рабочая слобода, в которой концептуальный элемент слобода в названии сохраняется.

Никольская/Николская слобода была расположена правее нынешней Московской улицы. Имела кабак, три лавки, «патриарший двор» и церковь Николая Чудотворца. Топоним образован путем метонимической трансонимизации экклезионима Никольская церковь.

Богословская слобода (в разговорной речи просто **Слободка**). Некогда принадлежала Ипатьевскому монастырю и иногда называлась **Ипацкой**. В ней жили монастырские работники, каменщики, кузнецы, иконописцы.

Слобода известна по письменным источникам с XVI века. По материалам генерального межевания 1778 года в ней сохранялось 67 дворов. Она состояла из двух частей: по правому берегу реки Костромы возле стен Ипатьевского монастыря веерной планировки и на западе сетчатой планировки. Позднее это улицы Осавиахима, Покровского и Огородная. В черту города слобода вошла в 1931 году и стала называться улицей *Трудовой* слободы [Памятники архитектуры: 40], однако в речи костромичей сейчас функционирует как *Слободка* или *Слобода*. Процесс усечения онимической части названия слободы объясняется отсутствием необходимости идентификации его ввиду единичности топонима в настоящее время в Костроме. В неофициальном варианте топонима *Слободка* мы сталкиваемся с явлением, когда географический термин слобода становится детерминантом имени собственного при помощи суффикса, указывающего на незначительные размеры слободы и предпочтения костромичами лексики экспрессивно окрашенной живой разговорной речи.

В письменных источниках сохранился ряд названий костромских слобод с затемненной этимологией: *Арынова/Арапова* слобода имела параллельное название *Коверина пустошь* и «находилась за речкою Черною и приписывалась с древности сошны письмом к посаду... и владел ею безоброчно с дебри священник Стефановской церкви Симон назвав е Ковериною пустошью. Нет даже предания, почему она араповой называлась. Во второй половине XVIII века здесь учреждено кладбище» [Памятная книжка 1862: 269]. В топониме *Камустина* слобода мотив названия также не прояснен. Она была расположена по *Шалыгину* оврагу. Поскольку и в наши дни существует фамилия Шалыгиных (их дома расположены по правому берегу Волги), можно предположить, что *Камустина слобода* находилась там, где сейчас проходит улица Широкая. В 1777 году в ней было 16 дворов [Григоров 1993: 328].

Таким образом, рассмотренные названия слобод представляют собой составные топонимы, в основе которых географический и хозяйственно-экономический термин (слово слобода или слободка), а также антропонимы, микротопонимы, апеллятивная лексика. Связи топонимов данной группы в онимическом пространстве города доказывают наличие в топопространстве Костромы центра и маргинальных объектов. Нужно отметить, что в настоящее время данная модель сохранилась, но изменилось ее содержание: теперь слобода обозначает только то, что это топоним, называющий периферийный городской объект. Противопоставление свой – чужой наблюдается и сейчас в речи костромичей: городской житель, житель центра (*живу в городе, пойти в город*) – слободской житель, житель окраин (*слободские ребята*). Названия слобод, существующие в первоначальном или в несколько измененном виде, позволяют увидеть некоторые черты города, в какой-то степени сохраняют его старинный облик.

- Названия деревень, составлявших слободы правобережной части, впоследствии вошедшие в черту города.

На данном временном срезе наблюдается начальный этап перехода комонимов в урбанонимы: ряд деревень и сел входят в черту города. Номинатив село **Городище** обозначает самое древнее поселение в Костроме. Проводимые на территории Городища археологические раскопки выявили там памятник раннего железного века. Как известно, наиболее ранние городища (укрепленные поселения на возвышенных участках вблизи воды) датируются VII– VI вв до н. э. Просуществовал этот тип поселений до первого века н.э. и принадлежал дьяковской культуре. Освоения таких участков связывается с изменением климата и подъемом грунтовых вод в речных долинах. Первоначально невысокие валы, мелкие рвы, дополнительный частокол служили для защиты стада. Далее укрепления становились более серьезными и выглядели как земляные стены по периметру поселения. По мнению археолога И. С. Алексеева, слой более поздней культуры здесь начинает формироваться не ранее XIV века [Алексеев 1977: 201]. По В.И.Далю городище – это остатки поселения. Слово происходит ‘от древнерусского город, ст.сл. градъ, прасл* qordъ и суф. -ище’ [Даль 1955: 381]. В XVI-XVII веках это село принадлежало боярам Морозовым, у которых там были «боярские горницы». В середине XVII столетия в селе была построена церковь Рождества Христова, однако в речи горожан в настоящее время этот объект бытует как микротопоним Ильинская церковь по наименованию придела в честь Пророка Божия Ильи. В XVII веке этой вотчиной Городище владела известная раскольница боярыня Феодосия Прокопьевна Морозова. В конце XIX века село стало дачной местностью [Памятники архитектуры Костромской области 1996: 89-98]. В источниках этого времени данное место упоминается как **Городищенский холм**. После революции церковь была закрыта, на территории кладбища разместился пивной ларек, который именуется в неофициальной речи горожан **На костях**, указывая на наличие там старого кладбища.

Топоним **Селище** (иногда **Новое Селище**) упоминается в XV веке в числе владений бояр Глинских, родственников московских Великих князей. По выдержкам из «Экономического описания к генеральному межеванию 1777 года» по селу Селищу «68 крестьянских дворов да 4 господских дома. Село при реках Кунчовке (Ключовке) и Волге» [Григоров 1993: 326-327]. Даль трактует селище как ‘весьма большое село, слободу, где более одной церкви’ [Даль 1955: 172]. В данном селе было три церкви: во имя Антонины и Александра, Егория и Илии. Костромские губернские ведомости № 49 от 14 декабря 1859 года пишут: «Селище, в старину Новое Селище – помещичье село на нагорном берегу Волги, от Костромы на запад в 2 версты». Топоним в речи костромичей звучит как **Селишишево**. Изредка появляющийся вариант составного имени **Новое Селище** дает возможность говорить о существующей бинарной оппозиции по признаку старое – новое. Топоним **Городище** обозначал старое село, в то время как топоним **Новое Селище (Селище)** – это название нового села.

- Названия площадей (агоронимы)

Дополняют структуру города более мелкие по сравнению с посадами и слободами планарные объекты: части плоскости, заключенные внутри территории. К ним относятся площади, которые несут в структуре города организующую нагрузку. Площади дают начало улицам, являются важным объектом общественной жизни. Их названия, как правило, хорошо сохраняются в литературе и народной памяти. Однако на данном срезе таких топонимов еще мало. Современное понимание термина площадь связано со структурными особенностями городской планировки. Площадь – это открытое, обрамленное какими-либо зданиями или зелеными насаждениями пространство, входящее в систему других городских пространств, нередко играет важную градостроительную роль [СЭС:1015]. Самые древние площади были тесно связаны с общественной жизнью города. В древней Греции и Риме они предусматривали возможность сбора большого числа людей. В их структуре выделялись места публичных собраний: греческая агора, римский форум. Со времен средневековья до эпохи барокко городская площадь (соборная, турнирная, дворцовая) остается неизменной чертой любого города.

Второй тип площадей связан с торговлей крупногабаритным товаром, привезенным на возах. Это торговая, базарная, сенная, дровяная, конная и др. площади. Их описание находим у Даля: площадь как ровное место, незастроенный простор, шире улиц. Часто употреблялась форма *площадка* [Даль 1955: 130]. Постепенно происходит изменение функций городских площадей от средневековой символики к пространственной организации городских кварталов. В XIX веке возрастает роль транспортных средств, и в старых городах ломают часть зданий для организации магистралей. Во многих городах срывают городские укрепления и организуют бульвары. Планировку городов всецело подчиняют нуждам транспорта. Места для общения людей исчезают [Суперанская 1985: 71]. В костромской топонимии нам известна как первая и главная в кремле XV века в Старом городе площадь перед Успенским собором, называемая *Соборная* площадь [Баженов 1905: 9]. Особенность названия заключается в том, что в основу имени положен не экклезионим Успенская, как это часто встречается, а апеллатив собор. Это объясняется тем обстоятельством, что собор в кремле был один. Как известно, так назывались площади во многих древнерусских кремлях, например, в городе Москве, Плесе [Смолицкая 1996: 132]. На территории Нового города главная площадь называлась *Площадь в Новом городе* [ПК 1628: 537], позднее ее стали называть *Большая на торгу* [ПК 1628: 572], так как появилась *Площадь за новым городом* [ПК 1628: 577], которую затем стали называть *На площадке*. Данный процесс свидетельствует о стремлении номинаторов к расподоблению названий. В топониме *Большая на торгу* назывной компонент выражен прилагательным большая, характеризующим размер площади. Вторая часть представлена локативным компонентом *на торгу*, выраженным обстоятельством места с предлогом *на*. Для XVI- XVII веков такие конструкции, по-видимому, являлись нормой, отражая структуру славянского топонимического типа – термины с семантическим

расширителем. Топоним же *На площадке* представляет собой эллиптированное название, что свидетельствует о стремлении языка к экономии своих средств.

- Названия ландшафтные.

Топонимы указанного типа отражают особенности положительного и отрицательного рельефа города, а также представлены названиями плоской местности. Обращаясь к карте Костромы до пожара 1773 года и письменным источникам, мы обнаруживаем, что *Вспольем* называли открытое место возле города [П. Островский: 101]. *Идучи от Покрова Со всполья* [ПК 1628: 245]. Срезневский определяет всполье как окраину [Срезневский: 414]. Вспольем называли территорию нынешней улицы Энгельса. Приведённый пример свидетельствует о переходе апеллятива всполье в группу топонимов.

Топоним *На выгоне* характеризует древнюю костромскую топонимику как близкую к сельскому типу. Обычно выгон – это место, где пасли скот. Выгон – пастбище при селении, городе [Даль 1955: 665]. Выгонов вокруг города было много, но как топоним термин закрепился только в одном случае, вероятно потому, что данный выгон сохранялся вплоть до XVIII века. В настоящее время по данной территории проходит улица Пастуховская. Новый топоним в какой-то мере сохраняет прежнюю семантику, имеет одну общую интегральную сему.

Топоним *Осташева поляна* обозначал место, расположенное между улицей Боровой и Русиной (ныне Дзержинского и Советской)¹¹ за церковью Всех Святых [П. Островский 1864: 100]. Наиболее вероятная версия названия: оно произошло на базе канонического имени путем трансонимизации антропонима Евстафий [Веселовский 1974: 78]. В костромской антропонимии встречаются варианты Остафей, Осташка, Осташко. В Писцовой книге мы находим имя Осташка Антипьев [ПК 1628: 259]. Использовалась поляна летом для полковых лагерей и учений солдат уфимского и троицкого полков, квартировавших в Костроме [Памятная книжка 1862: 268].

Костромской краевед В.Н. Бочков приводит топоним *Спас-Подвязье*, обозначая его как название квартала за улицей Спасокукоцкого. По мнению В.Н. Бочкова, в прошлые века это место славилось великолепной рощей из вязов и дубов [Бочков 1997: 155]. Респонденты старшего возраста отмечают наличие топонима *Спас-Подвязье* как название места возле Спасо-Подвязного монастыря. Письменные источники действительно подтверждают наличие такого экклезионима. «*Идучи во Мшанскую улицу монастырь же, слово Спас Подвязной*» [ПК 1628: 589 об.]. Возможна иная мотивировка: названия монастыря с апеллятивом подвязный. По В. И. Далю, ‘подвязь – это леса для стойки, ярус лесов, лес на подвязку, для наращивания бревен’ [Даль 1957: 167]. Вероятно, название отражает особенности первого деревянного строения храма [Карта Костромы до пожара 1773 года].

---

¹¹ Здесь и далее в скобках приводятся современные названия.

Территория города, находившаяся между реками Волгой, Сулой и Костромой, отличалась заболоченной почвой. Об этом свидетельствует большое количество топонимов данного характера. Отметим, что физико-географический принцип номинации является ведущим мотивировочным основанием для номинации внутригородских объектов Костромы. В Писцовой книге 1628 года и Дозорной книге 1664 года мы находим названия этих мест: *Гноище/Гнилище*. «Идучи во Мшанскую улицу, словес на Гноищех» [ПК 1628:590 об.]. В настоящее время это перекресток улиц *Терешковой* и *Островского*. ‘Гноище, гнилище’ – это заболоченное верховье речки со стоячей водой, издающей неприятный запах [Бочков 1997: 157]. В XV веке здесь протекала река Сула. Возникшая позднее церковь стала называться *церковью Козьмы и Демьяна на Гноище*. Вполне вероятно, что компонент Гноище стал добавляться к названию храма после эпидемии чумы, когда здесь на окраине города складывались тела умерших, которых не успевали хоронить [Просторов 2002: 150]. Последний квартал улицы *Островского* вплоть до конца XIX века назывался *Глинище*, здесь жители брали глину для своих нужд [Бочков 1997: 157]. Даль определяет ‘глинище’ как яму или коп, где берут глину. Гелонимы *Гноище/Гнилище* и *Глинище* сохранились в памяти костромичей до нашего времени. Например, Сизова А.А. 76 лет, в 2005 году вспоминает: «Гноищем называли последний квартал улицы Мшанской, где было болото, а Глинищем – место сбора глины для замазки печей».

Можно предположить, что на изучаемом нами срезе важными топообъектами были овраги и болота. В связи с осушительными работами, строительством в городе такие топонимы в настоящее время не входят в активную лексику костромичей, но в письменных источниках сохранились антропогелонимы: *Лукино* болотце [ПК 1628: 758 об.], *Апакушино* болото, расположенные у реки Костромы [ПК 1628: 673 об.], *Ахбневское* болото, около речки Субботки, в настоящее время это район Черноречья [ПК 1628: 749]. Микропарадигму словообразовательных дериватов образуют гелонимы *Болотина* [ПК 1628: 25] и *Болотинка* [ПК 1628: 21 об.], происходящие от географического термина болото, суффиксы которых указывают на величину и значимость денотата. Часто встречается в письменных источниках гелоним *Лычово* болото [ДК 1664: 51]. По Далю, лычко ‘молодой луб, волокнистое неокрепшее подкорье, идущее на лапти’ [Даль 1955: 276].

В костромской топонимии имели место и топонимы, отражающие отрицательный рельеф города. Кремль XV века был окружен глубоким рвом, наполненным водой. До начала регулярной застройки города функционировал топоним *Крепостной ров*.

Топоним *Иванов вражек/Ивановский* вражек [ДК 1664: 84]. Овраг пролегал между улицей Русиной и Боровой (ныне Дзержинского). Название составное: первый компонент антропоним, вторая часть выражена географическим термином в диалектном варианте. Распространенность употребления данной формы подтверждает, например, наличие в московской топонимии названия *Сивцев вражек*. Народно-неофициальное название овраг

Ендовище, упоминаемое нами ранее, также относится к данной группе топонимов. Интересно отметить, что река *Сула* в бытовой речи жителей иногда называлась *Сульский* враг, так как неглубокая речка часто пересыхала.

Ранее упоминался в онимическом поле Заволжского района города топоним *Шалыгин* овраг. Вероятно происхождение данного названия от патронима Шалыгин. В настоящее время в Костроме существует данная фамилия. Патроним может быть образован от: 1. неканонических имен Шалыга, Шалага (есть в «Ономастиконе» Веселовского И.О.); 2. шалга – островок леса, делянка, где заготавливают дрова; в Архангельской губернии шалга – «чернолесье», густой, раскинувшийся сосновый и еловый лес [Мызников: 303]. Процесс онимизации, предположительно, протекал следующим образом: апеллятив *Шалга* → патроним *Шалыгин* → ороним отрицательного значения *Шалыгин* овраг в форме притяжательного прилагательного со значением принадлежности.

Группе топонимов со значением отрицательного рельефа противопоставлена группа топонимов со значением положительного рельефа: *Городской вал*, *Кадкина* гора, *Гора*, гора *Воргуниха*. Данные топонимы относятся к народно-бытовым названиям и используются в современной речи. Некоторые из указанных топонимов рассматривались нами в группе естественных названий, остановимся на названиях *Городской вал* и гора *Воргуниха*. Остатки городской крепости XV века в виде усеченного вала сохранились до настоящего времени и служат объектом показа для туристов, в связи с этим обстоятельством топоним *Городской вал* часто употребляется в профессиональной речи экскурсоводов. Суффиксальное имя гора *Воргуниха* сохранилось в редком употреблении. Респондент Головкин В. А., 80 лет, в 2002 году утверждал: «*Воргунихой* называли гору, идущую от улицы *Островского* к топкому месту возле реки *Костромы* в сторону *Ипатьевского монастыря*». Ворга – болотистая местность, заросшая кустарником, мелколесьем. Слово ворга зафиксировано в «Словаре русских народных говоров» по Архангельской губернии. Матвеев А. К. полагает, что ворга ‘естественная просека, просвет в лесу’, оно пришло из коми языка, но допускает возможность контаминации с орга. М. Фасмер возводит анализируемое слово к кар. *orgo*- сырая низина.

Таким образом, в топонимии Костромы планарные названия первого исторического периода представлены 62 названиями и объединены в восемь групп по своим типовым характеристикам. Среди них выделяем названия четырех частей и сторон города, 16-ти деревень, пяти городских поселений (хоронимы), семи частей левобережья, 19-ти слободок (ойконимы), четырех посадов, четырех пахотных земель, выгонов (агроонимы), двух болот.

3.3. Линейные топонимы как структурообразующие элементы топонимической системы средневекового города

В системе названий любого современного города преобладают линейные онимы. Всего нами собрано на данном срезе 102 топонима такого характера. Среди них 70 годонимов – вид урбанонимов, названия линейных объектов в городе (греч. годос – путь, дорога, русло): имена улиц, шоссе, проездов, переулков, бульваров, проспектов, набережных [Подольская 1978: 50].

К объектам линейного характера относятся дромонимы – собственные имена любого пути сообщения: мосты, тракты, дороги, пути [Подольская 1978: 57], их на данном срезе выделено 11. В костромской топонимии встречаются разные типы дорог. Для определения различий терминов приведем пояснения Даля. ‘Путь – это дорога, ездая накатанная полоса, ходовая тропа’ [Даль 1955: 543], ‘тракт – это большая дорога, ездая торный путь, дорога почтовая установленная’ [Даль 1955: 425]. В Костроме крупными были *Ярославский* почтовый тракт, *Буйский* тракт [Сырцов 1909: 19]. Дороги различали большие, т. е. общие почтовые, и малые: *Вологодская (Вологодская) дорога* [ПК 1628: 729], *Галичская (Галитская) дорога* [ПК 1628: 734], *Большая дорога к Сушковке/Сушовке* [ПК 1628: 607 об.]. «А дорога Плеская обошла вокруг ямы надвое» [ПК 1628: 749]. Известны торговые малые уездные дороги, от городка до городка в стороне от больших: *Плеская* дорога [ПК 1628: 748]. Проселочные дорожки от селения к селению находились в стороне от малых: *Глазковская/Гласковская* дорожка [ПК 1628: 751], *Давыдовская* дорожка, *Даниловская* дорожка [ПК 1628: 726]. Проселочная дорожка представляла «ездовую полосу, накатанное или нарочно подготовленное различным образом протяжение для езды, чаще это зимняя дорога» [Даль 1955: 473]. «Ездят с Костромы к деревне Давыдовской зимнею дорожкой» [ПК 1628: 755]. Большие дороги назывались именно дорогами, а меньшие назывались дорожками. Шоссе чаще всего – это мощные дороги (каменка или щебенка), которые пришли на смену трактам. К XVIII веку дромоним *Кинешемское* шоссе стал обозначать дорогу, проложенную в XVI веке от Костромы до Кинешмы. Дорога может быть простая или битая, торная накатанная. Гужевая дорога – это конная, где проезжают лошадьми или пешая или тропа [Даль 1955: 473]. А вот стезя – стезька, стезица – это маленькая дорога, тропа, определяющая направление и расстояние от одного места до другого. Тропинка, дорожка, торенка – это маленькие пешие проторенные дорожки [Даль 1955: 320]. Тропинки чаще всего не имели самостоятельных названий, а назывались по имени земли, к которой принадлежали: «На леве земля Богоявленская и от ямы прямо тропинкою на сосну» [ПК 1628: 741 об.].

К линейным топонимам относятся и потамонимы: вид гидронима, собственное имя реки [Подольская 1978: 112]. Гидронимы нередко дают координаты топонимической организации города. Как мы уже указывали ранее, для Костромы, бесспорно, реки являются главным системным организатором онимического пространства. Потамонимическая система Костромы представлена 13 реками и речками: Волга, Кострома, Черная, Ключевка, Запрудня и др. Заселение территории города и ее дальнейшее развитие подчинялось расположению водных объектов, необходимых для

жизнеобеспечения горожан. Город строился с учетом географических особенностей территории – рельефа местности. Наличие надпойменных волжских террас создало уникальную систему улиц города: они тянутся вдоль рек и имеют ярусное расположение [Леонтьев 1997: 7]. Это отражено и в названиях: *Нижняя Набережная – Верхняя Набережная; Нижняя Дебря – Верхняя Дебринская*. Важно отметить, что членение города реками характерно для среднерусских городов. Обычно город делился рекой на части, части на концы, концы на улицы. Такое членение мы встречаем в костромской топонимии, аналогичное структурное деление приводит Даль, описывая топонимию Новгорода: «*Новгород встарь делился рекой на две части, на пять концов, концы на улицы*» Конец – обозначает край города. *Я сходил в два конца. Буду два конца делать. Один конец* – это путь в одну сторону [Даль 1955: 151]. Улица определяется следующим образом ‘лицо домов, уличка, улка, улук’ – это простор между двух порядков домов, полоса, проезд, дорога, оставляемая между двух рядов каких-либо предметов [Даль 1955: 489]. В бинарной оппозиции к этому концепту находится концепт околица. ‘Округ, округа, окружная местность’, непрямая дорога вокруг жилья. ‘Окол’ – окружность, край, кромка. Местность вокруг деревни до полей [Даль 1955: 665]. Так мы видим, что улица является главной, красной, парадной стороной, в то время как околица – обратная черновая сторона. По улице гуляют люди, ходит транспорт. Дома со стороны улицы украшают крыльцом, окна – наличниками. На сторону околицы выходят подсобные помещения, выносят мусор, там пасут скот. Имя, конечно же, дается улице.

Каждый исторический период имеет свои типы хронотопов. Так, для периода стихийной застройки города Костромы до XVII века наряду с однословной номинацией объектов можно отметить большую продуктивность многокомпонентных конструкций, особого типа хронотопа при номинаций линейных объектов (улиц, переулков). Они включают в свой состав ряд структурных элементов, представляя собой сложные описательные конструкции в форме словосочетаний или предложений. Первые (наиболее древние) улицы старого города Костромского кремля назывались так: улица *Большая к Водяным воротам*, улица *от Спасских ворот*. Г.П. Смолицкая при анализе топонимии Москвы также отмечает наличие улиц *Большой, Спасской*, что дает основание считать эти топонимы штампами на данном историческом срезе [Смолицкая 1996: 132]. При однословной номинации иногда лексической базой топонима являлся географический термин. Например, *Переулок*, который соединял две улицы. «Переулок – расстояние, пространство между соседними домами с приусадебными участками» [СРНГ: 255]. Апеллятив переулок → имя собственное топообъекта *Переулок*, так как он был в кремле один. К XVII веку в Новом городе кремля обозначились названия 70 улиц и переулков, которые от центра шли к окраине¹². Возникают новые годонимы. Для

¹² Подсчет наш основывается на данных ГАКО 588.Оп.2.Д.133 и ГАКО 588.Оп.2.Д.134.

названий улиц Нового города также характерно наряду с однословной номинацией наличие многокомпонентных описательных конструкций: улица *от Ямской слободы через Богоявленский монастырь к городу* [ДК 1664: 131]; переулок *ис Колашной улицы в Златоустинскую* [ПК 1628: 291] переулок *посторонь Богоявленского монастыря к Покрову* [ПК 1628: 297]¹³. А. В. Приображенский [Приображенский: 2003] и Л. Г. Тригуб [Тригуб 1986: 95-96] отмечают, что подобные номинации различных топообъектов встречались на всей территории великорусской народности в XIV-XVII веках. Относительно XVII века такие конструкции, по-видимому, являлись нормой для русского языка, отражая структуру славянского топонимического типа. Е. Н. Полякова считает, что это термины с семантическим расширителем, но еще не топонимы [Полякова 1988: 12]. Они чаще всего состояли из двух частей. Первая часть – локативный компонент, представленный топонимом в виде предложно-именного словосочетания, указывающего на местоположение объекта или особенности его названия, иногда с предлогами. Вторая часть антропонимическая – это генитивный компонент, выраженный личным именем в родительном падеже или номинативный компонент в форме прилагательного, образованного от личного имени в именительном падеже. Локативные конструкции исследователи часто называют названиями-ориентирами (Адамович 1967; Никитин 1967; Карпенко 1964, 1967; Подольская 1967). Генитивный компонент представлен именем собственным, отражающим в номинативе генитивную формулу другого имени (обычно собственного), от которого оно образовано [Подольская 1978: 44]. Чаще всего он выражен формой родительного падежа без предлога. М. В. Богачева при анализе топонимии Пермской области в отношении многокомпонентных конструкций применяет термин полилексемные топонимы и противопоставляет их монолексемным [Богачева 2005: 295]. Многокомпонентные конструкции, представленные в названиях улиц и переулков города Костромы, можно разделить на четыре группы по типу мотивации генитивного или номинативного компонента названия и способу локализации в пространстве одного объекта по отношению к другому, используя идеографическую классификацию интерактивных топонимов Е.Л. Березович [Березович 2000: 132, 2004]. Для данных групп характерно то, что точкой отсчета при номинировании объекта является наблюдатель, который задает ориентацию «от себя» и определяет центробежный вектор: от центра к окраине:

а) переулок, идущий от улицы к природно-ландшафтному объекту: *Манихин* переулок *идуци к Черной речке* [ДК 1664: 379]; *Коломенного пруда* [ДК 1664: 289] – топонимы имеют генитивный компонент. Ряд названий представлен эллиптированными именами: переулок *от Бережной улицы к*

¹² Сноска дается по Списку с Писцовой книги 1628 г.ч.1.ГАКО, р-513.Оп.1.Д.571.

Суле [ПК 1628: 381]; к *Лычеву болоту* [ДК 1664: 168]; к *Сычеву болоту* [ДК 1664: 51]; К *Медному пруду переулку* [ДК 1664: 133];

б) переулок, идущий к храму: от *Златоустовской церкви к Покрову* [ДК 1664: 135]; от *Калашной улицы к Златоустовой церкви* [ДК 1664: 146,248]; *Козьмодемьянский к Златоустовой церкви* [ДК 1664:135];

в) переулок, идущий к улице: к *Игнатовой улице* [ДК 1664, 404]; *улицы Пятницкой* [ДК 1664: 320]; *Калашной улицы к Златоустовой* [ДК 1664: 146, 248]; *улицы Пятницкой* [ДК: 1664 320];

г) переулок к известной усадьбе: к *Рахманцеву* [ДК 1664: 136].

Немногочисленную группу составляют названия, где точкой отсчета при номинации объекта является наблюдатель, который задает ориентацию также «от себя», но использует обратный вектор: от окраины к центру: *улица Никольская Ратнова от всполья к городу* [ПК 1628: 68], *улица Игнатова идущи со всполья к городу* [ПК 1628:597].

Встречаются многокомпонентные названия улиц по названию слободы: *улица Ямской слободы* [ДК 1664: 311].

В данных примерах многокомпонентная конструкция выступает в роли имени собственного, поскольку данные описания не характеризуют качество объекта, а только являются адресным компонентом. В роли локативных компонентов выступают экклезионимы, гелонимы и годонимы. Городские названия первоначально складывались по типу сельских и часто представляли собой многокомпонентные конструкции. По сравнению с однословными они давали более точное определение места, обладая дифференцирующим элементом в одинаковых названиях. Однако структурно слабо организованные, описательного характера, они с трудом выполняли роль имени собственного и неизбежно подлежали дальнейшей реорганизации при концентрации урбанонимов растущего города и передислокации топообъектов.

Принципы номинации линейных объектов первого среза

В однословных названиях линейных объектов ярко выражен мотивировочный принцип номинации внутригородских объектов.

Топонимы, образованные путем онимизации апеллятива.

I. Номинация по присущим самому объекту свойствам и качествам. 1. Наиболее продуктивным с древнейших времен является физико-географический принцип номинации. Данную группу составляют 11 годонимов. Самое древнее название этой группы, *улица Мшанская* [ДК 1664: 55], мотивировано словом *мох*. Топоним образован путем словообразовательной деривации и онимизации апеллятива *мшаный*. По Далю, ‘*мшина, мошина, мшара*’ – мшистое болото, кочкарник, поросший мхом, где негниющий мох нарастает саженными пластами [Даль 1955: 352]. Обширные моховые болота тянулись по берегам реки Костромы и Волги, где жители на болоте собирали мох для «законопачивания» изб [Бочков1997: 20]. Это же обстоятельство подчеркивает и название *Мохов переулоч* [ПК 1628: 385 об.]. Годонимы *Бережная* [ПК 1628: 140] и *Набережная* [ПК 1628: 358] мотивированы близостью к реке Волге, приставка *на-* является их

различительным признаком. Годонимы *Боровая* [ПК 1628: 50] и *Дебринская* [ПК 1628: 107] объединены семантическим признаком и указывают на лесистость территории левого берега. Впоследствии эти два названия употребляются в составе словосочетаний, образующих оппозицию по признаку верх – низ: *Нижняя Дебря, Верхне-Боровая*. Первые части словосочетания выражены определениями, указывающими на гористую местность. Выскажем предположение, что в основе названия улица *Гатилова* лежит апеллатив *гать*. ‘Гачевать топь или болото соломой, загатить ямину’ [Даль 1955: 346] – эти мотивировочные основания указывают на заболоченность территории центра Костромы. Из Дозорной и Писцовой книг известно, что улица пролегала по болотистой низине по *Немецкой/Неметской дороге*, ведущей в Немецкую слободу, поэтому к XVII веку улица имела двойное название улица *Немецка, а Гатилова тож* [ПК 1628: 86 об.]. На географический признак заболоченности местности указывает и название *Благовещенский* переулоч, *Бреин тож* [ПК 1628: 88]. ‘Брение – распущенная глина, грязь’ [Фасмер 1986: 212], ‘бранный – глиняный, взятый от земли’ [Срезневский 1989: 184]. К XVII веку улица получила второе название. Данную группу составляют 11 названий.

2. Небольшую группу составляют годонимы, образованные на базе качественных характеристик объекта. Названия *Малый* переулоч [ДК 1664: 59] и *Большая* улица [ДК1664: 431] отражают размер объектов и находятся в бинарной оппозиции сравнения.

II. Номинация по отношению к другому значимому объекту.

1. Уже на первом историческом срезе встречаются топонимы, созданные на базе апеллатива, указывающие на какой-либо достопримечательный объект. *Брагин/Бражна* улица [ПК 1628: 24] – это главная улица Нового города, названная так по питейному заведению. Название образовано способом онимизации апеллатива с помощью суффикса – ин от слова *брага* (домашнее корчажное пиво). Писцовая книга 1628 года и Дозорная книга 1664 года указывают на наличие в городе бражного заведения: «*изба таможенная на подклете, где сидят таможенные головы и целовальники, збирают государеву таможенную пошлину, а пот таможене держат кобацкое питее*» [ПК 1628: 535]. От центральной площади к стрельному месту, стрельной башне шла улица *Стрелина* [ПК1628: 91] и *Стрелин* переулоч [ПК 1622: 266]. По Далю, ‘стрельна – укрепление, с которого стреляли, башня’ [Даль 1955: 345].

2. Единично встречается название по расположению относительно города *Подгородная* улица [ПК 1628: 337].

III. Номинация по связи с человеком и его деятельностью. 1. Принцип номинации на базе ремесла, которым занимались жители города, продуктов их труда. *Колачная/Колашная/Калачная* улица и *Колашный* переулоч [ПК1628: 285]. В Писцовой книге 1628 года указано, что на этой улице и в переулке жили бобыли и бобылихи, которые пекли калачи: «*Двор вдовы Орины калашницы*», «*Двор Ивашки Колашника*» [ГАКО, р.-513.Оп.1.Д.571.Л.23-24]. Названия образованы от апеллатива «колач – вид

круглого кренделя, плетеная булочка из муки тонкого помола; др.-рус. колачь судя по круглой форме от *kolo (колосо)» [Фасмер: 285]. Название **Авчинный/Овчинный** переулоч [ПК 1628: 70] указывает на занятие промыслом: «Двор Олешка Иванов сын Семибратов...промысл его овчины делает [ГАКО, р.-513. Оп. 1. Д. 571. Л. 76]. Годоним **Кисельный/Кисельной** переулоч восходит к апеллятиву кисель. Указанный денотат в современной лексике употребляется редко, а в лексике прошлых веков был частотным. На Руси варили кисели овсяные, ржаные, пшеничные, гороховые. В словаре Фасмера слово кисель объясняется как 'кислый, у слав. кысьнъ, кысель – киснуть, мокнуть, бродить' [Фасмер 1986: 239]. По Далю «кисель – мучнистый студень, ставится на опаре и закваске» Распространенным видом занятий на Руси было приготовление и продажа киселя. Кисельник – продавец, разнощик киселя [Даль 1955: 110]. «Двор Ганки Кондратьева сына кисельника...» [ПК1628: 345].

Годоним **Десятильничья/Десятильнича** улица [ПК1628: 352] обозначал улицу, которая проходила под Новым городом выше Нижнего Посада параллельно Волге. В связи с этим обстоятельством улица имела второе название **Нижняя**, иногда название употреблялось в форме описательной конструкции **Нижняя к Волге, Десятильнича тож** [ПК 1628:123]. «Десятиньникъ, десятильникъ – сборщик десятины» [Срезневский 1989: 658]. «Десятина' – число церквей и монастырей под управлением десятичника» [Фасмер 1986: 503]. Название образовано путем онимизации апеллятива. *Десятильник* → *Десятильнича улица*. Вероятно, это название древнее, так как в Писцовой книге 1628 года указано, что двор десятильника существовал давно, а на момент переписи (1628 год) на бывшем десятильничем дворе теперь «... живет дворник Филипко» [ПК 1628: 354]. Кроме того, к данной группе относится топоним **Мыльный** переулоч [ГАКО, р.-513. Оп. 1. доп. Д. Л. 10]. Мыловаренный промысел был распространен в Костроме. Например, находим в писцовой книге «Промысел его – мыло варит и, отъезжая торгует», «Промысел его – мыло варит и в лавке сидит за москательным товаром» или «Олешка Скрыпов – мыльник» [ПК 1628: 89].

2. В топонимии Костромы редко встречаются номинации, в основе которых название этнической группы. Выше упоминалась **Немецкая** улица [ДК 1628: 286] с нехарактерным для костромских годонимов первого среза суффиксом -ок. С названием этнической группы связан годоним улица **Русина** [ПК 1628: Л.215], образованный путем трансонимизации от названия Русина слобода с характерным суффиксом – ин.

Путем онимической трансонимизации линейные топонимы образованы на базе антропонимов, экклезионимов.

I. Самым продуктивным способом номинации внутригородских топообъектов города на первом срезе можно считать отантропонимический принцип. Выделяются 2 группы: по каноническим и неканоническим именам. В топонимах сохранилась суть антропонимов: если при названии человека каноническим именем преследовалась цель освятить именем тезоименитого святого жизнь человека, уподобить святому, то

неканоническое имя должно было отразить важные черты характера или особые приметы человека.

А) Топоантропонимы, мотивированные каноническим именем. **Исакова** улица [ПК 1628: 26]. Название образовано путем трансонимизации церковнославянского имени *Исаак*. Вблизи *Воскресенского храма на Дебре в Манихином переулке идучи к Черной речке* был двор купцов Исаковых. На средства Кирилла Исакова возводится каменный храм Воскресенья. Кирилл величается московским гостем. Так называли купца, торговавшего в чужих странах за пределами города, являвшегося членом высшей привилегированной корпорации купцов в Московском государстве [Каткова 2001: 17]. Большой купеческий род имел усадьбу и в черте города, поэтому название улицы могло быть образовано путем трансонимизации имени собственного из фамилии Исаков с помощью характерного для такого рода топонимов суффикса – *ов*.

Название улицы **Игнатова** [ПК 1628: 249] образовано на базе разговорной формы Игнат распространенного канонического церковнославянского имени Игнатий. Годоним **Ивановская/Ывановская** [ПК 1628: 61] восходит к церковнославянскому имени Иоанн, в разговорной речи Иван. Вариант названия **Ывановская** возникает после падения редуцированных гласных.

Б) Группа названий улиц ономастического происхождения, образованных путем трансонимизации от неканонических имен: переулки **Челков, Суслов, Чулков, Лисичников, Стрегин, Строев, Цыцин, Кисельный, Мухин** [ГАКО, р.-513. Оп. 1 доп. Д. 3. Л. 10]. В Ономастиконе Веселовского значатся имена: *Чулок, Лиса, Строй, Кисель, Сусло*. Данные антропонимы образованы от апеллятивов. Вероятно, названия восходят к дохристианской традиции давать имена-прозвища по особенностям характера или особым примет человека. Рассмотрим подробнее историю названия улиц с учетом денотата апеллятива. Название **Суслов** переулков происходит от прозвища Сусло, образованного на базе апеллятива *сусло*. На Руси сусло – это «сладковатый навар на муке и солоде. Суслем подслащают пряничное тесто, идет в подливу и пускается в чан и дображивает на дрожжах» [Даль 1955: 364]. Годоним **Лисичников** переулков образован путем трансонимизации антропонима *Лисичка*, который возник на базе апеллятива *лисица* как уменьшительное лисичка. По этой же модели (притяжательное прилагательное с суффиксом –*ов, -ев, -ин*) строятся топонимы **Чулков** переулков, **Строев** переулков. Достаточно древнее слово чулок Фасмер находит среди описи имущества Ивана Грозного и определяет его как портянку, обмотку, онучу [Фасмер 1986: 380-381]. В древнерусском языке встречается имя Строй, вероятно, оно появилось на базе апеллятива ‘строить’ – сооружать, возводить, воздвигать [Фасмер 1986: 289]. К этой же группе отнесем годоним **Кочалкин/Качалкин** переулков. В *Писцовой книге 1628 года* сказано, что в переулке находился «двор художого человека вдовы *Марьицы Харламовской жены Качалкина*» [ПК 1628: 383].

II. Топонимы от экклезионима. Достаточно продуктивным для топонимии России является принцип номинации по имени православного монастыря или храма, и Кострома в этом не исключение. Этот принцип начал формироваться довольно рано, но особенно развился в XVIII веке в связи со строительством каменных храмов. Одна из древнейших улиц города – **Пятницкая** [ПК 1628: 315]. Предполагается, что ее название связано с постройкой кремля XV века. Одно из немногих, оно сохранилось в современной топонимии города Костромы. Образовано название улицы **Пятницкой** путем трансонимизации одного из элементов названия храма Святой Параскевы Пятницы. Локальным историческим основанием номинации улицы является то обстоятельство, что оборотная сторона Чудотворной иконы Феодоровской Божией Матери, главной костромской святыни, имела лик Святой Параскевы Пятницы. С другой стороны, общеизвестен факт частой номинации храмов в честь этой святой, которые обычно стояли в непосредственной близости к кремлю на торгу, так как Параскева известна как покровительница торговли. Кроме того, Параскеву Пятницу почитали как святую покровительницу путешественников, поэтому часто храмы ставились на распутье дорог, у конца города. Интересно, что, по В.И. Далю, пятницей звали ‘распутье, раздорожье, развилье’ [Даль 1955: 554]. Это край города. У пятниц встречали и до пятниц провожали родных и знакомых [Виноградова 1998: 45]. Вероятно, здесь мы имеем дело с деонимизацией апеллятива, когда имя собственное переходит в нарицательное, которое, в свою очередь, является метонимическим переносом. В костромской топонимии два основания номинации совпадают: деревянный храм Святой Параскевы Пятницы стоял на торгу и одновременно на краю города и давал начало улице, ведущей из города на большую дорогу [Вестник археологии и истории: 5].

Два годонима этой группы имеют эллиптированный характер. Улица **Царевская** названа так по имени церкви Царя Константина, расположенной на данной улице. В разговорной речи церковь называлась **У царя Костянтина** [ПК 1628: 327]. Название переулков **Архангельский** [ПК 1628: 596] образовано в результате опущения одного компонента двухсловного имени церкви Архангела Михаила. К данной группе названий относятся 20 названий улиц: **Власьевская** [ПК 1628: 692], **Всехсвятская** [ПК 1628: 373], **Воскресенская** [ПК 1628: 537], **Екиманская/Якиманская** [ПК 1628: 575], **Кузьмодемьянская** [ПК 1628: 93], **Никольская** [ПК 1628: 222], **Покровская** [ПК 1628: 70], **Спаская** [ПК 1628: 361], и переулков: **Вознесенский** [ПК 1628: 314], **Предтеченский** [ПК 1628: 372], **Преображенский** [ПК 1628: 372], **Успенский** [ПК 1628: 699] и др., всего более 20 топонимов. Большинство этих названий к XVII веку употреблялось все еще в форме описательных конструкций с адресными и другими приставками, о которых мы уже говорили, либо в переходной усеченной форме. Как редуцированные они окончательно оформились к XVIII веку, поэтому они анализируются нами на втором историческом срезе.

Среди линейных названий на первом срезе встречаются названия с неустановленной мотивировкой, которые также могли быть образованы от антропонимов, четыре названия: *Манихин* переулоч [ПК 1628: 46], *Лянухин* переулоч [ПК 1628: 170], *Глазова* улица [ПК 1628: 332]. Годоним *Глазова*, вероятно, образован путем онимизации апеллятива глаз с суффиксом – ов. ‘Глазь’ – 1. кругляк, голыш; 2. ‘глазькь’ – шарик [Срезневский 1989: 518].

Также отметим около 10 названий переулков с нулевым компонентом имени, обозначенным только адресной приставкой: *Из Сулы* [ПК 1628: 110], *К Волге* [ПК 1628: 157], *К Стрельне* [ПК 1628: 90], *К Успенью* [ПК 1628: 376].

3.4. Точечные топонимы в структуре онимического пространства города на первом синхронном срезе

Под точечными топообъектами мы понимаем непротяжённые объекты, занимающие незначительную площадь и имеющие официально или узואльно закреплённое название: дома, памятные или значимые в каком-либо отношении места города, остановки и др. Точечный топоним – это минимальная единица территориальной топонимической системы, которую принято называть микротопонимом. Обычно микротопоним выполняет функции топонима только в пределах небольшой территории, употребляется в узком синтагматическом контексте. Находясь в своеобразной оппозиции к собственно топонимам, микротопонимы имеют ограниченную сферу употребления, неофициальность, узкий диапазон функционирования, малую степень известности: обслуживают небольшой говорящий коллектив на вполне определенной, конкретной территории в условиях непосредственной устной коммуникации при отсутствии письменной закреплённости. В целом микротопонимы функционируют в пределах одной микросистемы (лишь некоторые – в смежных микросистемах) и неизвестны за ее пределами. Являясь частью регионального онимического пространства, фрагментом языка повседневности, микротопонимия представляет собой высокоинформативную систему, в которой аккумулирована история края, связанная с историей страны, культура населения края и народа в целом, включая и предметные результаты познания, реализуемые и в языковой деятельности [Климкова 1985, 2005]. В нашем случае мы обращаемся к понятию «точечный топоним», так как данный термин удобен для характеристики названий структурных городских объектов. Точечный топоним является минимальной единицей в предложенной нами системе линейных, планарных, точечных названий.

В условиях городской ситуации названия точечных объектов могут выполнять или не выполнять роль топонима-ориентира. Для перехода в разряд топонимов точечное название должно соответствовать определённым требованиям: а) название должно существовать в течение значительного периода времени, чтобы закрепиться в речи и сознании горожан; б) именовать объект, примечательный в каком-либо топографическом плане:

расположенный на перекрестке, в центре города, поблизости к площади, в каком-либо оживлённом месте и др.; в) само название должно быть удобным для произношения: кратким, предпочтительно одно- или двухкомпонентным и др.; г) название может быть образным, вызывать ассоциативные связи: с ранее существовавшими названиями, с другими онимами, именами каких-либо артефактов или природных объектов; д) название должно отражать признак исключительности, чего-то единственного в своем роде на данной ограниченной территории. Указанные закономерности можно наблюдать для данных топонимов на трех исторических срезах. В качестве топонимов-ориентиров наибольшее значение точечные топонимы имели в ранний исторический период. До возникновения регулярной планировки города, тогда, когда еще не было улиц, точечные топонимы помогали человеку ориентироваться на местности, узнавать местоположение и характер объекта, к которому он относится. В роли топонима-ориентира часто выступают различные микротопонимы [Подольская 1978: 141]. В дальнейшем такие топонимы нередко становились основанием для номинации улиц.

Рассмотрим более детально семантические группы точечных топонимов. К самым ранним топонимам подобного типа относятся топонимы – экклезионимы. Храм являлся центром прихода, основой приходской жизни, и в то же время архитектурной доминантой. Такими топонимами-ориентирами были храмы: *Никола Мокрый, Иоанна Богослова на Кадкиной горе*. Развитие христианской религии как государственной обусловило интенсивное строительство храмов, монастырей и соответственно появление большого количества агитопонимов. Частотность использования их в речи, по мнению Л.А. Климковой, свидетельствовала о том, что в общей концептуальной картине мира русского человека, и городского жителя в частности, особое место занимала религиозная составляющая как проявление концепта сакральности [Климкова 2005: 236]. Древнейшими экклезионимами Старого города являются также: *Храм Параскевы Пятницы, Церковь Феодора Стратилата, Спасская церковь, Троицкий собор, Похвала Богородице*¹⁴. В такой форме эти названия функционировали в речи. Храмы названы по именам святых мучеников (агионимам), в честь которых освящены алтари церквей, либо по христианским православным праздникам. В связи с экстралингвистическими факторами к XV веку появляются новые названия храмов, построенных в стенах Нового города: *Усекновения главы Иоанна Предтечи, Чудотворца Николы*, и названия церквей, появившихся за его пределами: *Благовещения, Михаила Архангела, Преображения Господня и Анастасен Девичь монастырь*. Данные экклезионимы были ориентирами в городе и выполняли роль адресного топообъекта.

Названия храмов с адресной приставкой. Среди топонимов-экклезионимов часто встречаются многокомпонентные названия в виде имени храма с адресной приставкой. Такие маркированные экклезионимы

---

¹⁴Здесь и далее большинство названий храмов дается по Указателю церквей и монастырей в кн.: Писцовая книга г. Костромы 1627/28-29/30гг. / Сост. Ковалева Л.А.- Кострома, 2004.

были городскими ориентирами в соответствии с ролью храмов в градостроительстве и выполняли роль топообъекта. Если имя храма использовалось в городе не один раз, то появлялась адресная приставка-уточнение по модели: *экклезионим + пространственный предлог (в, на, у, при, за) + адресная приставка*. По семантике приставки-топонимы можно разделить на группы.

- Приставка топонима указывала на исторически важный городской объект, артефакт и в то же время ментофакт: *Успенская в кремле; Великомученика Георгия у старой осыпи* (старая осыпь – остатки крепостного вала старого кремля) [Островский 1864: 105]; *Крестовоздвиженская на кладбище* (по преданию, построена в 1654 году во время эпидемии моровой язвы); *Илии Пророка на Городище; церковь Христа Спасителя на торгу* (В Китае), которая находилась на территории Нового города; Храм *Рождества Пресвятой Богородицы (Рождества) на Лазаревом кладбище; Пророка Илии на Городище*.

- Приставка, обозначающая природный объект: церковь *Иоанна Богослова на Каткиной горе* [ПК 1628: 202]; *Козьмодемьянская на Гноище*.

- Приставка по гидрониму: церковь *Спаса на Запрудне; Преображения за Волгой; Успения Пресвятой Богородицы или Успенская на Волге; Архангела Михаила у Волги; Рождества Христова/Христорождественская на Суле* [Алмазов 1909: 18]; *У Святых апостолов Петра и Павла за Сулой; Федора Стратилата на Суле* [Островский: 104]; *Преображения за Волгой; У Святых апостолов Петра и Павла за Сулой* [П.Островский 1864: 104].

- Многокомпонентные приставки, обозначающие исторически важный объект + природный объект: *На Суле Нового города Власия Великомученика* [П.Островский 1864: 105].

- Приставки по названию слободы или части города: *Успения Пресвятой Богородицы/Успенская в Андреевской слободе; Покрова Пресвятой Богородицы/Покровская в Крупениках; Космы и Дамиана в Кузнецах; Покрова Пресвятой Богородицы/Покровская, что в Полянской слободе* [Алмазов 1909: 18]; *Спасская в Подвязье* [Островский 1864: 103].

Приставки по характеристике места: *церковь Николая Мокрого*, которая находилась на берегу Волги. Церковь во время весеннего разлива реки часто затоплялась, отчего и произошло прозвище. Такого рода название встречается в топонимии города Ярославля.

Л.А. Климкова при анализе экклезионимов Арзамаса отмечает, что чаще всего многокомпонентное официальное название храма в обиходной речи горожан заменялось более коротким. Экклезионимы–заменители, своеобразные универбаты, оформляются по модели субстантивированных словосочетаний с зависимым прилагательным, наиболее соответствующей принципу экономии речевых усилий говорящих [Климкова 2005: 235]. Как показывает собранный материал, данное замечание справедливо и для

костромских топонимов-эклезионимов: *Ратная* [ПК 1628: 572]; *Покрова* [ПК 1628: 238]; *Седми отрок* (Семи отроков) [ПК 1628: 572]; *Ризположенская* (Риз положения Пречистой Богородицы) [ПК 1628: 319] и др.

Названия башен кремля. Среди названий точечных объектов многокомпонентными описательными конструкциями обозначены башни кремля. Башни являлись важными топографическими элементами города [Карта 1679], главными ориентирами средневекового города и полнее всего выполняли роль адресного топообъекта. Об этой их функции свидетельствуют адресные локативные дополнения в их составе. Их структуру выразим уравнением: $1=1+n$, где 1 – это генитивный или номинативный компоненты, а n – это локативный адресный или поясняющий компоненты.

Первую группу составляют многокомпонентные названия, где основное значение имел генитивный или номинативный компонент¹⁵, а локативный давал пояснение, являющееся отличительной чертой, или адресное дополнение. В роли генитивного или номинативного компонента часто выступал характерный архитектурный или функциональный признак башни (наугольная, проезжая или глухая), либо ее принадлежность.

Номинативный компонент + локативное качественное пояснение (неадресное): башня *Наугольная с рукавом, которая обведена тыном.*

• Номинативный компонент + локативный адресный: башня *Наугольная, что на обрубе против рыбного ряда; Глухая от мясных рядов; Глухая Гостиного двора; Глухая против Исаковой улицы.*

Ко второй группе многокомпонентных названий относятся эллиптированные имена, где генитивный или номинативный компонент равен нулю, а локативный приобретает основное значение.

• Нулевой компонент + адресный компонент + локативный. поясняющий: *Противу мыту с рукавом; От Предтеченских ворот с двумя мостами.* Генитивное имя *наугольная* отсутствует.

• Нулевой компонент + два локативных адресных компонента: *От тайника противу Соборной церкви; Над бывшими Ильинскими воротами у Кадкиной горы.* Назывное имя *проезжая* или *глухая* отсутствует.

Третью группу составляют названия, где основным компонентом является антропоним, а в роли локативного пояснения выступает характерный качественный признак: проезжая, наугольная, глухая: башня *Волжская/Волская наугольная; Волжская косая; Воскресенская проезжая; Предтеченская проезжая; Настасьинская глухая; Рождественская наугольная; Никольская проезжая.*

---

¹⁵ А.В. Приображенский (2003), вслед за Л.Г. Тригуб,(1986) выделяет генитивный способ образования, при котором происходит переход слова, представленного в родительном падеже без предлога, в географическое наименование, локативный способ образования, при котором топонимом становится предложно-именное словосочетание, указывающее местоположение объекта, и номинативный – согласованное определение.

К четвертой группе относятся двусоставные названия, в которых основным является антропонимическое имя, а локативным – адресный компонент: *Сульская у протока Сулы*.

Одним топонимом представлен тип топонима-эллипсиса, в котором отсутствует номинативный компонент и основным является локативный адресный: *От реки Волги*.

Впоследствии топонимы, подобные вышеназванным, редуцировались (до недавнего прошлого, а некоторые и поныне): *Воскресенская, Гостиная, Отводная, Дебринская, Водяная, Предтеченская, Исаковская, Выводная*. Например, в Писцовой книге упоминается: «*Башня проезжая воротная, слывет Водяная*» [ПК, Л.6.об.] или *Тайничная* – «*...под той башней тайник, тайничный колодец, из этого тайного колодца две трубы, идет вода для государя*» [Постатейная роспись Костромского кремля: 34]. Кроме того, к редуцированным названиям относятся:

- Топонимы, обозначающие хозяйственно-экономические объекты.

Исторические документы сохранили точечные топонимы Костромского кремля XV века. Это однословные топонимы: *Тюрьма, Кузница, Колодезь, Важня, Онбар*, в которых апеллятивы выступают в роли микротопонимов ввиду единичности объекта. Частотными среди подобных точечных названий являются двухкомпонентные и многокомпонентные словосочетания *Воеводский двор; Съезжая изба с сенями* (место, где сидели воеводы и приказные люди); *Губная изба* (судебное учреждение для разбирательства уголовных дел); *Караульная изба; Житницы государевы*. Точечными топонимами отантропонимического происхождения являлись названия осадных дворов известных особ в форме многокомпонентных словосочетаний: *Осадный двор инокини Марфы*, матери Михаила Романова (в мире боярыни Ксении Ивановны Шестовой); осадные дворы *Волконского, Вяземского, Гагарина* [ПК1628: 540]. В середине XVII века были известны микротопонимы в форме описательных конструкций с адресным компонентом: *Решетка на Бережной улице, Пруд на Лазоревской стороне, Кабак на Брагине улице*. Достаточно часто встречаются словосочетания в форме существительного с определением: *Мытная изба, Старая осыпь, Никольские богадельни, Немецкие тюрьмы* [ПК1628: 598], а также пояснительные конструкции: *Садок для ловли рыбы*. Описательную номинацию в форме предложения представляет пример: «*Да у Волги ж Ледник, а держат в нем свежую рыбу для государева обихода...*» [ПК1628: 540].

К точечным топонимам относится группа названий торговых рядов в форме устойчивого согласования препозитивного прилагательного и существительного: *Горшечной ряд* [ПК 1628: 517], *Железной ряд* [ПК 1628: 435], *Иконной ряд* [ПК 1628: 416], *Калашной ряд* [ПК 1628: 402], *Мучной ряд* [ПК 1628: 480 об.], *Мыльной ряд* [ПК 1628: 428], *Мясной ряд* [ПК 1628: 392], *Рукавишной ряд* [ПК 1628: 461], *Сапожной ряд* [ПК 1628: 484], *Свежей рыбной ряд* [ПК 1628: 417], *Серебряной ряд* [ПК 1628: 442],

Скорнячной ряд [ПК 1628: 468], *Соляной* ряд [ПК 1628: 407], *Суконной* ряд [ПК 1628: 430], *Шубной* ряд [ПК 1628: 440 об.], где ряд обозначает торговую лавку.

Поясним некоторые апеллятивы, являющиеся архаизмами. *Ветошной* ряд [ПК 1628: 430]. Словари подают лексему ветошь в значении ‘хлам, старье’ [Фасмер 1986: 307]. В *Житном* ряду [ПК 1628: 471 об] торговали хлебом, по В.И.Далю, ‘жито – это всякий зерновой немолотый хлеб’ [Даль 1955: 544]. В *Москотильном* ряду [ПК 1628: 436] торговали ‘москотильным товаром, снадобьями, т.е. всякими красильными и аптечными припасами, употребляемыми в ремеслах, фабричных и промысловых производствах’ [Даль 1955: 349]. В *Солодяном* ряду [ПК 1628: 426] предлагали покупателям солод, из которого варили пиво [Даль 1955: 267]. *Суконной* ряд [ПК 1628: 430]. Лексема ‘сукно от сукашить, сучить, скатать’ в словаре Срезневского подается как одежда [Срезневский 1989: 615]. *Сурской* ряд [ПК 1628: Л.411]. В основе первого компонента лежит апеллятив ‘суровьё – сырой, необделанный товар: кожи, шерсть, лен, пенька’ [Даль 1955: 363]. *Красной ряд/Гостиный двор* [ПК 1628: 398]. Известно, что красным называли красивый товар – аршинный (погонная мера), панской [Даль 1955: 187]. В Красном ряду торговали нарядами: одеждой, обувью, тканями. А вот параллельное этому название *Гостиный двор* связано, как мы указывали выше, с тем, что гостем называли купца, торговавшего в разных городах, не там, где он приписан, входившего в привилегированную корпорацию купцов Московского государства (московской сотни). Данные топонимы транслируют историко-культурную информацию.

Для костромской топонимии на первом историческом срезе характерны названия, различающиеся по темпоральному признаку (старый – новый). Причем некоторые названия являются членами оппозиции: *Старой красильной* ряд [ПК 1628: Л.473] – *Красильной* ряд [ПК 1628: Л.454], другие просто обозначают возраст, но по смыслу имеют нулевой член оппозиции: *Старой сырейной* ряд [ПК 1628: Л.464 об], *Новый* [ПК 1628: 419], *Новый против таможи* [ПК: 405 об.]. Окончание неустойчиво, употребляется то - *ой*, то – *ый*, образуя варианты названий, отражая древнерусскую черту или же установившуюся как литературную церковнославянскую особенность.

В названиях торговых лавок употребляются и описательные многокомпонентные конструкции, такие как *Крупями торгуют на скамьях* [ПК 1628: 508 об.]. Группа подобных имен образует оппозицию по признаку впереди – сзади: *За Новым городом лавки* [ПК 1628: 406], *За сапожным рядом лавки* [ПК 1628: 500 об.], *Места под лавки мясникам за Калачным* [ПК 1628: 527 об] – *Полки в Новом городе подле Никольских богаделен* [ПК1628: 533], *Мясной у Воскресенских ворот* [ПК 1628: 541 об.], *У Мыльного на вымле* [ПК 1628: 448 об.]. Одна из таких полилексем дает ориентацию относительно двух объектов *Меж колачных полков Новый ряд* [ПК 1628: 511 об.]. Композиция *К Городу, идучи, полки* [ПК 1628: 505]

имплицирована извне, в названии *От Мясного идучи к Волге* [ПК 1628: 471 об.] позиция номинатора нерелевантна, так как ориентиром является река.

Характеристика материала позволяет сделать следующие выводы. Топонимическая лексика города обладает общей семой – пространственно-временной ориентации, которую можно подвести под понятие *х р о н о т о п*.

На первоначальном этапе развития костромской топонимии актуален концепт поселения, далее формируются концепты точечных, планарных и линейных объектов, возникает устойчивое представление о структурообразующих элементах города, проявляются характерные для костромской топонимии мотивы номинации. Особенно ярко манифестируются следующие концепты, выраженные оппозициями: свое – чужое или знакомое – неизвестное, где основным мотивом номинации является необходимость передачи полезной информации о каком-либо объекте при помощи топонима. Свои, знакомые объекты, связанные с понятием *дом* именовались привычными названиями, в основном терминами хозяйственно-трудовой деятельности: *кисель, сусло, десятильник, рыбак, ящик, чулок*. Топонимы–экклезионимы также связаны с понятием *дом*, так как духовная составляющая сознания человека прошлых веков тесно соединялась с бытовой жизнью. Оппозиция обыденное, житейское и символическое, мифологическое в целом реализовалась в обжитом пространстве. Неожитая территория осмысливается как место, таящее опасности чужой земли, вследствие чего она часто номинируется по ландшафтному признаку. Такие топонимы несут полезную информацию предупреждения. В этом случае апеллатив характеризует место: *болотина, болотище, мишина, дებря, всполье*.

Первоначально возникающие по типу сельских топонимы часто представляли собой многокомпонентные конструкции, обладавшие дифференцирующим элементом и более точно определявшие место. Слабо структурно организованные, на следующем этапе развития они подлежали дальнейшей реорганизации.

Городские топонимы первого исторического среза вступают в парадигматические отношения сравнения, возникавшие под влиянием историко-культурных процессов. Значительное число топонимов связано отношениями производности с ойконимами и гидронимами. Определенное место среди них занимали антонимичные бинарные оппозиции, которые разворачиваются в рамках разных координационных осей: высоко – низко, правый – левый, спереди – сзади; состоят в бинарных оппозициях по темпоральному признаку старый – новый, первый – второй. Основными ситуациями, описывающими взаимодействие субъекта наблюдения и точки отсчета, являются ситуации: точка отсчета номинатора внутри пространства, точка отсчета вынесена вовне, точка отсчета нерелевантна номинатору.

Планарные топонимы, имеющие очаг и периферию, представлены названиями административных частей города, станов, посадов, слобод, сел, деревень, вошедших в состав города. К простым планарным объектам, которые выполняли роль организующего центра, определенной плоскости

однородного характера, обладающей ориентационными параметрами, относятся площади и площадки, плацы, озера, пруды, поляны, горы, овраги и т.д.

Данные топонимы представлены 62-мя названиями, которые по своим типовым характеристикам объединены в восемь групп. Наиболее частотны среди них названия слобод (19), являвшихся вторым кольцом вокруг центра-очага. На втором месте по продуктивности стоят названия деревень (16), окружавших город и на разных этапах входивших в городскую черту, а также названия: семи частей левобережья, пяти городских поселений (хоронимы), четырех частей и сторон города), четырех посадов, четырех пахотных земель, выгонов, двух болот. Топонимы этой группы вступают в парадигматические оппозиционные отношения. В них преобладают способы метонимической онимизации апеллятива и трансонимизации имени собственного.

Структурообразующими элементами городской топосистемы являются линейные топонимы. Из исследованных нами на данном срезе ста двух топонимов такого характера наиболее многочисленными оказались годонимы (улицы, переулки), которые составляют около 69 % всех протяженных объектов города, дромонимов около 11% от всех линейных названий.

Для периода стихийной застройки города Костромы до XVII века наряду с однословной номинацией объектов можно отметить большую продуктивность многокомпонентных конструкций, особого типа хронотопа при номинации линейных объектов (улиц, переулков). Эти конструкции выступают в роли имени собственного, поскольку данные описания не характеризуют качество объекта, а только являются адресным компонентом. В роли локативных компонентов выступают экклезионимы, гелонимы и годонимы.

В ранний исторический период до возникновения регулярной планировки города в качестве топонимов-ориентиров наибольшее значение имели точечные топонимы. Всего на данном срезе их 106. Особо частотны названий торговых лавок, что связано с экстралингвистическим фактором: большим значением в жизни средневекового города торговли

Глава 4. Внутригородская структура топонимов в период регулярной планировки города XVIII-XIX веков (второго синхронного среза)

На втором синхронном срезе основная масса топонимов первого среза продолжает функционировать, исчезают только те названия, которые теряют свою материальную основу. Связано это с экстралингвистическими причинами, в частности, с утверждением и реализацией Генерального плана застройки Костромы. Частично сохраняются мотивы номинации первого среза, но актуализируются иначе. Например, мотив названия по экклезиониуму развивается и переходит из первого среза во второй, но в качественно новом осмыслении: как идеологический мотив. Появляется большое количество искусственных топонимов культового характера, улицы получают названия по названию церквей: *Богословская, Вознесенская, Никольская* и т.д.

На этом же срезе в качестве мотива номинации также разворачиваются культурно-экономические характеристики общества, появляется большое количество топонимов, мотивированных объектами хозяйственной жизни. Функция информации о природных особенностях объекта постепенно утрачивается.

В костромской топонимии происходят изменения в связи с серьезными историческими преобразованиями в общегосударственном масштабе, а также локальными изменениями структуры города. При первом разделении России на губернии в 1708 году Костромской уезд входит в состав Московской губернии, а в 1719 году преобразуется в Костромскую провинцию Московской губернии. В 1778 году по указу императрицы Екатерины II территории Костромской и Галичской провинции были объединены в составе Костромского наместничества, которое в 1797 году по указу императора Павла I было преобразовано в губернию с центром в Костроме [Лукомский 1913: 29]. Последнее событие и стало причиной каменного строительства, а поводом послужил страшный пожар, уничтоживший деревянный город в 1773 году. Комиссия столичных архитекторов разработала план застройки Костромы, утвержденный в 1784 году и получивший силу закона [ПККГ 1862: 256]. План предполагал застройку с четко выраженной планировочной идеей раскрытия города на Волгу. Одна из улиц, расположенная перпендикулярно набережной, выполняла функцию оси симметрии для семи радиальных улиц, расходящихся от новой центральной площади. Они соединялись между собой четырьмя гранеными полукольцами улиц. Этот план совершенно не накладывался на прежнюю, уничтоженную пожаром схему застройки Костромы [Бочков 1989: 8]. Активное каменное строительство продолжалось до середины XIX века. К 1862 году город был разделен на две части, каждая делилась на три квартала, имел десять главных улиц и две главные площади, два бульвара [ПККГ 1862: 270]. К 1913 году город состоял из трех площадей, 49 улиц, 16 переулков, двух слобод [Бочков 1989: 8].

В связи с новым строительством преобразовалось и онимическое пространство города. На плане всем улицам Костромы давались новые

названия. Здесь мы фактически сталкиваемся с обширным рядом искусственных переименований, хотя в полном смысле этот процесс нельзя назвать переименованием, точнее это было наименование вновь проложенных улиц, так как кривые древние улочки были спрямлены и удлинены, т.е. кардинально реорганизованы, река Сула в деревянных оковах была убрана под землю. По мнению В.Н. Бочкова, процесс присвоения новых названий привел к дублированию и путанице в наименовании костромских улиц, которая сохранилась вплоть до 1917 года. Жители упорно называли улицы старыми именами, а в документах употреблялись новые названия [Бочков 1989: 8]. Согласимся с мнением М.Н. Горбаневского о том, что историческая устойчивость топонимов тем не менее не означает их «вечности» и абсолютной неизменности. Конкретные социально-исторические ситуации могут предъявить к топонимам свои требования и в той или иной мере их реализовать. В результате происходит смена названий отдельных объектов, хотя и медленное, но в историческом плане непрерывное обновление части наименований [Горбаневский 1996]. То же случилось и с костромскими урбанонимами.

На данном историческом срезе продолжают функционировать некоторые старые названия, появление новых связано с переименованием и возникновением новых объектов, таких названий нами выявлено всего 259 различного характера, среди них 38 планарных, 143 линейных (13 названий рек переходит из первого периода) и 78 точечных топонимов, что составляет 26 % всех топонимов города.

4.1. Планарные топонимы в структуре онимического пространства города Костромы XVIII-XIX веков

На втором топонимическом срезе из исторических источников и воспоминаний нами выявлено 38 планарных названия. Все они возникли в период регулярной застройки города.

Названия городских ансамблей. Среди них выделим *Торговый, Административный и Соборный ансамбли*. Данные планарные топонимы обозначают объекты, строившиеся с 1784 года по новому плану, утвержденному «Комиссией по застройке городов, близлежащих Москве и Петербургу», который предполагал постройку трех взаимосвязанных ансамблей при сохранении в целом древней планировки города [Лукомский 1913: 291]. Топонимы в основном образованы составным беспредложным способом – это наиболее продуктивный способ образования топонимов. Названия возникают из сочетаний нарицательных существительных с согласуемым препозитивным прилагательным и являются видом устойчивых словосочетаний. Планарный топоним *Соборный ансамбль* называл территорию бывшего Кремля XV века с тремя храмовыми постройками: *Троицкой* церковью, *Богоявленским и Успенским* соборами. В данном случае использован принцип номинации по важному объекту. Первый компонент составного названия создан на базе экклезионима, второй – архитектурный термин.

Топоним *Торговый ансамбль* – название новой торговой площади, расположенной на месте древнего торгового центра за пределами кремля (бывший *Китай*), с 20-ю торговыми зданиями. Первый компонент планарного топонима образован способом онимизации апеллятива *торговый*, второй представлен общим термином. Топоним *Административный ансамбль* – название центральной части города, где на месте бывших яблоневых садов был построен комплекс зданий с посадками. Первая часть топонима образована способом онимизации апеллятива, переносом по смежности, а вторая, аналогично предыдущим примерам, представлена общим термином. Отметим, что данные топонимы были указаны в плане застройки города, но в речи костромичей продолжали функционировать и привычные названия. *Соборный ансамбль* имел параллельные названия *Кремль*, *Торговые ряды*, *Административный ансамбль* назывался либо *Сковородка*, либо *Сусанинская* площадь.

- Названия частей города. Существенную роль в онимическом пространстве города играют посессивные топонимы *Константиновская* и *Александровская* части. Они образуют бинарную оппозицию, основанную на тождестве, так как в основе имеют интегративный признак – *часть* и дифференцирующие компоненты имени – онимы, возникшие путем трансонимизации имен членов императорской семьи. Второй компонент – это термин *часть*, обозначающий определенную территорию города. Деление города на две указанные части происходит посредством улицы Молочной горы, являющейся осью симметрии в плане города, которая упирается в главную площадь, а за ней переходит в улицу Павловскую.

Названия частей находятся в парадигматических отношениях противопоставления: название северо-западной части города *Константиновской* и юго-восточной *Александровской*, которые являются интеграционными и дифференцирующими элементами онимического пространства города с конца XVIII века до настоящего времени. Они задают точки отсчета с позиции номинатора.

- Периферийные названия. В оппозиции противопоставления к данным топонимам по признаку центр – периферия находятся названия деревень, вошедших в черту города. К ним относятся названия северной окраины Костромы: деревни *Опалиха* и *Ребровка*. Владел этими землями сенатор, генерал-аншеф граф Р.И. Воронцов [Губ дом №1 1994: 21]. Ныне это поселок Северный. Комоним *Ребровка* возник на базе гидронима река Ребровка. Позднее на этом месте был поселок *Ребровка*. В настоящее время топоним сохранился как народно-бытовое название часть города: *Ребровка* (*Он живет в Ребровке*), официально же существует название улица *Ребровская*. В данном примере мы имеем дело с гнездом названий, однако в настоящее время ойконимы исчезли, и произошел распад парадигмы. Комоним *Опалиха* представлен существительными с топоформантом - *иха*. Интересно, что планарный топоним, обозначавший имя усадьбы и деревни, в настоящее время сохранился как мотивировочный признак в названии *Опалиховский пруд* и в точечном топониме, который называет объект на территории

бывшей усадьбы – *Технический центр по обслуживанию автомобилей «Опалиха»*. Такой топоним встречается в Московской топонимии: *микрорайон Опалиха в городе Красногорске Московской области*. Местное производство в Красногорске выпускает чай «Опалиха». Сохранение топонимов в других разрядах онимов свидетельствует о тенденции к устойчивости онимической системы. Этимология топонима **Опалиха** затемнена. В словаре Даля опалок – средняя часть лапы, ступни, части пальцев, ладонь, на ноге заперстье от стопы до перстов [Даль 1955: 675]. Возможно, топоним возник на базе апеллятива ‘опалить’ в значении жечь, предавать огню [Даль 1955: 12]. В документах XVIII века встречается топоним *пустошь Сокеркинская гарь* [Бочков 1989: 19]. После 1945 года объект именовался поселком *Сокеркино*, а в настоящее время поселок *Гари*, где расположен аэропорт «Сокеркино». Словарь подает данные лексемы в значении гарь – ‘выгоревший или выжженный лес’ [Даль 1955: 384]; сокера (секира, сечь) с пометой кост. ‘топор’ [Даль 1955: 262], ‘сокыра – топор’ [Фасмер1986: 592]; ‘пустошь’ от пустой. Прасл. *pustь* – дикое место [Фасмер1986: 411]. По-видимому, за городом на пустом, выжженном месте жители занимались заготовлением дров.

- Названия районов. К XVIII веку внутри Константиновской части стал складываться **Фабричный** район. К этому времени в северо-восточной части города у берега реки Костромы расположились мануфактуры Углечанинова и Колодкиных, механический завод Д. И. Шипова. К 50-м годам XIX века появилось текстильное предприятие А. В. Брюханова, А. А. Зотова и Г. И. Михина, известные под названием *Михинская фабрика*. У впадения реки Запрудни в Кострому возникла льнопрядильная фабрика братьев Зотовых. Крупнейшим предприятием **Фабричного** района стала фабрика братьев Третьяковых, Коншина и Кашина, основанная в 1866 году, известная под названием *Кашинская* [Памятники архитектуры 1997: 265]. Топоним **Фабричный** район закрепился в то время и существует по настоящее как разговорный. Жителей района называют *фабричными*. Употребляется также народно-бытовой вариант топонима *У фабрик*.

- Названия площадей. Эти названия относятся к более мелким планарным топонимам данного периода. С утратой кремлем оборонной функции центром города стала торговая площадь с доминирующими на ней собором и церковью, но в результате исторической эволюции главную роль к XVIII веку стала выполнять административная площадь с акцентирующими гражданскими сооружениями. Это типичная эволюция значения площадей [Ткачев 1987: 55]. Главным ориентиром административного центра Костромы стала вертикаль Пожарной каланчи. Рядом возводились Присутственные места, Земская управа и др. Композиционная ось Костромы – улица Молочная гора, дифференцирующая топонимическое пространство города, упиралась в указанную выше главную полукруглую подковообразную административную площадь, первоначально названную *Екатеринославской*. В основе названия лежит принятый в костромской урбанонимии мотив: имя члена царской семьи. В данном случае мотив

усилен обстоятельством посещения Костромы Екатериной II. Бытует легенда о том, что императрица бросила веер на землю и повелела так строить город. Способ образования данного топонима – это композит основ имени собственного и отглагольного прилагательного. С 1895 года площадь переименована в *Сусанинскую* [Колгушкин 1995: 15]¹⁶. Поводом к названию площади стало решение установить на ней памятник Ивану Сусанину, а мотивом явился подвиг народного героя, совершенный во имя спасения царя Михаила Федоровича Романова и Отечества в 1613 от польско-литовских завоевателей. Данный посессивный агороним возник путем трансонимизации онима. С 1918 года площадь переименована в площадь Революции, а в настоящее время ей возвращено название Сусанинская. Однако необходимо отметить, что наиболее распространено народно-неофициальное название данной площади *Сковородка*, обусловленное круглой формой сквера на ее территории.

Агионим *Воскресенская* площадь [Колгушкин 1995: 16] является типичным для названий значимых топонимических единиц в русских городах в XVIII-XIX веках, так как храмы были духовными центрами и архитектурными доминантами, а данный вид экклезионима наиболее распространен. В данном случае произошла метонимическая трансонимизация по смежности с объектом – Воскресенской церковью. Принцип названия – посвящения топонимов членам дома Романовых проявился в названии еще одной площади – *Павловской*. Площадь возникла в конце XVIII века на месте Кузнечной слободы вокруг Медного пруда. В 1791 году на окраинную площадь переведен из центра в связи с ростом города и развитием торговли *Сенной торг*, где шла бойкая торговля сеном [Скворцов 1913: 4]. Данная номинация является примером семантической обусловленности названия планарного объекта деятельностью человека. Данное обстоятельство повлияло на новое переименование площади после 1917 года, она получила имя Сенная площадь, а в 1967 году по решению ГИК переименована в площадь Мира [Бочков 1989: 48]. Топоним *Сенная* площадь характерен для многих русских городов, например, он есть в городе Буге Костромской области. В Костроме этимон ‘сенной’ сохранился до настоящего времени в виде оттопонимических образований, составляющих ансамбль названий: официальных – улица *Сенная*, *Сенной* переулок и разговорного *Сеннуха*, *Сенная*. После присвоения площади искусственным путем официального названия площадь Мира, в речи горожан продолжает функционировать народно-неофициальный топоним *Сенная* площадь и его экспрессивно окрашенный народно-бытовой вариант – *Сеннуха*.

Существовал также агороним *Льняная* площадь, где торговали льном. Разнообразие форм деятельности человека данного исторического периода подчеркивает аналитический топоним *На плацу*. Так называлась площадь

---

¹⁶ Здесь и далее воспоминания Л.А. Колгушкина о Костроме начала XX века даются по публикации в Краеведческом альманахе «Костромская земля» №3,4,5 1995-2002 г.г.

главного военного плаца, расположенная между Екатеринославской площадью и Мучными рядами.

- Названия городских садов, скверов. Данный тип занимает особое место в системе городских топонимов. Это второй по продуктивности тип планарных названий. К нему относится топоним *Губернаторский сад*, который называет второй квартал улицы Лермонтова, бывшей Гимназической, за домом губернатора, имеет параллельное название *Гимназический сад*, так как в нем в 1830 году было возведено здание романовского пансиона. Здесь сохранились дубы, ивы, клёны, березы, этим деревьям более 150 лет [Негорюхин 2001: 12]. Топоним *Нескучный сад* обозначал парк за улицей Галичской, где располагался конноспортивный клуб. Денотат имени указывает на принадлежность объекта развлекательной сфере. *Городским бульваром* назывался главный парк, расположенный на территории бывшего кремля. Бульвар состоял из двух частей: одна, с широкою липовой аллеей, была разбита прямо на задах Табачных и Масляных рядов, другая, именованная *Маленький бульвар*, проходила вдоль сохранившегося, хотя и частично скрытого, кремлевского вала, доходя до завершающей ее беседки (А. Н. Островского). Бульвар в значительной степени обязан своим существованием К. И. Баумгартену. Боевой генерал, он на склоне лет был назначен костромским губернатором и занимал этот пост с 1816 до 1827 года. Карл Иванович всячески старался озеленить Кострому, разбить на ее территории скверы, парки, бульвары. Ю.Н. Бартенев в своих записках «Золотовская летопись» (1835) сообщает: «Место этого сада занимал прежде овраг, исполненный нечистоты, частью бесполезный пустырь; почтенный старик К.И. Баумгартен уравнивал это место, разбил на оном бульвар и род английского сада, построил прекрасную в китайском вкусе беседку и сам, так сказать, пестовал возникающую зелень [Андреева 1999: 7]. Два топонима находятся в отношениях противопоставления по величине и значимости. Интересно отметить, что имя благоустроителя Костромы Баумгартена в переводе с немецкого дословно обозначает «сад деревьев» В 1900 году городская дума постановила: «Между зданием Присутственных мест и Гостиным двором очень желательно пустынное место заполнить аллеею из высоко растущих деревьев. Разбивкой сквера руководила садовница Мария Винт, в нем высадили голландские липы, к которым добавили 12 пихт. Официально сквер назвали *Новым*, но так как деньги на его создание – 400 рублей – пожертвовал тогдашний голова Г.Н. Ботников, костромичи чаще звали сквер *Ботниковским*¹⁷. Топоним образован путем трансонимизации антропонима [Анохин 1994].

- Лимнонимы (названия прудов). Среди планарных топонимов они составляют особую группу. Пруды являлись важными городскими объектами, представлявшими собой продуманную противопожарную систему. Трубы от прудов шли к улицам, и, конечно, такие значимые объекты получали наименования. *Медный/Меденый* пруд [ПК1628: Л.280]

¹⁷ Название находим на фото Д.И.Пряничникова 1910 г.

находился в районе проспекта Мира. Долгое время в прессе шли споры по поводу мотива названия. Если название связано со словом медь, то мотивом названия будут залежи меди на дне пруда. Предполагают также, что в основе названия лежит апеллатив мёд, так как вокруг пруда была липовая роща, много пчел, приносивших мёд. В письменных источниках ё было заменено на е. Эти соображения в Костромском листке скорее всего принадлежат к сфере народной этимологии [Костромской листок 1902].

Частотной является номинация лимнонимов путем трансонимизации. Лимноним **Камаев** пруд, вероятно, появился на базе антропонима – фамилии. Имена Камаев Архипка, Камаев Матвейка, Камаев Семен (Семейка) находим в указателе личных наименований Писцовой книги 1628 года [ПК 1628: 387]. Пруд имел второе название **Козьмодемьяновский**, данное по имени храма, расположенного рядом, в настоящее время называется **Долматовский** пруд, так как он находится на улице **Долматова**. Вероятно, по такому же типу образован лимноним **Коровкин** пруд, так как антропоним **Коровкин Бориска** встречается в Писцовой книге 1628 года и может являться основой для номинации [ПК 1628: 370]. Неподалеку от Богоявленского монастыря была деревня **Коровино**, рядом с прудом в XVIII веке был дом мещанина **Коровкина** [Бочков 1997: 139]. Данный топоним образован при помощи деминутивного суффикса - к. Лимноним **Гагарин** пруд, возможно, образован на базе антропонима, в Писцовой книге находим имя **Гагарин Роман** [ПК 1628: 374]. Неясна этимология названия **Боровков** пруд¹⁸.

- Названия слобод. К середине XVIII века еще сохранилось несколько слобод, уже утративших свое первоначальное значение, но все еще существовавших как самостоятельная городская единица. Топоним **Андреевская** слобода (в настоящее время Рабочая улица)¹⁹ образован от экклезионима – названия церкви Андрея Первозванного. Очевидно в семантическом плане происхождение названия **Юсунова** слобода от антропонима: извозчик Юсуп Курочкин в 1875 году построил дом у дровяной пристани на Набережной Волги, где позднее возникла слобода [Бочков 1989: 26]. **Козья** слобода, которая возникла на краю города в связи с основанием на реке Запрудне текстильных фабрик, имеет зоофорное имя, связанное с выпасом коз на окраине Костромы. В советское время она преобразована в улицу, названную **Красная слобода**. Расположенный рядом переулочек **Проезжий** в народном варианте назывался **Козий**. К XVIII веку часть Богословской слободы выделилась и получила название **Софроновка**. Название отражает перенос по смежности на базе эргонима, образованного от антропонима. Здесь находилась известная всем торговая лавка Софроновка, принадлежавшая купцу Софронову.

- Названия кладбищ. К ним относится топоним **Монастырское** кладбище (ныне улица Галичская), он мотивирован принадлежностью монастырю. Некоторое время рядом идущая улица называлась **Ново-**

¹⁸ Названия прудов см. Бочков В.Н. Старая Кострома. - Кострома, 1997.

¹⁹ Здесь и далее в скобках приводятся современные названия.

кладбищенской. Лазаревское кладбище, расположенное в районе площади Конституции, получило название от экклезионима церкви Святого Лазаря. *Татарское* кладбище сохранилось до нашего времени, расположено среди древних сосен вблизи улицы Нариманова за Черной речкой. Название образовано от этнонима.

Планарные топонимы второго среза представлены 38 названиями: трех городских ансамблей, расположенных в историческом центре на месте бывшего кремля и прилегающей к нему территории, названиями трех частей города. Периферийные топонимы представлены названиями семи деревень и поселков, пяти слобод. Среди названий более мелких планарных объектов: семь названий площадей, три – скверов, три – кладбищ, шесть – прудов.

4.2. Линейные топонимы как структурообразующие элементы топонимической системы города Костромы в период XVIII-XIX веков

Как уже отмечалось, к середине XIX века Кострома застраивается по Генеральному плану с четко выраженной архитектурно-планировочной идеей: радиально-полукольцевая система с раскрытием города к Волге. Центральная часть города выстроена строго в стиле классицизма, где должны быть четко соблюдены принципы: удобство, прочность и красота. План застройки представлял собой следующую структуру: в основании река Волга, от нее идет главная ось симметрии – улица Молочная гора, по две стороны этой улицы идут террасами (ярусами) торговые улицы: *Нижний торговый двор*, где расположились *Рыбные и Мясные ряды*. Выше расположены два симметричных крыла *Красных рядов/Гостиного двора* и более мощных *Больших Мучных рядов*. В комплекс торговых построек входили ряды, именуемые: *Молочные, Пряничные, Овощные/Табачные, Квасные, Масляные, Хлебные, Зеленые, Малые мучные, Дегтярные, Молочные* и т. д. Названия этих построек мотивированы видом товара, которым торговали, и образованы путем ономимизации апеллятива.

Естественно, что расположение города на реке Волге дало возможность развитию торговли, так как водный путь в XVIII-XIX веках – главная торговая магистраль, это и явилось основанием к организации многочисленных торговых улиц. Вопрос о принадлежности к линейным топонимам названий торговых рядов можно решать неоднозначно. Анализируя топонимы на первом историческом срезе, названия отдельных торговых лавок мы причисляли к точечным топонимам. К середине XVIII века торговые постройки уже образовывали торговые улицы. На основании того, что они обладают признаком протяженности, состоят из определенного количества отдельных лавок, их можно считать линейными объектами. И мы будем придерживаться этого мнения. Подтверждает это и то обстоятельство, что названия рядов на почтовом адресе указывались как улица: *город Кострома, Красные ряды, лавка купца Солодовникова*.

От центральной полукруглой площади лучами отходили семь радиальных улиц, пересекавшихся большим по радиусу полукольцом в следующем квартале. В названии этих улиц был применён принцип Андрея

Тимофеевича Болотова, который в Тульской губернии при планировке усадьбы «Богородицкое» впервые назвал аллеи, отходящие от центрального пруда, именами царских особ [Болотов 1871–73: 20], [Бочков 1989: 8].

Три основные улицы образовали трёхлучие: *Еленинская, Павловская и Мариинская*, которые дополняли улицы, *Никольская, Богоявленская, Цареконстантиновская*. Причиной номинации этих улиц была необходимость названия общественно значимых мест, поводом послужил регулярный план застройки города, а мотивами номинации – обстоятельства особой связи императорской семьи с Костромой, считавшейся «колыбелью дома Романовых», откуда на русский престол был возведен Михаил Федорович Романов. Постепенно город застраивался по новому плану, онимическое пространство наполнялось новыми официально присвоенными названиями, сохранялись старые топонимы, возникали новые названия естественного характера. Картина онимического пространства на втором срезе существенно изменилась, но, несомненно, сохранились характерные типы и принципы номинации, локальные компоненты названий, ансамбли названий, присутствуют варианты и параллельные названия-архаизмы – все то, что делает топонимию Костромы уникальной и узнаваемой на всех исторических срезах. Всего на втором историческом срезе нами рассматривается 143 годонима (в том числе 15 названий рядов) и 13 гидронимов.

Лексико-семантические типы номинации линейных объектов на втором синхронном срезе

Принципы номинации топонимов, образованных на базе апеллятивов

Определяя принципы номинации топонимов, необходимо отметить, что под «принципом номинации» в именах понимается основание для связи имени с называемым объектом [Подольская 1978: 114]. М.В. Горбаневский предлагает анализ феномена онимизации апеллятива строить на триаде: причина, повод и мотив.²⁰ На основании мотивов строится лексико-семантическая характеристика топонимов, а в результате обработки материала выявляются некоторые тенденции в номинации годонимов по различным признакам. Остановимся подробнее на анализе топонимов, объединенных общими семантическими признаками.

Всего нами анализируется 128 годонимов данного периода, которые объединены по трем принципам номинации: номинация по присущим самому объекту свойствам и качествам; номинация по отношению к другому значимому объекту; номинация по связи с человеком и его деятельностью. Внутри каждой группы по принципам номинации выделяются подгруппы, объединяющие топонимы по различным признакам номинации.

---

²⁰Причина номинации – это общественная необходимость, роль части информационного пространства. Повод номинации – обстоятельство, способное быть основанием для возникновения (присвоения) названия. Мотив номинации – понятийный или ассоциативный блок информации, закрепленной в индивидуальном или коллективном знании о мире, традициях, опыте [Горбаневский 1996: 22, 23].

I. Номинация, осуществляемая по присущим самому объекту свойствам и качествам

Данный принцип представлен двумя группами: в первой группе выделяется шесть подгрупп, отражающих физико-географический признак, вторую группу составляют топонимы, выделяемые по темпоральному признаку.

1. Физико-географический признак. Данная группа состоит из шести подгрупп, каждая из которых имеет свои особенности: 1) топонимы, отражающие рельеф местности, характер почвы (горы, овраги); 2) топонимы, отражающие названия растительного мира, угодий; 3) топонимы, образованные на базе названий животного мира; 4) названия, отражающие признак влаги; 5) названия, отражающие протяженность, величину объекта, расстояние; 6) топонимы, отражающие форму, качества и внутренние свойства самого объекта. Этот признак получил развитие на протяжении всего времени существования города. Следует вспомнить, что система топонимов в Костроме с древних времен была ориентирована на отражение естественных особенностей объекта. На данном этапе устойчиво сохраняются старые названия, отражающие этот признак, но новых названий появляется мало. Важно отметить, что в послереволюционный период, когда происходила замена идеологических названий, в определенных случаях активизируются названия физико-географической группы. В этот период улица *Дворянская* вновь получает название *Овражная*, улица *Богословская* именуется частью прежнего названия – *Горная* (трансформация названия улицы Кадкина гора).

1.1 Топонимы, отражающие рельеф, характер почвы (горы, овраги).

Топоним улица *Боровая Дебря* (Дзержинского)²¹ на данном срезе сохраняется. Улица *Бугры* переименована в улицу Космонавтов в 1964 году, но рядом расположенный проезд получил имя *Бугры*, из чего мы можем сделать вывод об устойчивости топонимов. *Валовая* улица (Газетный переулок) получила такое название, так как проходит по естественной гряде вдоль Волги. *Гора* (улица Калинина) именовалась так населением татарской слободы с 1870 года, односторонняя улица, проходит по крутому склону вдоль Волги. Название *Песочная* улица свидетельствует об особенностях почвы, она переименована в Цветочную в связи с появлением одноименной улицы в районе улицы Сусанинской. Урбаноним *Низовая* обозначал одностороннюю улицу, идущую вдоль Волги ниже первой надпойменной речной террасы. Данный признак обозначил бинарную оппозицию по принципу верх-низ, построенную на экстралингвистических особенностях онимического пространства города: наличие указанных выше трех естественных возвышенностей ледникового периода. Этот же признак отражает название улица *Верхняя Набережная*. Застраивалась она в 1784 году по одной стороне, тянется вдоль Волги несколько кварталов, указывает на наличие крутого левого берега реки [Негорюхин 2001: 12].

²¹ Здесь и далее в скобках указаны современные названия улиц.

1.2 Топонимы, отражающие названия растительного мира, угодий.

Название *Садовая* улица (Высокая) характеризует улицу, изобилующую садами. *Мианская* улица (Островского) сохраняет название, отмеченное на первом срезе. Топоним *Луговая* улица (Железнодорожная) указывает на наличие пойменных лугов в черте города. *Поляновский* переулок назван в связи с тем, что вырос на месте бывшей поляны на краю города за выгоном, затем он получил статус улицы *Полянской*, но в 1925 году был переименован в Глухую улицу, так как в топонимии Костромы обнаружилось тавтологическое название: две Полянские улицы. Вторая Полянская проходит от улицы Козуева до Ленина [Бочков 1989: 20].

1.3 Топонимы, образованные на базе названий животного мира

Модель номинации переходит из первого периода, когда мышление городского жителя было тесно связано с объектами природы. Топоним *Лягушачий* переулок (Федосеева), образован от апеллятива лягушачий. Респонденты отмечают наличие в прошлом заболоченных участков в городе, которые населяли лягушки. Годоним *Кобылинский* переулок (Войкова улица) является этимологически затемнённым, наряду с предполагаемым принципом номинации по названию животного возможно и антропонимическое его происхождение.

1.4 Названия, отражающие признак влаги. Переулок *Сырой* в настоящее время переименован в 1-й Водяной переулок с сохранением прежней мотивации, так как во время весеннего разлива его подтапливали воды речки Запрудни. Название *Сырцова* улица (Строительная) мотивировано влажностью почвы: неподалеку находились река Волга и речка Ключевка.

1.5 Названия, отражающие протяжённость, величину объекта, расстояние.

Топоним-характеристика *Большая дорога* (Береговая улица) указывал на самую крупную дорогу, ведущую в столицу. Топонимы *Мало-Солдатская* улица (Малый переулок) является членом бинарной оппозиции противопоставления по величине: Мало–Солдатская – Солдатская. Топоним *Малый* (Литейный переулок) называл короткий переулок около литейного завода. Данный топоним является опозитом с нулевым членом противопоставления по принципу сравнительности, так как формально может существовать Большой переулок, но практически в топонимии Костромы не встречается. Ансамбль названий по семантике составляют годонимы: *2 - я Широкая* улица (Коллективная улица) и *Широкий* переулок (Комсомольская улица), расположенные в разных частях города.

1.6 Топонимы, отражающие форму, качества и внутренние свойства самого объекта. Разнообразие характеристик и качеств объекта представляют малочастотные годонимы *Тупиковая* улица (Новосельская улица), *Угловая* улица (Наты Бабушкиной), *Проезжий* переулок (Красная Слобода). Все эти названия являются топонимами–характеристиками, несущими информацию об особенностях улицы или застройки, ее формы (угол), качествах (тупик, проезд). Эти названия типичны для городской топонимии.

2. Темпоральный признак в названии улицы. Годонимы транслируют информацию о времени появления объекта. *Новая* улица (Галичский проезд);

Старая Московская дорога (улица Московская). С процессами наименования смежных объектов связаны достаточно многочисленные двухсловные названия, в составе которых одно слово — результат переноса наименования с другого объекта, а второе — создано заново как дифференцирующее различительное определение. В этих случаях в качестве таких определений часто используются слова, образующие антонимичные сопоставительные группы типа старый–новый. В указанных составных топонимах определения старый-новый обычно указывают на временную последовательность возникновения объектов. **Старо-Игнатовская** улица (Тихая), **Старо-Никольская** улица (Щемиловка), **Старо-Троицкая** улица (Юных пионеров), **Старый Никольский** переулочок (Войкова улица). Названия данных улиц сохранились как топонимы-указатели, связанные с экклезионимом.

II. Номинация по отношению к другому значимому объекту. Расположение одного объекта относительно другого – это один из важнейших номинационных принципов. Согласимся с Н.А. Бойко, что эта универсальная константа топонимической картины мира была унаследована с древнейших времен [Бойко 2005: 179]. Топонимы этого типа на данном периоде объединены в одну группу, состоящую из четырех подгрупп.

1. Ведущим в данном принципе является историко-географический признак.

1.1 Названия, отражающие расположение объекта относительно гидронима. Данный дегидронимический признак²² обуславливает специфику названий: название одного объекта объясняется через название другого, переходя в другой ряд и приобретая специфику, типичную для своего окружения. Характерный для топонимии Костромы признак проявляется в относительно небольшой группе названий. Как упоминалось при анализе первого среза, часть Татарской слободы, называемой в настоящее время улицей Речной, в прошлом именовалась **Река**. Номинативной базой ее стала речка Черная, протекавшая рядом с улицей. **Речной** же в этот период называлась улица, которая вела к реке Костромке, ныне улица Ерохова. Как мы указывали ранее, рекой чаще в городе называют реку Костромку, в то время как более крупную реку в городе называют всегда по имени – Волгой. *Живу за Волгой. Живу за рекой* (за рекой Костромой), *Мы зарецкие, живем за Костромкой*.

1.2 Названия, образованные от апеллятива, отражающего объекты производства: предприятия, организации, учреждения: улицы **Автоторожная** (Магистральная); **Базовая** (Сутырина); **Банковская** (Князева); **Боевая 2-я** - местоположение воинских частей (Боевая); **Больничная** (Спасокукоцкого); **Мельничная** (Садовая); **Связи** (Стопани); **Стадионная** (Беленогова); **Заводская** (Горького); **Калаиная** (Катушечная); **Кирпичная** (Терешковой); переулочки **Манежный** (Полянский проезд); **Пожарный** (Музейный); **Заводской** (Покровского); **Каляжный**

---

²² См. об этом Бойко Н. А. Префиксальные дегидронимические ойконимы в славянских языках.// Ономастика в кругу гуманитарных наук: материалы научной конференции. – Екатеринбург, 2005. – С.179.

(Прибрежный). Денотаты данных топонимов имеют достаточно прозрачное лексическое значение.

1.3 По расположению относительно города. *Загородная* улица (Лагерная) – это единичный топоним, указывающий на положение улицы на окраине города в XIX веке. Первоначально топоним был представлен в форме описательной конструкции *Загородная в конце Русина*, затем название эллиптировалось.

1.4 Названия по храмам, монастырям. Годоним улица *Монастырская* получил своё название, так как обозначал улицу, входившую в состав *Спаской* слободы [Григоров 1993: 327], принадлежавшей Ипатьевскому монастырю. В данном случае произошла топонимизация культового термина, и топоним актуализировался в речи в форме сочетания субстантивированного прилагательного с зависимым словом. Название линейного топонима *Церковная* улица возникло в речи горожан до начала 1920-х годов в связи с тем, что улица была центральной частью Никольской слободы, где стояли церковь и «патриарший двор». Впоследствии в течение двух лет она трижды переименовывалась: до 1937 года называлась улица *Рыкова*, затем в 1937 году – 2-я Широкая, а в 1938 году – Коллективная [Григоров 1993: 327].

Данный вид годонимов получает толчок к развитию вследствие экстралингвистической причины: развития материального производства в XVIII веке. Такие объекты, как заводы, фабрики становятся доминантами в архитектурном плане, важными объектами в жизни горожан и, как следствие этого, – главными топонимическими ориентирами. Урбанонимы этого типа постепенно становятся самыми частотными в данной группе: из 20 годонимов данной группы 16 относятся к данной подгруппе. Отметим, что этот признак получил наибольшее развитие в следующем периоде, а зародился он именно на втором этапе развития топонимов города Костромы²³.

III. Номинация по связи с человеком и его деятельностью. Она рассматривается по трем направлениям.

1. Топонимы, указывающие на вид деятельности человека. Топоним *Гимназический* переулочек указывает на женское епархиальное училище в доме дворян Карцевых под № 37/7, женскую читательскую семинарию и мужскую гимназию, расположенную на перекрестке с улицей Верхне-Боровой (Дзержинского) [Негорюхин 2001: 12]. После революционных событий, сохраняя номинативный признак, улица переименована в Школьный переулочек. После изменения названия в 1964 году на улицу Лермонтова годоним *Школьная* традиционно сохраняется в речи большинства окрестных жителей, во многом из-за того, что присутствует объект номинации: бывшая мужская гимназия остается учебным заведением – технологическим университетом. К этому типу также относятся годонимы

---

²³ Речь идет о выделенных в нашей работе трех периодах развития топонимов Костромы

Солдатская улица (Борьбы); *Спортивная* улица («Северной правды»); *Царевская* улица (Спасокукоцкого).

2. Топонимы, отражающие отношение к профессиям (специальности, ремеслу). Урбаноним *Брагина* улица (Текстильщиков) сохранился как реликт прошлого периода. Название *Скотоводный* переулок (Прибрежный) создано на базе апеллятива скотовод, работник скотного двора, который принадлежал Ипатьевскому монастырю [Бочков 1989: 60]. Годоним имел параллельное название неофициального характера – *Каляжный* переулок.

Годоним *Ямская* улица (Кооперации) имеет двойную мотивацию: во-первых, на месте улицы существовала Ямская слобода, во-вторых, название улицы мотивировано промыслом, который не угасал к XVIII веку, времени оформления улицы.

3. Топонимы, отражающие социальную принадлежность. Топоним улица *Дворянская* (Овражная) мотивирован социальной принадлежностью жителей этой улицы. Особенностью номинации домов этой улицы было то, что они не числились под номерами, а назывались так: *дом Журовых, дом Яковлевых, дом Соколовых, дом Беляевых* [Горенко 1999: 7]. Микротопонимы употреблялись во множественном числе, это объясняется тем, что дома принадлежали роду.

Топонимы *Рабочий* проезд (Зелёный) и *Рабочий* переулок (Покровского), где селились рабочие чугунолитейного завода Шестинского и Боброва, являются в подлинном смысле хронотопами. Появившийся класс рабочих, отличающийся от ремесленников, прежде населявших слободы, это новое явление данного периода, закрепленное в топонимах. Эти топонимы на следующем срезе не обнаружены, однако омонимы этих названий существуют в настоящее время: 1 – 8 Рабочие улицы. Отметим особую номинативную популярность в дальнейшем апеллятива рабочих.

Принципы номинации топонимов, образованных от онимов

Рассмотрим ономастические основы, характерные для топонимического пространства Костромы на данном срезе. Основы имен собственных, на базе которых образуются топонимы, подразделяются на антропонимические, оттопонимические и отэкклезионные названия. Наиболее продуктивной денотативной базой в XVIII-XIX веках становятся антропонимы, связанные с именами и фамилиями чем-либо примечательных горожан. Подобные наименования существенно различаются. Начиная с раннего феодализма, вплоть до начала XX века названия улиц часто образовывались, как принято говорить, «по домовладельцам». Основой наименования становились фамилия или имя владельца дома, земельного участка по той или иной улице. При этом наблюдается интересная закономерность. По сравнению, например, с названиями населенных пунктов для внутригородских топонимов характерно крайне редкое использование в качестве основ имен и прозвищ, не говоря уже об отчествах. Фамилии – именно эти антропонимы в подавляющем большинстве обнаруживаются в составе названий улиц и переулков, проездов. Как видно, в этом проявлялась специфика системы частной собственности и города как большого, особым

образом организованного многонаселенного пункта с развитой системой социальных отношений [Никонов 1965: 41].

Лексико-семантические группы костромских топонимов достаточно разнообразны, объединены в три группы, имеющие членение внутри себя.

1. Топонимы на базе антропонимов (имён, фамилий и прозвищ людей).

1.1 Как указывалось выше, для мотивации топонимов первого и второго среза характерен принцип значения принадлежности владельцам магазинов, предприятий, усадеб и т.д. Эти урбанонимы можно характеризовать как топонимы-метки, так как главная их задача – обозначить объект. Распространены топонимы с суффиксом *-ск-*, который характерен для относительных прилагательных, но имеет оттенок притяжательности со значением принадлежности не одному лицу, а группе. Годоним *Васильевская* улица (Наты Бабушкиной) мотивирован фамилией хозяев усадьбы Васильевых; *Веденеевский* переулок (Безымянный) назван по имени владельцев чайной. Микротопоним *Веденеевская чайная* не функционирует в настоящее время в речи, так как утрачен объект номинации, но сохранился в пассивном запасе топонимической лексики города, он часто встречается в воспоминаниях костромичей. Встречаются чисто посессивные топонимы в форме притяжательного прилагательного, указывающие на принадлежность данного объекта его владельцу. *Рахманцев* переулок (Пятницкая улица) предположительно мотивирован антропонимом, хотя документальных подтверждений нет. Урбаноним *Рукавишников* переулок мотивирован антропонимом – именем купца, который владел кожевенным заводом, стоявшим в переулке [Негорюхин 2001: 12]. Улица *Софроновка* (Комлевский переулок) мотивирована фамилией владельца лавки, находилась в Богословской слободе, название сохранилось в памяти респондентов как элемент пассивного запаса языка. Данный годоним представлен существительным в деминутивной форме с суффиксом *-к*, что в официальных названиях встречается редко.

1.2 Названия-посвящения, или мемориальные названия²⁴. Данные названия впервые в Костромской топонимии появляются на исследуемом срезе, постепенно развиваясь, особо продуктивными они становятся на третьем срезе. Мемориальные названия отражают общественные взгляды, имеют идеологическую направленность, что является общим признаком данной категории в любые исторические периоды.

1.2.1 Посвящения государственным и общественным деятелям. Данный принцип отличается присутствием компонента посвящения, в мотивации просматривается желание увековечить память о ком-либо, в отличие от топонима-метки.

Годоним улица *Муравьевка* (Дзержинского улица) напоминает костромичам о том, что на ней находилась усадьба губернатора В. Н. Муравьева. По его решению, используя проект архитектора П.И. Фурсова, на склоне горы, идущей перпендикулярно Волге, был разбит парк с аллеями,

²⁴ См. о них: Суперанская [1973: 163], Никонов [1974: 101], Мурзаев [1974: 22].

обсаженными акациями, сиренью, чайным деревом. Украшением парка были старые пушки, привезенные сюда со стен старого кремля [ПАКО 1996:98] В данном топониме наблюдается характерный для естественных топонимов деминутивный формант – *к*. З. И. Рязанова при интерпретации семантики и функций деминутивных суффиксов предлагает следующие параметры: количество, интенсивность, размер, значимость [Рязанова 2000: 98]. В данном примере суффикс – *к* употребляется в связи с небольшими размерами парка на горе. Урбаноним **Жоховский** переулок (улица Войкова) известен жителям города и в настоящее время, так как в доме № 6 проживал известный исследователь Арктики А. Н. Жохов (1885-1915), сын известного публициста, принадлежавшего к древнему костромскому роду. Воевода Иван Родионович Жохов участвовал в Куликовской битве. Алексей Николаевич открыл новый архипелаг, который назвали Землёй Императора Николая II, а в 1914 году открыл остров неподалеку от острова Таймыр, который позднее назвали его именем – Остров Жохова [Григоров 2002: 48].

1.2.2 Посвящения членам царской семьи. Выше мы приводили рассуждения о том, что при номинации улиц в русских городах в данный период часто применялся указанный принцип. Все отходящие от центральной площади улицы названы именами членов царской семьи. Историки XIX века, братья В.К. и В. Г. Лукомские пишут: «Нареченная «колыбелью дома Романовых», Кострома неоднократно посещаемая была высочайшими особами. В марте 1767 года Кострома ошачливлена была посещением императрицы Екатерины II. Путешествие совершалось на галере Тверь» [Лукомский 1913: 26]. Позднее Кострома получила герб в виде галеры. В ознаменование этого события одна из центральных улиц, являющаяся главной осью симметрии в плане города, как и центральная площадь, получила имя **Екатеринославская** улица (Молочная гора). Остальные улицы были названы именами членов царской семьи: улицы **Павловская** (проспект Мира) – в честь императора Павла I [Бочков 1989: 47]; **Александровская** (улица Свердлова); **Еленинская** (Ленина) – по имени великой княжны Елены Павловны [Бочков 1989: 43]; **Марьинская** улица (улица Шагова) на плане 1784 года называется «новопроектированной», т. е. ранее здесь улицы не было, она прошла по краю Кузнецкой слободы до Сенного торга. Необходимо признать, что некоторые из этих топонимов обладают признаком функциональной избыточности. Например, топоним **Екатеринославская** почти не функционировал в речи жителей, всегда можно было услышать параллельное название **Молочная гора**. Топоним **Александровская** также заменялся в живой речи топонимом **Никольская** по названию церкви на улице, хотя официально улица Никольской никогда не называлась. Принцип избыточности характерен для названий, присвоенных по политическим соображениям, но не привившихся в народной речи [Никитин 2005: 100].

Имена, переходя из разряда антропонимов в топонимы, расширяют функцию индивидуализации. Как справедливо отметила С.М. Толстая, антропоним, имея более широкий корпус денотатов, в семантическом плане явно уступает топониму по количеству имен. Номинация топонимических

имен осуществляется, как правило, не путём выбора, а по способу мотивационной деривации. Следовательно, при меньшей степени проприальности сравнительно с антропонимами, топонимы характеризуются более высокой степенью индивидуализации [Толстая 2005: 25], которая выражается в том, что топоним в отличие от антропонима выступает как ориентир. Функция хронотопа в меньшей мере характерна для антропонима, чем топонима.

2. Годонимы, образованные на базе э к к л е з и о н и м о в .

В группе костромской топонимии XVIII-XIX веков, связанной с названиями храмов и монастырей, основными являются принципы называния линейного объекта по названию монастыря, часовни, главного престола храма или его придела. Данный принцип реализуется на базе их различительных признаков. К ним относятся: названия христианских праздников, названия особо почитаемых икон, в честь которых воздвигли храм, имена святых, мучеников, чудотворцев. Разделяем мнение Г.Ф. Сапроновой о том, что архаичная лексика, отраженная в названиях монастырей и храмов, является основой названия улиц в XVIII-XIX веках. Номинация улицы по важному объекту в этот период сводилась также к номинации по названию храма как наиболее значимого объекта для прихожан [Сапронова 1998: 235].

2.1 Название улиц на базе имени монастыря, кладбища. Годоним **Богоявленская** улица, известный с XVII века, создан на базе точечного топонима Богоявленский монастырь [ПК 1628: 105]. Монастырь возник в 20-е годы XV века, строителем обители считается преподобный Никита Костромской, ученик Сергия Радонежского [Самарянов 1868]. Название **Крестовоздвиженской** улицы (Подгорной) возникло на базе названия одноименного кладбища, существовавшего до 1925 года. Годоним **Спасозапрудненская** улица (Коммунаров) отражает номинацию улицы по имени Спасо-Запрудненского монастыря, который располагался на северной окраине Костромы, на правом берегу речки Запрудни, впадающей в реку Кострому немногим выше Ипатьевского монастыря. История создания храма непосредственно связана с чудесным явлением на дереве костромскому князю Василию Ярославичу Федоровской иконы Божьей Матери в XIII веке. На месте обретения иконы князь Василий повелел установить монастырь во имя Христа Спасителя [Просторов 2002: 34].

2.2 Название улицы на базе имени церкви. В данной группе годонимы различаются по типу экклезионима. К первому типу относятся названия, созданные на базе имени храма, названного в честь христианского праздника.

Линейный топоним **Благовещенская** улица (Свердлова) получил название по имени церкви Благовещения Пресвятой Богородицы, ныне утраченной, которая была построена в 1804 году²⁵ и именовалась по

---

²⁵ Сведения о времени постройки каменных храмов даются по книгам: 1. Костромские святыни / Составители иеромонах Харитон Просторов, А.Новикова. - Кострома, 2002; 2. Баженов И.В. Костромские городские церкви и монастыри // КЕВ. 1899-1900. Сведения о ранних деревянных постройках даны по указателю

празднику Благовещения, принесения архангелом Гавриилом благой вести. **Покровская** улица (Энгельса) названа по имени церкви в честь праздника Покрова Пресвятой Богородицы, построенной в камне в конце 80-х годов XVIII века на месте деревянной. Разрушена в 1936 году. Номинация **Рождественской** улицы (Галичской) связана с церковью на Монастырском кладбище, названной так по празднику Рождества Богородицы. **Троицкая** улица (Комсомольская) именовалась по Свято-Троицкому храму, существовавшему с 1650 до 1935 года, названному в честь праздника Живоначальной Троицы. Успенская Набережная (Первого Мая), одна из древнейших улиц города вдоль берега Волги, получила название по церкви Успения Богородицы на Волге, названной в честь одноименного праздника. Храм построен в 80-е годы XVIII века, ныне разрушен. Для данной группы характерно наличие ансамблей названий, обычно по имени церкви именовали и улицу, и переулок: **Вознесенская** улица (Комсомольская) и **Вознесенский** переулок (Кадыевский переулок); **Преображенская** улица (Первого Мая) и **Преображенский** переулок (Щемиловка). **Воскресенская** улица (Подлипаева), **Воскресенский** переулок (Пожарный) и народно-бытовое название **Воскресенская гора**, которая спускалась от тюремного замка к Волге мимо церкви Воскресения на Дебре [Негорюхин 2001: 12]. Интересно, что эта гора обозначена и в современной топонимике Костромы: улица, идущая вдоль горы, называется **Осыпная**.

Ко второму типу относятся названия, созданные на базе имени храма, названного в честь христианского святого. **Алексеевская** улица (Катушечная) названа по имени и ныне действующего храма Алексея, человека Божия. Некоторые исследователи считают, что такое именование церкви связано с именем царя Алексея Михайловича, родившегося в год основания храма. Его отец царь Михаил Федорович дал этому храму в 1627 году особую подтвердительную грамоту на владение Гашеевой слободой. Название храма в честь Архангела Михаила, упоминающееся в Писцовой книге 1628 года, дало основание назвать улицу **Архангельская** набережная (Первого Мая). «У реки у Волги церковь деревянна клецки Михаила Архангела...» [ПК 1628: 596]. **Богословская** улица (Горная улица) имя получила по сохранившейся ныне церкви в честь святого **Иоанна Богослова**, построенной в камне на Кадкиной горе в XVII веке на месте деревянной. Церковь Святых мучеников благоверных князей Бориса и Глеба дала имя улице **Борисоглебской** (Крестьянская улица), каменный храм был построен в 1800 году на средства купцов на месте деревянного в начале Муравьевки. С начала 40-х годов XIX века она называлась **Губернаторской**, ныне разрушена. Этот же признак номинации положен в основу названий улиц: **Власьевской** (Симановского); **Дмитриевской** (Маршала Новикова); **Златоустов(ин)ской** (Князева); **Козьмодемьянской/Игнатовой** (Юных пионеров), **Никольского** переулка (Короткий); **Сергеевской** (Красноармейской); **Стефано–Сурожского**

церквей и монастырей, составленному Л.А.Ковалевой в приложении к изданию Писцовой книги г. Костромы 1627/28-1629/30 г.

(Крупяной); *Флоровского* переулка (Князева); *Якимовской* (Комсомольской). Единственная улица подобного типа, сохранившая свое название до наших дней – улица *Пятницкая*. Мотивация городских топонимов названиями церквей и монастырей может считаться характерной чертой восточнославянской топонимии и ономастической универсалией тех стран, где распространено христианство. Отдельные экклезиотопонимы могут подвергаться ложному этимологизированию ввиду созвучия с другими лексемами, опирающимися на одинаковый источник. Например, некоторые современные костромичи соотносили название улицы *Пятницкой* с фамилией видного государственного деятеля Пятницкого, так как соотносят принцип номинации этой улицы с названием улиц Свердлова, Шагова и т.д. Вероятно, по этой причине улица не была переименована после революционных событий.

3. Топонимы, созданные на базе других топонимов. Оттопонимические образования в онимическом пространстве города существуют с первых номинативных актов. Перемещение топонимов внутри топонимических категорий говорит о закреплённости топонимов в категории имени собственного. Уже существующий топоним воспринимается как имя, которое номинатор может использовать вторично в другом акте номинации. Причины могут лежать как в лингвистической плоскости: стремление сохранения существующих лексических единиц, так и во внелингвистической: перепланировка города, расширение границ, возникновение новых объектов.

3.1 Улицы–направления (дромонимы). Как указывалось выше, это один из древнейших принципов номинации внутригородских объектов. Город Кострома с древнейших времен был связан дорогами с соседними княжествами, монастырями, торговыми селами. Этот признак наименования во втором исследуемом срезе получил свое развитие.

3.1.1 Названия по дорогам, связывающим Кострому с другими городами. *Кинешемская* улица (ранее Русина), ныне Советская, получила название на базе Кинешемского тракта. *Костромская* улица (Заводская) – от названия Костромского тракта на Домнино (Сусанино). *Московская* улица (Островского) была началом дороги на Москву, образована от топонима *Московский тракт*. Г. П. Смолицкая, анализируя городскую топонимию, справедливо отмечает, что дорога (а впоследствии и улица вдоль нее) получала название по отдаленным городам, обозначая именно конечный пункт [Смолицкая 1996]. Так дело обстояло и в Костроме.

3.1.2 Названия по дорогам внутри губернии. Чаще всего этот признак актуализировался в названиях дорог по имени деревни, в которую они ведут: *Васильевская* улица (Наты Бабушкиной). Мимо *Глазковской* улицы (Гагарина) шла дорога в деревню *Глазково/Гласково*, название деревни и дороги (Гласковская дорога) известно с XVII века [ПК 1628: 751]. Этот признак на данном срезе только начал проявляться, а на следующем получил большое распространение.

3.2 Топонимы, созданные на базе ойконимов. *Корёгинский* переулок (Вокзальная улица) назван по имени поселка, который получил имя от антропонима. Известна проживавшая в поселке семья Корёгиных.

3.3 Топонимы, созданные на базе названий слобод. О сохранении топонимического пространства города Костромы говорят годонимы, образованные от названий слобод, постепенно входящих в состав города. *Русина* улица (Советская); *Гашеевская* улица (Маяковского); *Спасская* улица (Депутатская); *Ямская* улица и др.

3.4 Топонимы, созданные на базе гидронима. Для костромских топонимов, объединенных в данную группу, характерен суффиксальный структурный тип, в то время как во многих других городах преобладает суффиксально-префиксальный тип: *Волжская Набережная* (Первого Мая) улица; *Сульская* улица (Пятницкая) в отличие от улиц Приволжская, Заволжская.

3.5 Расположение относительно другого топонима. Некоторые топонимы по ориентации в пространстве составляют оппозиционные пары. Годонимические пары *Верхняя Дебринская* улица (Держинского) и *Нижняя Дебря* улица (Лесная); топонимическая триада *Верхняя Набережная* улица (Первого Мая) и *Нижняя Набережная* улица (Лесная), *Низовая* улица (Нариманова) показывали отношение улиц друг к другу, связанные с рельефом местности вдоль Волги. Топонимическая пара *Верхняя* улица (Покровского) и *Нижняя* улица (Осавиахима) отражали отношение по вертикали, связанные с рельефом вдоль реки Костромы.

4.3. Точечные топонимы второго синхронного среза

Роль точечных топонимов на втором историческом срезе существенно отличается от той, которую они выполняли на начальном этапе развития города. Там точечные топонимы были ориентирами, задающими направление дорог. На втором срезе главными организующими элементами в структуре города стали улицы, в связи с этим утратилась прежняя необходимость в точечных топонимах-ориентирах. На наш взгляд, главной задачей точечных топонимов на втором срезе стала задача оживления официальной топонимии города. Большое количество искусственных топонимов, возникших в период регулярной застройки Костромы, на уровне функционирования сопровождалось параллельными народно-бытовыми названиями, которые чаще всего были точечными топонимами. Точечные топонимы на втором историческом срезе имели специфические особенности в семантике и функционировании. В связи с зарождающимися буржуазными отношениями на первое место в костромской топонимии выходят названия заводов, фабрик и их владельцев. Отмечается, что большая масса людей, работающих на крупных предприятиях, использовала в разговорной речи для обозначения места точечные топонимы, называвшие объекты производственного характера. Это наиболее продуктивная группа названий. Кроме того, поскольку церковь занимает в этот период значительное место в жизни горожан, то сохраняется и пополняется группа точечных экклезионимов. Важно отметить, что все точечные топонимы этого периода можно разделить на две категории: топонимы, не участвующие в настоящее время в

коммуникативном процессе, их мы можем реставрировать по письменным источникам или по воспоминаниям старожилов Костромы, и топонимы, которые составляют активный топонимический лексикон жителей в настоящее время, но происхождением своим уходят в XIX век. Многие из этих названий носят неофициальный характер, при этом длинные официальные названия в речи редуцируются. На данном срезе нами анализируется 78 точечных топонима.

Точечные топонимы данного периода распределяются в соответствии с основными способами номинации: 1) онимизация апеллятива; 2) трансонимизация имени собственного; 3) онимизация апеллятива с одновременной трансонимизацией имени собственного (смешанный способ) – наименование представляет собой двух – или многоосновную лексему или словосочетание. Каждый семантический тип подразделяется на более мелкие семантические группы.

I. Топонимы отапеллятивного происхождения. Денотативные основания данных топонимов весьма разнообразны, но в соответствии с семантикой апеллятивов их удобно разделить на восемь групп.

1. Топонимы, возникшие на базе эргонимов. Группа представлена названиями производственных предприятий. Эргоним *Белилка*²⁶ называет поварню купцов Пыпиных для беления пряжи на улице *Набережной* [Бочков 1997: 44]. *Спиртзавод* – винокуренный завод И.П.Третьякова, возобновленный в 1880 году на Дебре [Бочков 1997: 44]. В 1880 году И. Я. Аристов основал на Нижней Дебре паровую мельницу [Бочков 1997: 42]. Чаще топоним употреблялся в эллиптированной форме *Мельница/Мельница Аристова*. Топоним сохранился в активной лексике, но иногда употребляется и более поздний его вариант – *Мельзавод*. Эргоним *Маслозавод* именовал основанный в 1898 году купцом Н.А.Толстопятовым и поныне существующий завод для прессовки семени [Бочков 1997: 46]. Топоним в настоящее время активно употребляется в первоначальном варианте. Топоним *Лесопилка* респондентами старшего возраста поясняется как лесопильный завод Челинского. В районе улицы Шагова в XIX веке стояли кузнечные мастерские. Топоним и его варианты *Кузницы/У Кузниц/За Кузницами* употребляется жителями старшего поколения до сих пор. Эргоним *Ликёрка* происходит от ликероводочного завода, расположенного в начале улицы Ленина, активно употребляется и в наше время.

2. Названия торговых заведений. К данным топонимам отнесем название *Казенка*, торговое заведение, где продавали ликеро-водочные изделия, *Гастроном*, расположенный на углу улицы Ильинской (Чайковского) и Русина (Советской). Чайная общества трезвости, расположенная на Молочной горе, называлась *Колнаки*, так как ее обслуживающий персонал был одет в белые шапки.

---

²⁶ Здесь и далее топонимы, не имеющие ссылки на источник, собраны автором при опросе респондентов

3. Названия общественных зданий. Топоним *Духовная консистория* называет дом № 8, выстроенный в 1791 году купцом Д. Д. Калашниковым, позднее домом владел аптекарь М. Ф. Геслинг, и в каменном флигеле размещалась так называемая *Лаботарня*, то есть аптека [ГАКО, ф.133, оп. 1, д. 3486].

Топоним *Приют* ныне является архаизмом. Детский приют был основан в доме №12/3 купца А. И. Щепетильникова по улице Островского [Памятники архитектуры 1998: 108]. В Подвязые на углу улицы Московской было расположено *Реальное училище* в бывшем доме № 38 купца Ф. Юдина. Открытое в 1873 году, оно просуществовало до 1918, затем было преобразовано, но также в учебное заведение. Данный топоним встречается в речи горожан [Памятники архитектуры 1997: 138]. *Богодельня/Богоделка* – богоугодное заведение, приют, открытый известным благотворителем А. А. Акатовым в 1868 году напротив церкви Воскресения [Бочков 1997: 46]. Топоним *Ночлежка* обозначает ночлежный дом, построенный купцом Черновым для костромских бездомных и нищих [Кивокурцева 1993]. Часто употребляемый в настоящее время точечный топоним *Красный крест*, образован способом метафорической онимизации, называет здание Федоровской общины сестер милосердия и Романовской больницы, появившейся в годы первой мировой войны Этот госпиталь основан по предложению императрицы Марии Федоровны, здание построено в честь 300-летия Дома Романовых к приезду в Кострому императора Николая II. В настоящее время это онкологический центр на Дебре [Бочков 1997: 51].

4. Названия частных домов, владений. Топоним неофициального характера *Сборная* называет дома купца Кашина для рабочих текстильных фабрик, сохранялся до 2000-х годов, затем здание передали Богоявленскому монастырю: *Живу в Сборной*. Точечный топоним *Бараки* называет место на улице Боевой, где располагались бывшие бараки для холерных больных, сохраняется в пассивном запасе топонимической лексики.

5. Названия развлекательных, спортивных сооружений. Респондент Н.Ф. Спиридонова сообщает: *Мы жили у Конюшни* на Нижней Дебре. Обратим внимание, что точечный топоним сужает часть пространства, о котором идет речь, уточняет, где именно на Дебре. Денотатом топонима *Пале* является кинотеатр К.С. Бархатова, открытый в 1912 году. После 1917 года он переименован в «Художественный» [Клейменов 2003: 30]. В настоящее время произошла реставрация названия, новый развлекательный центр в этом же здании называется *Пале*. Топоним *Китайская беседка* в настоящее время утрачен, беседка носит имя драматурга А.Н Островского. Принято считать, что дневниковые записи о Заволжье он делал именно в этой беседке. Но вот на фото 1912 года мы находим надпись, отражающую стиль постройки – «Китайская беседка».

6. Названия военных учреждений. Топоним *Тюремный замок* возник в связи с постройкой на средства костромских купцов здания в 1748 году в период царствования Екатерины Великой. Когда-то он возвышался на городской окраине [Антонов 2004: 5]. С годами город окружил тюрьму, теперь она

оказалась на центральной улице и стала выполнять роль следственного изолятора. Составной топоним *Тюремный замок* стал употребляться в эллиптированном виде *Тюрма*. В лексический запас ушел топоним *Солдатские бараки*, которые тянулись от улицы Мясницкой до Шагова.

7. Названия природно-ландшафтных объектов. Лесной массив на улице Ленина называется *Посадский лес*. Возвышенность в районе Якиманихи носит метафорическое имя *Вшивая горка*. Данное название известно в топонимии Санкт-Петербурга и Москвы. Смолицкая предполагает, что горки были скорее всего небольшими возвышенностями на фоне болотистых мест. Она приводит варианты такого названия Вшивая /Швивая /Ушивая горка. Мотивом номинации данной горки послужил ее внешний вид: грязная, застроенная бедными избами [Смолицкая 1996: 25, 51]. Вероятно, такая мотивировка с отрицательной экспрессивной коннотацией подходит и для костромского топонима. СРНГ дает помету слову 'вшивый' – бранное [СРНГ 1965-92: 242].

8. Названия культовых сооружений. Топоним *Кирха* достаточно часто употребляется костромичами, но при опросе выяснилось, что 80% респондентов не могут объяснить значение слова. Евангелическо-лютеранская церковь (кирха) находилась в последнем квартале улицы Богоявленской на углу с Царевским переулком. Точечный топоним *Костел* обозначает дом № 41 по улице Ивановской. Это было здание римско-католической общины, молельного дома, построенного для приехавших в Кострому ссыльных поляков. Он существовал до 1920-х годов [Павлова 2001: 12].

II. Топонимы на базе антропонимов

В основном эту группу составляют названия по имени владельца:

1. Названия частных домов, владений. Отантропонимический топоним *Третьяковские дома* обозначает доходные дома, принадлежавшие купцу первой гильдии П.И. Третьякову, представителю старинного рода купцов-раскольников. Петр Иванович разбогател на винокуренном деле и построил доходные дома [Бочков 1997: 134]. Топоним активно используется в настоящее время. Микротопоним *дом Колодезникова* иногда старожилы называют *особняк Генриетты* (на улице Свердлова). Он отличается пышностью архитектурных форм и привлекает своей загадочной историей, так как был построен представителем древнейшего костромского рода для своей возлюбленной иностранки. Дом является полной копией усадьбы в Швеции, где родилась Генриетта [Антонов 2004: 6]. *Дурыгинские дома* – это здания по проспекту Мира: Дворянского собрания, нынешнего театра и училища культуры. Они принадлежали младшему из братьев Дмитрию Петровичу, которыми после его смерти владела его жена Мария Дурыгина. Этот комплекс являлся одной из крупнейших костромских купеческих усадеб, которая включала каменную полотняную фабрику 1793 года. В 1900-х годах в здании был установлен первый в городе телефон-автомат [Резепин 2004: 9].

2. Названия торговых заведений. Многие из топонимов этой группы представлены аналитической конструкцией: *У Лонжа, У Днепрова*. Купец К.В Лонш владел лавкой. В 1903 году на улице Дебринской купец А. Ю. Днепров возвел краснокирпичный дом. Разместившийся здесь позднее продуктовый магазин получил неофициальное имя *У Днепрова*. Данные топонимы имеют посессивную форму, указывающую на принадлежность объектов владельцам.

III. Смешанные названия

1) Эргоним + генитивный компонент антропоним. К этой группе относятся неофициальные топонимы: *Фабрика Углечанинова*. Полотняная фабрика П. Углечанинова, основанная в 1751 году; *Фабрика Колоткина*, полотняная фабрика А. М. Колоткина, открытая в 1796 году; *Пыпинская мануфактура* – полотняная мануфактура С.Т. Пыпина [Бочков1989: 39], а также *Полотняная фабрика Оздобихиных, Полотняная фабрика Ашастиных, Полотняная фабрика Стригалевых*. Так как полотняных фабрик было несколько, то генитивный компонент выполнял дифференцирующую функцию. К этой группе относятся точечные топонимы *Паровая мельница Чумаковых, Табачная фабрика Чумаковых, Колокольный завод Забенкина* (в Газетном переулке). Иногда тема точечного топонима дает название улице: *Завод Рукавишниковых* (Кожевенный завод мещанина Рукавишникова) – Рукавишников переулок (ныне улица Осыпная). К названиям объектов питания относятся: *Веденевская чайная* на углу улицы Солдатской (Борьбы); *Тарунинская пекарня*, в настоящее время хлебокомбинат на улице Горной. Военное учреждение обозначает топоним: *Мичуринские казармы*. Полковница Е.Н.Мичурина купила постройки бывшей фабрики Углечанинова (ныне улица Красноармейская) и приспособила их под помещения для воинских частей [Бочков 1989: 39]. Образовательное учреждение отмечено названием *Гимназия Смоляниновой* – именем частной женской гимназии Ю.В.Смоляниновой [Негорюхин 2000: 14]. Медицинское учреждение, госпиталь назван был *Романовским пансионом*. Этот госпиталь расположен и ныне на улице Лермонтова. Зависимый компонент – это фамилия царской династии Романовых.

2) Генитивный компонент экклезионим + географический термин. *Борисоглебская гора* – название спуска к Волге по имени храма Бориса и Глеба, который стоит на этой горе.

Большая группа точечных топонимов, которые в настоящее время активно функционируют в речи горожан, даже в случае утраты самого объекта, продолжает существовать в новых условиях. Однако здесь мы приводим только точечные топонимы–историзмы, то есть те, которые жители города употребляют в речи, но осознают, что это старые названия, а иногда их заменяют новыми. Существует группа точечных топонимов, которые возникли в первый или второй период, но употребляются как современные, жители не отдают себе отчета в том, что название устарело, оно функционирует на полных правах с другими современными названиями. Группу этих топонимов мы описываем в третьем периоде и включаем ее в

корпус современных точечных топонимов. К этой группе отнесем точечные топонимы: *Старый двор* (гостиница), *Дворянское собрание*, *Офицерское собрание*, *Дом офицеров*, *Народный дом*, *Гостиница Московская*, *Гостиница Гагарина*, *Гостиница Кострома*, *Губернаторский дом*, *Водонапорная башня* и др.

Некоторые объекты исчезли, поэтому идет процесс утраты и топонимов. Эту группу используют в речи только очень пожилые жители: *Переправа*, *Александровская часовня*, *Экипажное заведение*, *Зиминские бани*, *Богаделка на Дебре*, *Бойни на Мясницкой*, *Булочная Забложского* и др.

Отличительной особенностью точечных топонимов является стремление к упрощению названия, сокращению его компонентов. Поэтому часто двусоставные названия стандартизированного топонима заменяют одним словом: *Кашинская сборная* – *Сборная*. Названия типа *Магазин купца Днепрова* заменяется генитивной редуцированной формой *У Днепрова*. Встречаются деминутивные формы с суффиксом -к: название *Казённый винный склад* функционирует как *Казенка*, здание Чрезвычайной комиссии – *Чрезвычайка*, *Родилка* – родовспомогательное заведение Ф.В. Чижова.

Среди собранных нами топонимов на данном срезе выделим 36 эргонимов, 3 эклезионима, 8 названий частных домов, 31 название общественных зданий.

4.4. Городские названия Костромы как система на современном этапе ее развития

В начале XX века онимическое пространство города Костромы претерпевает серьезные изменения. Экстралингвистические причины как никогда оказываются главными факторами, воздействующими на лексико-семантический состав апеллятивов и онимов, являющихся базой топонимов города. После революционных преобразований остро встал вопрос о переименовании улиц с «устаревшими» названиями. Появились табуированные имена, которые запрещалось произносить в связи с изменившимися идеологическими установками новой государственной системы. Постепенно были убраны из разряда официальных все названия религиозного характера, а также связанные с атрибутами старой жизни. Наиболее значительные переименования были обнародованы решениями Горсовета от 6 ноября 1918 года, 2 марта 1925 года и 14 февраля 1938 года. Улицы получили имена деятелей революции и отечественной культуры. В топонимической системе города повсеместно возникли оппозиции старое – новое. Следует отметить, что в 1920-х годах некоторые улицы переименовывались по два-три раза, но некоторые названия не привились. Например, переименование *Кирпичной улицы* в *улицу III интернационала*. Новые названия приживались с трудом, а употребление старых не приветствовалось новой властью, поэтому зачастую появлялись народно-

неофициальные названия либо фигурировали в речи параллельные топонимы из старых названий.

Традиционная практика застройки Костромы сохранялась и после революции, лишь вместо слобод по окраинам города разрастаются поселки: в 1925 году *Начало*, в 1937 – *Новый быт*, вскоре слившиеся с основной сетью городских улиц. Продолжается включение в городскую черту близлежащих населенных пунктов: в 1931 году – *Трудовой и Рабочей* слобод, в 1932 году – деревни *Опалихи*, села *Селища* и *Татарской слободы*, в 1940 году – деревни *Малышиково*. В 1930-х годах наблюдался большой приток населения в Кострому из сельской местности, многие жители перевозили и собственные дома. Новоселы в основном обосновывались на пустырях между концами улиц Свердлова, Шагова и Галичской, в заволжской части Костромы (*Говядиновское поле*) и др. Строительство железнодорожного моста через Волгу и вокзала на левом ее берегу способствовало появлению новых улиц в прилегающем районе.

Великая Отечественная война на время приостановила дальнейший рост Костромы, но с начала 50-х годов он возобновляется. В 1956 году в связи с созданием Костромского водохранилища часть жителей затопленных селений переселилась в Кострому, преимущественно в деревню Ребровка (сама деревня переименовалась в поселок Северный, официально вошла в городскую черту в 1965 году) и за Волгу. Заволжский район города в 50-е годы застраивается особенно интенсивно. В 1957 году на противоположных концах Костромы были возведены два последних поселка – *Первомайский и Октябрьский*, затем к Костроме присоединились деревни *Глазково, Высоково, Новая, Байдарка* и поселок *Васильевское*.

С 1960-х годов развитие Костромы в пространстве происходит в основном за счет строительства микрорайонов, в отличие от слобод и поселков, не имеющих уличной планировки: Черноречье, Якиманиха, Юбилейный, Паново, Давыдовский [Бочков 1989: 9]. В настоящее время Кострома занимает территорию в 100 кв километров, на 10 кв км она протянулась вдоль реки Волги и на 10 кв км по перпендикулярной оси симметрии города, которой является улица Молочная гора, переходящая за Сусанинской площадью в проспект Мира.

Необходимо отметить, что система названий современного города Костромы, обладая несомненными индивидуальными чертами, в то же время являет собой пример устойчивой реализации основных исторических тенденций топонимической номинации в целом. По этому поводу Н.В. Горбаневский пишет, что основные мотивы номинации в разные исторические эпохи не претерпевали кардинальных изменений, а лишь проходили соответствующую адаптацию к новым условиям существования русского этноса и связанного с ним социума [Горбаневский 1996: 100]. Развивая данную мысль, Н. А. Купина говорит о том, что «язык города» обладающий мифологической культурной памятью и продуцирующий современные мифологемы, является способом оформления региональной идентичности. Рефлексы предшествующего культурного опыта, сохраняясь в

коллективном подсознании, могут оживать в номинативной деятельности: существует несколько мифологических линий, которые имеют разную историческую глубину (на вертикальной оси развития культуры они принадлежат разным историческим срезам) и транслируются в современном обществе с той или иной степенью интенсивности [Купина 2005: 46]. В костромском лингвокультурном пространстве главная мифологическая линия, которая формирует региональную идентичность жителей, связана с образом реки Волги. С древних времен Волга способствовала развитию города: сначала давала питьевую воду, возможность тушения пожаров, рыболовства, орошения земель, затем стала транспортной артерией, основой для становления торговли, в настоящее время дает основания для развития туризма. Издревле костромичи осознавали себя как жители города на Волге. Виктор Розов, рассказывая о детстве в Костроме, объясняет значение реки в жизни костромичей: «Я счастливо рос в компании друзей. У нас была *Волга*, а значит лодки, купание, рыбалки, походы» [Розов 1987: 149] Данная мифологема актуализована в семантике топонимического пространства города. На всех исторических срезах возникали новые и передавались уже существующие топонимы, созданные на базе гидронима *Волга*. Вторая мифологема связана с представлением о городе как о текстильном центре. Возникший в XVIII веке на берегу рек Костромы и Запрудни комплекс текстильных фабрик дал основное направление развитию города. Появился целый комплекс топоназваний, объединенный данной темой, который окрасил топонимику Костромы определенным образом. Третья мифологема возникла в связи с важным историческим событием: Кострома в XVI веке стала колыбелью династии Романовых. Михаил Федорович был взят на престол из Костромского Ипатьевского монастыря. На протяжении веков императорские особы посещали город, делали вклады в строительство храмов и т.д. Топосистема Костромы в значительной степени отражала данную семантику. Так, например, во втором периоде в типе топонимов антропонимического происхождения мы выделили группу названий улиц по именам лиц царской фамилии – улицы Цареконстантиновская, Павловская, Еленинская, Никольская. Отметим, однако, что данный источник для номинации использовался также и в других русских городах, например, в Царицыне были улицы Александровская, Анастасьинская, Елизаветинская, Надеждинская, Ольгинская. Этот экстралингвистический фактор, говорящий об идеологических симпатиях данного периода, не был актуален в советский период, и онимы, связанные с данной мифологемой, ушли в пассивный запас. Но в настоящее время данная мифологема возродилась.

В третьем периоде мы наблюдаем действие того же фактора, приспособленного к новым условиям. В типе топонимов, созданных на базе антропонимов, выявляется группа по именам важных исторических лиц, стоящих во главе государства – улицы Ленина, Свердлова, Калинина. Характерно, что часто мотивирующая основа не имела локальных поводов номинации, так как большинство данных лиц в Кострому даже не приезжало. Часто официальные названия, не подкрепленные местными чертами, в речи

горожан заменялись на народно-бытовые или старые топонимы из предшествующего периода. Возникла ситуация «двоевластия» топонимов, своеобразной диглоссии. В прессе и официальной речи функционировали искусственные топонимы, в устной речи им предпочитали параллельные названия из народно-бытовой или архаичной лексики. Некоторые топонимы даже в официальной речи не употреблялись. Согласимся с мнением С. А. Никитина, что сопоставление узуса и официальной топонимии в данный исторический период выявило особые категории топонимов, которые можно назвать и з б ы т о ч н ы м и [Никитин 2005: 100]. Оценивая данные тенденции, отметим, что топонимика Костромы, отражая общие признаки урбанонимообразования, отличается особыми локально ориентированными чертами, сформированными на базе региональных лингвокультурных мифологем. При этом можно говорить о существовании типичных для костромской урбанонимии топонимических моделей.²⁷

Все городские названия в динамике их развития рассматриваются на третьем синхронном срезе в заданном нами ракурсе и делятся, как и на предыдущих срезах, на три больших блока: 58 планарных, 469 линейных и 97 точечных названий, что составляет 46 % всех названий трех синхронных срезов.

Заключение

Характеристика материала позволяет сделать следующие выводы. Значительные изменения топонимов второго среза связаны с экстралингвистическими причинами, в частности, с утверждением и реализацией Генерального плана регулярной застройки Костромы. Значительная часть прежних топонимов потеряла свою материальную основу. При номинации частично сохраняются мотивы, характерные для первого среза, но актуализируются иначе. Развивается и переходит из первого среза во второй мотив названия по экклезиониму, но в качественно новом осмыслении: как идеологический мотив. Появляется большое количество искусственных топонимов культового характера. Всего на данном срезе выделено 259 новых названий: 143 линейных, 38 планарных, 78 точечных названий.

Планарные топонимы второго среза представлены названиями трёх городских ансамблей, расположенных в историческом центре на месте бывшего кремля и прилегающей к нему территории, названиями трёх частей города. Наиболее частотными являются названия периферийных объектов, присоединенных к городу, что говорит об увеличении в данный период городских топообъектов и смещении маргинальных зон в сторону центра. Среди них 18,5 % составляют названия деревень (7), 13% – названия пяти слобод. Среди мелких планарных топонимов преимущественно выросло количество площадей (семь названий составило 18,5 %) и прудов (шесть названий составило 18%), что связано с экстралингвистическими причинами:

---

²⁷ Это схема построения однотипных топонимов, которые характеризуются семантической и грамматической общностью топоосновы, общностью топоформанта, общностью грамматических характеристик [Шеулина 1985: 120]

планом строительства Костромы, а также названия трёх скверов и трёх кладбищ.

К линейным объектам относятся 143 названия: 128 годонимов, 15 названий протяженных торговых рядов. К этой же группе относим 13 гидронимов. Главным структурным элементом на втором срезе среди линейных топонимов являются названия улиц, их 88, что составляет более 80%, и переулки, которых 32, что составляет 20% всех линейных названий. Всего анализируется 128 годонимов, которые дифференцируются по трем принципам номинации. При образовании топонимов способом онимизации апеллятива наиболее продуктивным является принцип номинации по присущим самому объекту свойствам и качествам, таких топонимов 28. Причем, по группам топонимы распределены достаточно равномерно. Это свидетельствует о сохранении наиболее древнего принципа номинации на данном срезе. Но одновременно с этим проявляются новые предпочтения. Значительным перевесом среди отапеллятивных топонимов отличается группа названий, образованных от имен производственных предприятий, организаций, учреждений, т. е. эргонимов –16. Эти предпочтения объясняются экстралингвистическими причинами: Кострома становится более крупной административной единицей, развивается промышленность, топонимическая система реагирует на эти изменения появлением соответствующих названий.

Среди топонимов ономастического происхождения наиболее многочисленна группа названий от экклезионимов, их 32. Этот тип названий по-прежнему остается предпочтительным, особенно если учесть, что к этой группе примыкает и часть названий-посвящений, так как все улицы, названные в честь членов царской семьи, имели и одноименный храм в честь тезоименитого святого. Таким образом, этот тип представлен 42 названиями, что составляет 40% от всех линейных топонимов данного периода, что свидетельствует о весомости христианских традиций и их влиянии на топонимическую систему города в конце XVIII – XIX веков.

На втором срезе выявлена задача точечных топонимов – необходимость оживления официальной топонимии города. Всего анализируется 78 подобных названий. Большое количество искусственных топонимов, возникших в период регулярной застройки Костромы, на уровне функционирования сопровождалось параллельными народно-бытовыми названиями, которые чаще всего были точечными топонимами. Среди них преобладают эргонимы, их всего 36 названий, что составляет 48% от всех точечных. Строительство объектов культурного, общественного и образовательного характера обусловило рост точечных топонимов такого типа – всего 31 название, что составило 44% от всех точечных. Существовало достаточно большое количество названий частных домов по их владельцу, но качествами точечных топонимов обладали лишь восемь наиболее значимых названий. Экклезионимы на данном этапе сохранялись из предыдущего периода, и многие из них закрепились в названиях улиц, а вот новых экклезионимов возникло всего три.

На основании существующих топоназваний и характерной для них семантической мотивации, находящей отражение во внутренней форме топонимов, создается возможность устойчивого сохранения топонимической картины мира как в общем, так и в отдельных элементах.

Список сокращений

1. БАС – Словарь современного русского литературного языка. Т. I–XVII. – М. – Л., 1950–1965.
2. ДК 1664 – Дозорная книга 1664 года. ГАКО. 558. Оп. 2. Д. 134. Скоропись. – 693 л.
3. ГСК 1994 – Кострома. Графическая схема. – Кострома, 1994.
4. Карта 1679 – Постатейная роспись Костромского Кремля 1679 года // сост. Н. А. Зонтиков. Приложение. Карта 1679 г. Костромская земля. Краеведческий альманах. Вып. 5. – Кострома, 2002.
5. Л.Ф. Кудряшов – Личный фонд Е. В. Кудряшова // ГАКО. Р-513. Оп. 1. доп. Д. – 627 с.
6. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. – М., 1990. – 685 с.
7. МАС – Словарь русского языка : в 4 т. – М., 1999.
8. ПККГ 1862 – Памятная книжка Костромской губернии на 1862 год : составлена Костромским губернским стат. комитетом. – Кострома, 1862. – 377 с.
9. ПАКО – Памятники архитектуры Костромской области. Каталог. Вып. 1 г. Кострома. Часть 1-3. – Кострома, 1996. – 366 с.
10. ПК 1628 – Писцовая книга г. Костромы 1628 года. ГАКО. 558. Оп. 2. Д. 133. Скоропись. 763 л.
11. ПК 2004 – Писцовая книга г. Костромы 1627/28 -1629/30 гг. / сост. Л. А. Ковалева. – Кострома, 2004. – 432 с.
12. ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. Т.7. Воскресенская летопись. – СПб. 1856.

13. ПСРЛТ – Полное собрание русских летописей. Т.8. Воскресенская летопись. – СПб., 1859.
14. ПТАСК – Путеводитель. Торгово-промышленная адресная и справочная книга с планами / под ред. П. Е. Навоева. – СПб., 1914. – 114 с.
15. РСС – Русский семантический словарь : толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. – М., 1998.
16. СПК 1628 – Список с Писцовой книги 1628 года : перевод Н. Н. Яблоковой. Ч. 2. // ГАКО. Р–513. Оп. 1. Д. 317.
17. СОСЦКЕ – Статистическое описание соборов и церквей Костромской епархии / сост. протоиерей Иоанн Беляев. – СПб., 1863. – 358 с.
18. СРПИ 1997 – Кострома. Схема расположения памятников истории и зон их охраны. – Кострома, 1997.
19. СРНГ – Словарь русских народных говоров / под ред Ф.П. Филина, Ф. П. Сороколетова. Вып. I –... – Л. ; СПб., 1966 – ...
20. СРЯ – Словарь русского языка XI-XVII вв. / под ред. Г. А. Богатовой. – М., 1981–... Т. 1 ...
21. ТСК – Кострома. Туристская схема. – М., 1989.

Источники

1. Алмазов, П. А. Краткий путеводитель по г. Костроме и Костромской губернии / П. А. Алмазов. – Кострома, 1900. – 43 с.
2. Баженов, И. В. Краткие статистические сведения о приходских церквях Костромской епархии / И. В. Баженов. – Кострома, 1911. – 14 с.
3. Баженов, И. В. Костромской кремль / И. В. Баженов. – Кострома, 1904. – 15 с.
4. Дозорная книга 1664 года. ГАКО. 558. Оп. 2. Д. 134. Скоропись. – 693 с.
5. Козловский, А. Д. Взгляд на историю Костромы / А. Д. Козловский. – М., 1840. – 203 с.
6. Колгушкин, Л. А. Костромская старина / Л. А. Колгушкин // Костромская земля. Краеведческий альманах Костромского общественного фонда культуры. Вып. 3. – Кострома, 1995. – С. 13 – 29.
7. Колгушкин, Л. А. Костромская старина / Л. А. Колгушкин // Костромская земля. Краеведческий альманах Костромского общественного фонда культуры. Вып. 4. – Кострома, 1998. – С. 60 – 65.
8. Колгушкин, Л. А. Костромская старина / Л. А. Колгушкин // Костромская земля. Краеведческий альманах Костромского общественного фонда культуры. Вып. 5. – Кострома, 2002. – С. 41-157.
9. Кострома. Графическая схема. – Кострома, 1994.
10. Кострома. Туристская схема. – М., 1989.

11. Кострома. Схема расположения памятников истории и зон их охраны. – Кострома, 1997.
12. Крживоблоцкий, Я. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба / Я. Крживоблоцкий. – СПб., 1861. – 638 с.
13. Личный фонд Е.В. Кудряшова ГАКО. Р-513. Оп. 1 доп. Д. – 627 с.
14. Личный фонд Е. В. Кудряшова : дипломная работа. Художественная культура Костромы XVII века. ГАКО. Р-513. Оп. 1 доп. Д. 3. – 300 с.
15. Личный фонд Е. В. Кудряшова : список с Писцовой книги 1628 г. Ч.1. / перевод Е. В. Кудряшова. Скоропись 720 л. ГАКО. Р-513. Оп. 1 доп. Д. 571. – 45 с.
16. Навоев, П. Е. Вся Кострома (Юбилейный иллюстрированный путеводитель, с планом г. Костромы в красках: справочная и адресная книжка) / П. Е. Навоев. – Кострома, 1913. – 114 с.
17. Навоев, П. Е. План г. Костромы и окрестностей в четырех красках / П. Е. Навоев. – СПб., 1913. – 5 с.
18. Островский, П. Ф. Исторические записки о Костроме и ее святыне благочестно-чтимой в императорском доме Романовых / П. Ф. Островский. – Кострома, 1864. – 247 с.
19. Островский, П. Ф. Историческое описание Костромского Успенского кафедрального собора / П. Ф. Островский. – М., 1855.
20. Памятная книжка Костромской губернии на 1862 год / составлена Костромским губернским стат. комитетом. – Кострома, 1862. – 377 с.
21. Памятники архитектуры Костромской области: каталог. Вып. 1. г. Кострома часть 1-3. – Кострома, 1996. – 366 с.
22. Писцовая книга г. Костромы 1628 года. ГАКО 558. Оп.2. Д. 133. Скоропись. – 763 с.
23. Писцовая книга г. Костромы 1627/28 -1629/30 гг. / состав. Л. А. Ковалева. Кострома, 2004. – 432 с.
24. Постатейная роспись Костромского Кремля 1679 года / состав. Н. А. Зонтиков. Приложение Карта 1679г. / Костромская земля. Краеведческий альманах. Вып. 5. – Кострома, 2002. – 220 с.
25. Рукопись нач. XIX в. Краткое начертание о первоначалии и приращении города Костромы до открытия губернии. (КИАМЗ). Л. 11 об.
26. Самарянов, В. А. Памятная книга для Костромской епархии / В. А. Самарянов. – Кострома, 1868. – 161 с.
27. Скворцов, Л. Материалы для истории города Костромы / Л. Скворцов. Ч. 1. – Кострома, 1913. – 110 с.
28. Список с Писцовой книги 1628 года / перевод Н. Н. Яблоковой. Ч. 2. ГАКО, Р-513. Оп. 1. Д. 317.
29. Статистическое описание соборов и церквей Костромской епархии / состав. протоирей Иоанн Беляев. – СПб., 1863. – 358 с.
30. Сырцов, Я. Город Кострома в его прошлом и настоящем / Я. Сырцов. – Кострома, 1909. – 51 с.

31. Улицы Костромы: Справочник / под ред. В. Н. Бочкова. – Ярославль, 1989. – 94 с.

Словари

1. Веселовский, С. Б. Ономастикон / С. Б. Веселовский. – М., 1974. – 382 с.
2. Географо-статистический словарь Российской империи / сост. Семенов-Тянь-Шанский. – СПб., 1865–1884.
3. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. Т. I–IV. – М., 1955.
4. Керт, Г. М. Словарь саамско-русский и русско-саамский / Г. М. Керт. – Л., 1986.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. – М., 1990. – 682 с.
6. Мурзаев, Э. М. Словарь народных географических терминов / Э. М. Мурзаев. – М., 1984. – 653 с.
7. Мурзаев, Э. М. Словарь местных географических терминов / Э. М. Мурзаев. – М., 1959. – 303 с.
8. Никонов, В. А. Краткий топонимический словарь / В. А. Никонов. – М., 1966. – 509 с.
9. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М., 1968. – 847 с.
10. Петровский, Н. А. Словарь личных русских имен / Н. А. Петровский. – М., 1984. – 384 с.
11. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М., 1988. – 198 с.
12. Поспелов, Е. М. Географические названия мира. Топонимический словарь / Е. М. Поспелов. – М., 2001.
13. Русский семантический словарь : толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. – М., 1998.
14. Русский язык: энциклопедия. – М., 1979. – 431 с.
15. Словарь современного русского литературного языка. Т. I–XVII. – М. – Л., 1950–1965.
16. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова. Вып. I – ... . – Л. ; СПб., 1966 – ... .
17. Словарь русского языка : в 4 т. – М., 1999.
18. Словарь русского языка XI–XVII вв. / под ред. Г. А. Богатовой. – М., 1981–...
19. Советский энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохорова. 4-е изд. – М., 1988. – 1995 с.
20. Срезневский, И. И. Словарь древнерусского языка / И. И. Срезневский. – М., 1989.
21. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. – М., 1935 – 1940. – Т. 1 – 4.
22. Тупиков, Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен / Н. М. Тупиков // Зап. Отд. рус. и слав. Имп. рус. арх. об.-ва. – СПб., 1903. Т. 6. С. 86 – 914.

23. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. – М., 1986–1987. – Т. I – IV.
24. Чайкина, Ю. И. Географические названия Вологодской области : топонимический словарь / Ю. И. Чайкина. – Архангельск, 1988.
25. Шанский, Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский. – М., 1975.
26. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский фонд / под ред. О. Н. Трубачева. Вып. I –.... – М., 1975 –... .
27. Энциклопедия русской истории / под ред. Бенедиктова Н. А. – М., 2000. – 639 с.

Список литературы

1. Агеева, Р. А. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации / отв. ред. Н. И. Толстой – М., 1989. – 252 с.
2. Агеева, Р. А. Топонимия как источник изучения истории заселения края / Р. А. Агеева // Топонимика на службе географии. Сб. 110. – М., 1979. – С. 71–77.
3. Агеева, Р. А. Происхождение имен рек и озер / Р. А. Агеева. – М., 1985.
4. Алексеев, С. И. Археологические раскопки в Костроме / С. И. Алексеев // Археологические открытия 1993 года. – М., 1994.
5. Алексеев, С. И. История формирования городских территорий Костромы / С. И. Алексеев // Памятники истории и архитектуры Европейской России (исследование, реставрация, охрана) : материалы докладов научной конференции. – Нижний Новгород, 1995.
6. Алексеев, С. И. Материалы к археологической карте города Костромы / С.И. Алексеев // Историко-археологическое изучение Поволжья. – Йошкар-Ола, 1994. – 73 с.
7. Алексеев, С. И. Археология Костромского края / С. И. Алексеев; под ред. Леонтьева А. Е. – Кострома, 1997. – 274 с.
8. Алмазов, П. А. Краткий путеводитель по Костроме и Костромской губернии / П. А. Алмазов. – Кострома, 1909. – 43 с.
9. Альквист, А. Меряне, не меряне ... / А. Альквист // Вопросы языкознания. – 2000. – № 2. – С. 15 – 33.
10. Анохин, А. История Сквородки как народного сквера / А. Анохин // Костромские ведомости. – 1994. – № 3.
11. Анохин, А. Сквер напротив горисполкома – дар городского головы Ботникова / А. Анохин // Костромские ведомости. – 1994. – № 17.
12. Антонов, С. Завещание олигарха / С. Антонов // Хронометр. – 2002. – № 8. – С.6.
13. Антонов, С. Тайны тюремного замка / С. Антонов // Хронометр. – 2004. – №28. – С 4.
14. Архангельский, В. А. Эволюция названий города Балашова за 50 лет / В. А. Архангельский // Ономастика Поволжья. – Ульяновск, 1969. – С. 234 – 238.

15. Баженов, И. В. Судьба Костромского кремля / И. В. Баженов // Труды IV Областного археологического съезда в городе Костроме в июне 1909 г. – Кострома, 1914. – С. 1 – 15.
16. Баженов, И. В. Историко–археологический очерк // Костромская старина / И. В. Баженов. – Кострома, 1905.
17. Баранов, Т. А. Топонимия Тобольска и его окрестностей / Т. А. Баранов. – Екатеринбург, 1994.
18. Барашков, В. Ф. Самарская топонимика / В. Ф. Барашков. – Самара, 1996 – С. 93 – 148
19. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. – М., 1975. – 805 с.
20. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М., 1979. – 424 с.
21. Березович, Е. Л. Локальная топонимическая система: параметры и функционирование / Е. Л. Березович // Материалы для изучения селений России. Вып. 1. Ч. 2. – М., 1997. – 197 с.
22. Березович, Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте / Е. Л. Березович. – Екатеринбург, 2000. – 532 с.
23. Березович, Е. Л. К этнолингвистической интерпретации семантических полей / Е. Л. Березович // Вопросы языкознания. – М., 2004. – №6. – С. 3 – 24.
24. Березович, Е. Л. Топонимическая этносемантика / Е. Л. Березович // Славянское языкознание. XIII международный съезд славистов. Доклады российской делегации. – М., 2003.
25. Березович, Е. Л. Топонимия Русского Севера : этнолингвистические исследования / Е. Л. Березович. – Екатеринбург, 1998.
26. Березович, Е. Л. О специфике топонимической версии этнокультурной информации / Е. Л. Березович // Изв. Уральского госуниверситета. Гуманитарные науки. Вып.1.– Екатеринбург, 1997. – С. 39.
27. Березович, Е. Л. Семантические микросистемы в русской топонимии / Е. Л. Березович : автореф. дисс. ... канд. филол. наук ; спец. 10.02.01. – Екатеринбург, 1992. – 16 с.
28. Березович, Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте / Е. Л. Березович : автореф. дисс. ... д-ра филол. наук; спец. 10.02.01 // – Екатеринбург, 1999. – 39 с.
29. Березович, Е. Л. Этнолингвистика : учеб. для вузов / Е. Л. Березович. – М., 2004. – 450 с..
30. Бессонова, М. П. Геотехническое ограничение функционального использования территорий / М. П. Бессонова // Стратегия развития городской среды: материалы на коллегию Администрации г. Костромы. – Кострома, 2002.
31. Блауверг, И. В. Становление и сущность системного подхода / И. В. Блауверг. – М., 1973. – 177 с.
32. Богачева, М. В. Структурные модели полилексемных ойконимов Пермской области / М. В. Богачева // Ономастика в кругу гуманитарных наук :

- материалы международной научной конференции. – Екатеринбург, 2005. – 340 с.
33. Бойко, Н. А. Префиксальные дегидронимические ойконимы в славянских языках / Н. А. Бойко // Ономастика в кругу гуманитарных наук : материалы научной конференции. – Екатеринбург, 2005. – 340 с.
  34. Болотов, А. Т. Записки / А. Т. Болотов. – СПб., 1871-73. – 363 с.
  35. Бочков, В. Н. Старая Кострома : рассказы об улицах, домах и людях / В. Н. Бочков. – Кострома, 1997. – 232 с.
  36. Бочков, В. Н. Кострома : путеводитель / В. Н. Бочков. – Ярославль, 1971.
  37. Бочков, В. Н. Улицы Костромы : справочник / В. Н. Бочков. – Ярославль, 1989.
  38. Брюсова, В. Г. Гурий Никитин / В. Г. Брюсова. – М., 1982. – 272 с.
  39. Брюсова, В. Г. Ипатьевский монастырь / В. Г. Брюсова. – М., 1982. – 204 с.
  40. Веселовский, С. Б. Ономастикон / С. Б. Веселовский. – М., 1974. – С. 276.
  41. Виноградова, С. Г. Икона Федоровской Божией Матери : история и легенды / С. Г. Виноградова // Становление и ранний этап истории города Костромы: материалы к региональной программе по истории Костромского края. – Кострома, 1998. – 45 с.
  42. Виноградова, С. Г. К вопросу о ранней истории города / С. Г. Виноградова // Становление и ранний этап истории города Костромы: материалы к региональной программе по истории Костромского края. – Кострома, 1998. – 45 с.
  43. Воробьева, И. А. Системные связи топонимов средней части бассейна Оки / И. А. Воробьева // Вопросы русского языка и его говоров. – Томск, 1976. – С. 3.
  44. Воробьева, И. А. Язык земли // Вопросы региональной лексикологии и ономастики / И. А. Воробьева. – Вологда, 1995.
  45. Воробьева, И. А. Русская топонимия Алтая / И. А. Воробьева. – Томск, 1981.
  46. Гак, В. Г. К типологии лингвистических номинаций / В. Г. Гак // Языковая номинация. Общие вопросы. – М., 1977.
  47. Ганцовская, Н. С. Ансамбли названий улиц / Н. С. Ганцовская // Северная правда. 1986. – 21 ноября.
  48. Ганцовская, Н. С. Костромизмы и топонимы городской речи / Н. С. Ганцовская // Губернский дом. – №1-2, 2003. – С.45.
  49. Голомидова, М. В. Искусственная номинация в ономастике / М. В. Голомидова. – Екатеринбург, 1998.
  50. Горбаневский, М. В. По городам и весям «Золотого кольца» / М. В. Горбаневский. – М., 1983. – 92 с.
  51. Горбаневский, М. В. Русская городская топонимия: методы историко-культурного изучения и создания компьютерных словарей / М. В. Горбаневский. – М., 1996. – 303 с.
  52. Горбачевич, К. С. О городской топонимике / К. С. Горбачевич // Вопросы культуры речи. Вып.5. – М., 1964. – С. 91 – 104.
  53. Горбачевич, К. С. Русские географические названия / К. С. Горбачевич. – М.–Л., 1965. – 64 с.

54. Горенко, Т. Незатейливая Овражная не забыла устои Дворянской / Т. Горенко // Северная правда. – 1999. – 7 апреля. – С. 7.
55. Горенко, Т. Прогулки по Селищу / Т. Горенко // Северная правда. – 1999. – 23 июня. – С. 7.
56. Григоров, А. А. Без Костромы наш флот не полон : морские офицеры-костромичи XVII – нач. XX вв. / А. А. Григоров. – Кострома, 2002. – 160 с.
57. Григоров, А. А. Из истории костромского дворянства / А. А. Григоров. – Кострома, 1993. – 472 с.
58. Жучкевич, В. А. Топонимика Белоруссии / В. А. Жучкевич. – Минск, 1968. – 164 с.
59. Жучкевич, В. А. Общая топонимика / В. А. Жучкевич. – Минск, 1968. – 184 с.
60. Карпенко, Ю. А. Топонимика и ее место в лексическом составе языка / Ю. А. Карпенко. – Черновцы, 1962.
61. Каткова, С. С. Века и судьбы / С. С. Каткова. – Кострома, 2001. – 430 с.
62. Кезина, С. В. Семантическое поле как система / С. В. Кезина // Филологические науки. – 2004. – №4. – С. 85.
63. Керт, Г. С. О создании банка данных топонимов Российских деревень / Г. С. Керт // Деревня Центральной России : история и современность. – М., 1993.
64. Кивокурцева, О. Ночлежный дом Чернова / О. Кивокурцева // Костромские ведомости – 1993. – № 7.
65. Кильдышев, А. В. Фрески церкви Воскресения на Дебре в Костроме / А. В. Кильдышев. – Кострома, 1996. – 119 с.
66. Кирпичная слобода в Костроме // Костромские губернские ведомости. – 1885. – № 17
67. Клейменов, В. Улица Чайковского / В. Клейменов // Молодежная линия. – 2003. – 23 января. – № 5 – С.30.
68. Климова, Л. А. Диалектолого-ономастическая работа в вузе и школе / Л. А. Климова. – Арзамас, 1988. – 90 с.
69. Климова, Л. А. Изучение топонимии южных районов Горьковской области и проблемы составления микротопонимического словаря / Л. А. Климова // Диалекты и топонимия Поволжья. – Чебоксары, 1990.
70. Климова, Л. А. Топонимический облик Арзамаса : прошлое и настоящее / Л. А. Климова // Литературное общество «Арзамас» : культурный диалог эпох : материалы международной научной конференции. – Арзамас, 2005. – С. 231 – 245.
71. Ковалев, Г. Ф. Этнос и имя / Г.Ф. Ковалев. – Воронеж, 2003.
72. Королев, Г. Р. География Костромской области / Г. Р. Королев. – Ярославль, 1971. – 92 с.
73. Костромские святыни / сост. иеромонах Харитон Просторов – Кострома, 2002. – 176 с.
74. Кострома : историческая энциклопедия / гл. ред. А. К. Шустов. – Кострома, 2002. – 413 с.

75. Кривоzubова, Г. А. Иерархия внутригородских объектов. Урбанонимы города Омска (Состав и функционирование) / Г. А. Кривоzubова : автореф. дисс.... канд. филол. наук; спец., 10.02.01 // Омский ун-т. – Омск, 1993. – 12 с.
76. Кудряшов, Е. В. Архитектурный ансамбль центра Костромы / Е. В. Кудряшов. – Ярославль, 1992. – 31 с.
77. Кузнецова, Э. В. Лексикология русского языка / Э. В. Кузнецова. – М., 1982.
78. Купина, Н. А. Региональные онимы в лингвокультурном пространстве города / Н. А. Купина // Ономастика в кругу гуманитарных наук : материалы международной научной конференции. – Екатеринбург, 2005. – С. 46 – 48.
79. Лабунец, Н. В. Национальная специфика географической лексики / Н. В. Лабунец // Ономастика в кругу гуманитарных наук: материалы международной научной конференции. – Екатеринбург, 2005. – С. 92 – 94.
80. Лукомский, В. К. Кострома / В. К. Лукомский. – СПб., 1913. – 501 с.
81. Маслов, М. Н. Топонимия Калуги – зеркало истории города / М. Н. Маслов // Вопросы географии. – 1962. – № 53.
82. Матвеев, А. К. Собственно русская топонимия как источник сведений о древнем населении Севера европейской части России / А. К. Матвеев // Известия Урал. гос. ун-та. – Екатеринбург, 2004. – № 33. – С. 5 – 11.
83. Матвеев, А. К. Костромское Андоба (к мерянской этимологии) / А. К. Матвеев // Вопросы региональной лексикологии и ономастики. – Вологда, 1995. – С. 84 – 85.
84. Матвеев, А. К. Собственно русская топонимия как источник сведений о древнем населении Севера европейской части России / А. К. Матвеев // Известия Уральского государственного университета. Вып. 8. – Екатеринбург, 2004.
85. Материалы свода памятников истории и культуры РСФСР : Костромская область / ред. Ю. М. Иванова. – М., 1976. – 11с.
86. Морозова, М. Н. Взаимодействие географической апеллятивной и топонимической лексики / М. Н. Морозова // Ономастика Поволжья. – Ульяновск, 1969.
87. Морозова, М. Н. Топонимы и нарицательные слова / М. Н. Морозова // Русская речь. – 1970. – № 1.
88. Мурзаев, Э. М. География в названиях / Э. М. Мурзаев. – М., 1982. – 167 с.
89. Мурзаев, Э. М. Очерки топонимии / Э. М. Мурзаев. – М., 1974. – 382 с.
90. Мурзаев, Э. М. Образ места / Э. М. Мурзаев // Русская речь. – 1993. – № 2.
91. Мурзаев, Э. М. Топонимика и география / Э. М. Мурзаев. – М., 1963. – № 3. – С. 14.
92. Мызников, С. А. Русские говоры Обонежья / С. А. Мызников. – СПб., 2003. – 540 с.
93. Негорюхин, Б. Прогулки по Костроме по Воскресенской горе / Б. Негорюхин // Костромская народная газета. – 2001. – №20. – 16мая. – С. 12.
94. Негорюхин, Б. Прогулки по Костроме. Улица Первого мая / Б. Негорюхин // Костромская народная газета. – 2001. – №28. – 27 июня. – С. 12.

95. Негорюхин, Б. Прогулки по Костроме с Борисом Негорюхиным по улице Островского (Московской, Мшанской) / Б. Негорюхин // Костромская народная газета. – 2000. – №30. – 1 ноября. – С. 14.
96. Нерознак, В. П. Названия древнерусских городов / В. П. Нерознак. – М., 1983. – 208 с.
97. Никонов, В. А. Введение в топонимику / В. А. Никонов. – М., 1965. – 179 с.
98. Никонов, В. А. Имя и общество / В. А. Никонов. – М., 1974. – 278 с.
99. Никонов, В. А. Топонимика в историко-географической этнографии / В. А. Никонов, – М., 1964. – 14 с.
100. Никонов, В. А. Ищем имя / В. А. Никонов. – М., 1988. – 128 с.
101. Никонов, В. А. Славянский топонимический тип / В. А. Никонов // Вопросы географии. – 1962.
102. Никитин, С. А. Десемантизация топонимов в Москве и Риме. Избыточные имена / С. А. Никитин // Ономастика в кругу гуманитарных наук : материалы международной конференции. – Екатеринбург, 2005. – 340 с.
103. Овчар, Н. В. Опыт идеографического описания озерных гидронимов Русского Севера / Н. В. Овчар // Номинация в ономастике. – Свердловск, 1991. – 61 с.
104. Островский, П. Исторические записки о Костроме и ее святыне благочестно-чтимой в императорском доме Романовых / П. Островский. – Кострома, 1864. – 274 с.
105. Очистка медного пруда // Костромской листок. – 1992. – 10 ноября.
106. Павлова, Т. В. Прогулки по Костроме / Т. В. Павлова // Костромская народная газета. – 2001. – № 23. – 6 июня. – С. 12.
107. Памятники архитектуры Костромской области : каталог. Вып. 1. Ч. 1. – Кострома, 1996. – 367 с.
108. Перлин, В. Н. Топонимы города Смоленска / В. Н. Перлин // Вопросы топонимики СССР. – М., 1971. – с. 13-15.
109. Подольская, Н. В. Типовые восточнославянские топоосновы / Н. В. Подольская ; под ред. А. В. Суперанской. – М., 1983.
110. Подольская, Н. В. О развитии отечественной топонимической терминологии / Н. В. Подольская // Развитие методов топонимических исследований. – М., 1970. – С. 46 – 55.
111. Попов, С. А. Топонимия Воронежской области в диахроническом аспекте / С. А. Попов // Исторический источник : человек и пространство. – М., 1997. – С. 267 – 268.
112. Поросятковская, Л. Уездный предводитель Василий Карцов / Л. Поросятковская // Губернский дом. – 1999. – № 2. – С. 33.
113. Пospelов, Е. М. Топонимика и картография / Е. М. Пospelов. – М., 1971. – 256 с.
114. Приображенский, А. В. Русская топонимия карельского Поморья и Обонежья в историческом аспекте / А. В. Приображенский : дисс. ... канд. филол. наук. – Петрозаводск, 2003. – 280 с.

115. Резепин, П. П. Дурьгины / П. П. Резепин // Костромской предприниматель. – 2004. – №5 (41) – С. 9.
116. Ремизов, Е. «Приглашает Берендеевка» / Е. Ремизов // Северная правда. – 1984. – 3 июня.
117. Реформатский, А. А. Семиотика географической карты / А. А. Реформатский // Лингвистическая терминология и прикладная топонимика. – М., 1964.
118. Реформатский, А. А. Топонимика как лингвистический факт / А. А. Реформатский // Топонимика и транскрипция. – М., 1967. – С.29 – 30.
119. Рогов, И. В. Ипатьевский монастырь. Исторический очерк / И. В. Рогов, С. Н. Уткин. – М., 2003. – 200 с.
120. Розов, В. С. Путешествие в разные стороны. Автобиографическая проза / В. С. Розов. – М., 1987. – 496 с.
121. Рут, М. Э. Образная номинация в русском языке / М. Э. Рут. – Екатеринбург, 1992.
122. Рязанова, З. И. Интерпретации смысла деминутивного суффикса / З. И. Рязанова // Фортунатовский сборник : материалы научной конференции, посвященной 100-летию Московской лингвистической школы 1897–1997 гг.: под ред. Е. В. Красильниковой. – М., 2000. – 352 с.
123. Самойлович, И. С. Топонимия Калуги / И. С. Самойлович // Топонимика. Вып. 2. – М., 1967.
124. Сапронова, Г. Ф. Топонимия Москвы по названиям церквей и монастырей / Г.Ф. Сапронова : автореф. дисс. ... канд. филол. наук; спец.,10.02.01. – М., 1998. – 20 с.
125. Севастьянова, А. А. Любезным моим согражданам. Первый костромской историк Николай Сумароков (вторая половина XVIII в) / А. А. Севастьянова // Костромская земля: краеведческий альманах Костромского фонда культуры. Вып. 3. – Кострома, 1995. – С. 102 – 105.
126. Сизинцева, Л. И. Якиманихе – 250 / Л. И. Сизинцева // Костромские ведомости. – 1995. – № 39.
127. Скворцов, Л. Материалы для истории города Костромы / Л. Скворцов. Ч.1. – Кострома, 1913.
128. Селищев, А. М. Из старой и новой топонимики / А. М. Селищев // Изб. труды. – М., 1968. – С. 45 – 96.
129. Сказание о явлении и чудесах Федоровской иконы Богородицы в Костроме // Вестник археологии и истории. Вып. XI. – СПб, 2000.
130. Смирнов, Вас. Клады, паны, разбойники / Вас. Смирнов // Труды КНО. Вып. XXVI. – Кострома, 1921. – С. 1 – 45.
131. Смолицкая, Г. П. Названия московских улиц / Г. П. Смолицкая. – М., 1996. – 239 с.
132. Смолицкая, Г. П. Топонимия Москвы / Г. П. Смолицкая. – М., 1982. – 176 с.
133. Снегирев, В. Московские слободы / В. Снегирев. – М., 1953..
134. Соловьева, А. Татарская слободка в XIX веке А. Соловьева // Костромские ведомости. – 1994. – 12 января. – С. 6.

135. Суперанская, А. В. Типология именования внутригородских объектов Москвы / А. В. Суперанская // Вопросы географии. Сб. 126. – М., 1985.
136. Суперанская, А. В. Наименования и переименования в городах / А. В. Суперанская // Вопросы географии. Сб. 70. – М., 1966. – С. 88 – 94.
137. Суперанская, А. В. Типы и структура географических названий / А. В. Суперанская // Лингвистическая терминология и прикладная топонимика. М., 1964. – С. 58 – 118.
138. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – М., 1973. – 366 с.
139. Ткаченко, О. Б. Очерки теории языкового субстрата / О. Б. Ткаченко. – Киев, 1989. – 208 с.
140. Ткаченко, О. Б. Мерянский язык / О. Б. Ткаченко. – Киев, 1985. – 208 с.
141. Толстая, С. М. Мотивационные семантические модели и картина мира С. М. Толстая // Русский язык в научном освещении. – 2002. – № 1 (3).
142. Толстая, С. М. К понятиям апеллятивизации и онимизации С. М. Толстая // Ономастика в кругу гуманитарных наук: материалы международной научной конференции. – Екатеринбург, 2005. – 340 с.
143. Толстая, С. М. Топонимия и картина мира С. М. Толстая // Живая старина. – 2002. – № 1 (33). – С. 53 – 55.
144. Толстой, Н.И. Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии / Н. И. Толстой // Славянское языкознание. – М., 1968. – С. 363 – 364.
145. Толстой, Н.И. Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды / Н. И. Толстой. – М., 1969. – 268 с.
146. Тригуб, Л. Г. Многословные топонимы с предлогами в языке русской народности XVI-XVII вв. / Л. Г. Тригуб // Давльорусска ономастична спадщина в східно-славянських мовах. – Киев, 1986.
147. Трубачев, О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках: этимология и опыт групповой реконструкции / О. Н. Трубачев. – М., 1996.
148. Трубе, Л. Л. Урбанонимия города Горького / Л. Л. Трубе // Теория и практика топонимических исследований. – М., 1975.
149. Трубецкой, Н. С. Основы фонологии / Н. С. Трубецкой. – М., 1960.
150. Урысон, Е. В. Проблемы исследования языковой картины мира / Е. В. Урысон. – М., 2003. – 224 с.
151. Уфимцева, А. А. Слово в лексико-семантической системе языка / А. А. Уфимцева. – М., 1968. – 265 с.
152. Холмогоров, В. Г. Материалы для истории Костромской епархии. Костромская десятина жилых данных церквей 1628-1710 и 1742-1746 гг. / В. Г. Холмогоров. Вып. 4. – Кострома, 1908.
153. Холмогоров, В. Г. Материалы для истории сел, церквей и владельцев Костромской губернии XV-XVIII вв. Костромская и Плеская десятины / В. Г. Холмогоров. Вып. 5. – М., 1912.
154. Чайкина, Ю. И. Географические названия Вологодской области: топонимический словарь / Ю. И. Чайкина. – Архангельск, 1988. – 269 с.

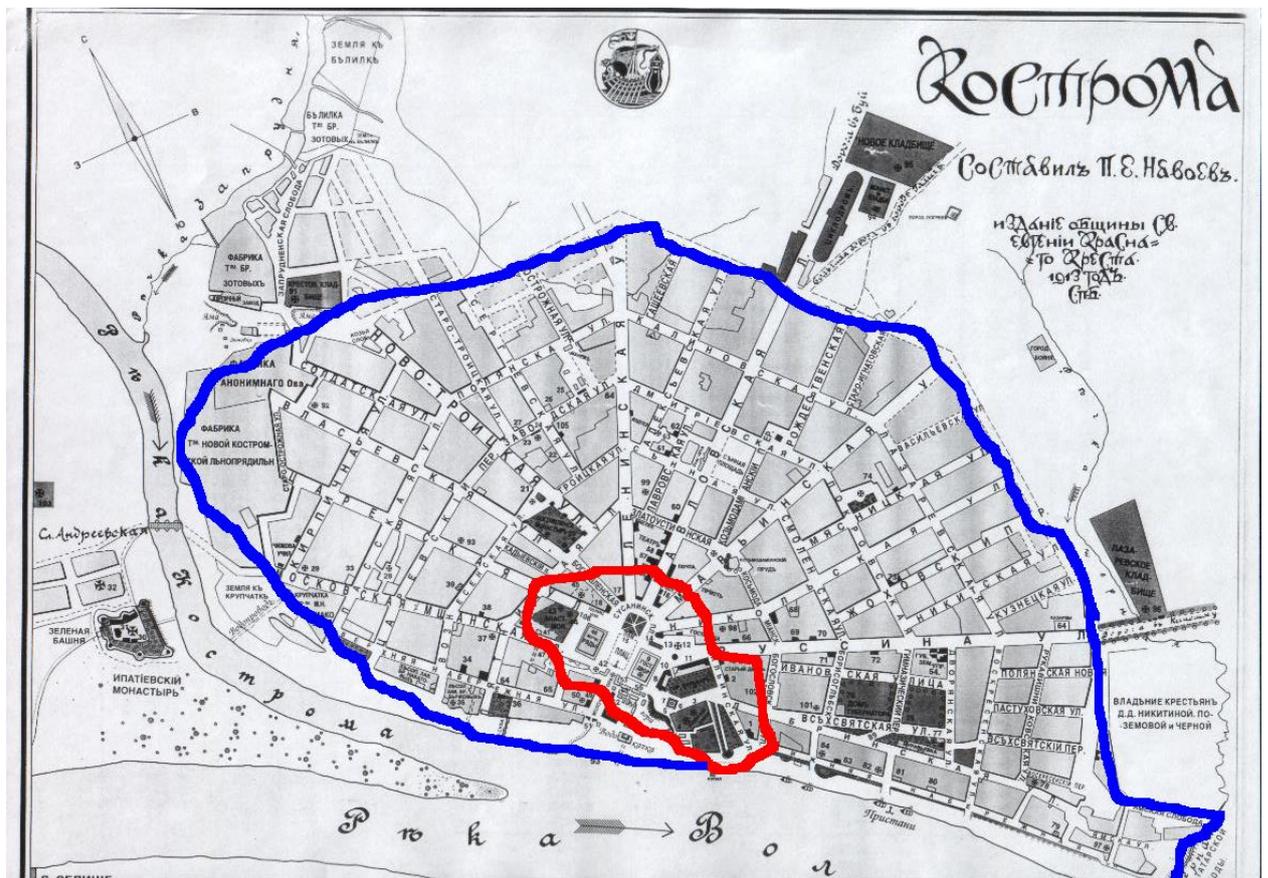
155. Чернышева, Т. В. Русская оронимия Алтая в аспекте номинации / Т. В. Чернышева : автореф. дисс. ... канд. фил. наук; спец., 10. 02. 01. – Томск, 1988. – 180 с.
156. Черняховская, Е. М. История разработки топонимических классификаций / Е. М. Черняховская // Развитие методов топонимических исследований : под ред. Е. М. Поспелова. – М., 1970. – С. 55 – 65.
157. Шилов, А. Л. Паны на русском севере / А. Л. Шилов // Материалы для изучения селений России. Ч. II. Язык Российской деревни: говоры, лингвофольклористика, ономастика. – Нижний Новгород, 1997. – С. 89 – 91.
158. Шиловский, А. Воспоминания об Ипатьевской слободе : по рассказам старожилов / А. Шиловский // Костромские ведомости. – 1994. – № 2.
159. Шмелев, Д. Н. Очерки по семасиологии / Д. Н. Шмелев. – М., 1964. – С. 83.
160. Шмелев, Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики / Д. Н. Шмелев. – М., 1973. 280 с.
161. Яценко, И. А. Лингвистический анализ микротопонимов определенного региона: курс лекций для студентов филологических факультетов педагогических институтов / И. А. Яценко. – Вологда, 1977. – 60 с.

Костромские топонимы на древнем синхронном срезе
(по описанию 1679 г.)

ОНИМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА КОСТРОМЫ

Первый и второй синхронные срезы

 - границы первого онимического среза

 -- границы второго онимического среза

Онимическое пространство первого среза (центр - периферия)

